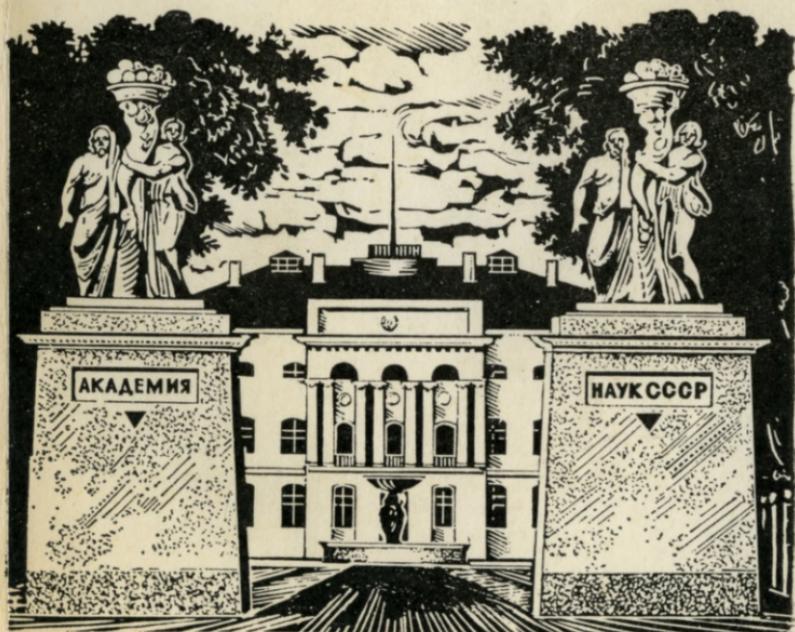


4

Русская речь

1974



Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 4, 1974 июль — август

В номере:

К 250-летию Академии наук СССР
Л. Е. Лопатина. Ценное наследство 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О. А. Державина. Язык художественной прозы
А. Н. Радищева 18
А. В. Никонов. Взгляды декабристов на развитие
русского литературного языка 27
В. В. Одинцов. Кто автор? 33
В. А. Плотникова. Безумных лет угасшее веселье 43
И. С. Ильинская. Незнакомые знакомцы 51
Н. И. Михайлова. Заметки о прозе Пушкина 59
Художественно-изобразительные средства К. Г. Паустовского
Ю. С. Долгов. Метафора 64
И. И. Постникова. Олицетворение 68

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. Беседы о русском
произношении 71
С. С. Плямоватая. Субпродукты 76

ГРАММАТИКА. СТИЛИСТИКА

Т. А. Тулина. С чем мы сравниваем? 81
В. П. Ковалев. Категория числа как выразительное
средство 85
Н. Н. Иванова. Отзвуки стиля Пушкина в поэзии
наших дней 89

ОБЛАСТНЫЕ ГОВОРЫ

Л. Ф. Моисеева. О чем говорят названия птиц . . . 93

ПО КАРТЕ РОССИИ

Н. Д. Русинов. Город Углич и Угличе Поле 99

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

В. М. Мокшенок. На Маланьину свадьбу 105

Г. Н. Тарко. Слова-термины 107

Н. П. Кабанова. Слова с редкими суффиксами . . . 112

И. Г. Добродомов, Н. А. Баскакков. О происхождении слова *колчан* 115

СТАРАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Н. П. Панкратова. О древнерусской тайнописи 121

ШКОЛА

П. С. Пустовалов. Сочинение на «свободную» тему 130

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

Н. Д. Молдавская. Поэтическая речь в восприятии читателей-школьников . . . , 137

ХРОНИКА

В. Б. Полезная книга 145

КОНСУЛЬТАЦИИ

Грамматическая правильность русской речи 146

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

«Чудище обло» 25

Читая Пушкина 56

Специальность и профессия, ресурс и резерв; Информатика, документалистика; Выходной день; Капитана-инженера или капитан-инженера? Влага; Самбо; Усугубить, усугубиться 148

*На обложке: Здание Академии наук СССР в Москве
Рисунок Ю. Космынина*

*К 250-летию
Академии наук СССР*

ЦЕННОЕ НАСЛЕДСТВО

Советские языковеды всегда помнили и помнят о том, что дальнейшее развитие науки немислимо без учета выдающихся достижений языковедов прошлого.

Бережно относиться к наследству, изучать его — этим ленинским принципом руководствовались советские лингвисты, в том числе и сотрудники Академии наук СССР, отдавшие много сил изданию важнейших трудов классиков русской и советской лингвистической науки. Среди этих публикаций — капитальные монографии и сборники статей; работы, издававшиеся в прошлом, и труды, которые не были в свое время изданы и дошли до нас в рукописях. Краткому обзору того, что сделано в этом направлении советскими языковедами (а сделано, действительно, очень многое), и посвящается эта статья, причем речь здесь пойдет лишь о трудах в области славистики, и прежде всего о трудах по русскому языку, его истории и диалектологии.

У истоков русского языкознания стоит великий Ломоносов (1711—1765). М. В. Ломоносов-филолог еще при жизни стяжал, по выражению А. Н. Радищева, «славу вождя». В течение многих десятилетий он оставался признанным главой русской филологии. Нас он привлекает прежде всего общественной направленностью своих трудов, их патристичностью. Язык, учит Ломоносов, необходим человеческому обществу для «согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется» (Российская грамматика). Работа Ломоносова над русским литературным языком была вызвана стремлением сделать язык таким, чтобы народу

стал внятн голос науки, чтобы пышнее расцвело художественное слово, чтобы наука и литература внедрились в национальный быт.

В пятидесятых годах Академия наук СССР предприняла издание Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова. В 1958 году вышел из печати последний, седьмой том собрания, подготовленный к печати Г. П. Блоком в сотрудничестве с В. Н. Макеевой. В нем впервые собраны все дошедшие до нас филологические труды Ломоносова. Лишь три из опубликованных здесь работ были изданы при жизни Ломоносова: «Краткое руководство к красноречию» (1748), «Российская грамматика» (1755) и «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1757). Полностью опубликованы «Материалы к Российской грамматике», из которых была известна до сих пор лишь меньшая часть. Напечатаны в примечаниях к «Риторике» 1748 года ее рукописные варианты, среди них важное высказывание об ораторском искусстве Феофана Прокоповича. При подготовке примечаний к этому тому был просмотрен заново весь архивный материал, относящийся к филологическому наследию Ломоносова.

Значительным событием в развитии русского языкознания явилась речь И. И. Срезневского (1812—1880) «Мысли об истории русского языка», прочитанная им 8 февраля 1849 года на годичном торжественном собрании Петербургского университета. Речь первого в России доктора славяно-русской филологии имела огромный успех не только среди ученых-филологов, но и в широких кругах общественности. Среди слушателей был ученик Срезневского — Н. Г. Чернышевский. «Мысли об истории русского языка» сохраняют свое обаяние и в наши дни. В 1959 году речь была переиздана в «Учпедгизе» отдельной книгой, где она воспроизведена по третьему прижизненному изданию 1850 года. В качестве приложения опубликованы две статьи Срезневского «О древнем русском языке» и «Язык Повести временных лет», а также отрывки из сделанной Чернышевским записи курса истории русского языка, читанного Срезневским в 1849 — 1850 годах.

Один из крупнейших представителей русской филологической науки — академик Ф. И. Буслаев (1818—1897). Языкознание было лишь частью его интересов, подчиненных изучению «духовной жизни народа». Помимо лингвистических работ, ему принадлежат многие исследования по древнерусскому искусству и литературе.

Основной лингвистический труд Буслаева «Историческая грамматика русского языка» был переиздан в 1959 году (М., Учпедгиз). Издание подготовили И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко, А. И. Толкачев. В «Исторической грамматике», задуманной автором как пособие для преподавания русского языка в средних учебных заведениях, описан русский литературный язык первой половины XIX ве-

ка. «Исторической» же грамматика названа потому, что система современного языка получает в ней историческое освещение. В бу-слаевской грамматике собран и проанализирован огромный фактический материал: произведения русских писателей XVIII — начала XIX века, памятники древнерусской письменности XI—XVII веков, памятники старославянского языка. Этим «Историческая грамматика» интересна и для современного читателя. Представляют интерес также наблюдения автора над историей отдельных форм и конструкций в русском языке.

В основу нового издания «Исторической грамматики русского языка» положено последнее, пятое (М., 1881); список источников уточнен и дополнен из текста книги. В качестве приложения опубликовано предисловие к первому изданию «Исторической грамматики», в последующих изданиях не печатавшееся.

Чрезвычайно велико наследие выдающегося лингвиста члена-корреспондента АН СССР А. А. Потебни (1835—1894). Его исследования привлекают глубиной мысли, смелостью обобщения и выводов. Они всегда основаны на богатом и конкретном материале различных языков, тонком лингвистическом анализе. Главное в трудах Потебни — историзм, исследование языка в его эволюции. Он скептически относился к исследованиям, игнорирующим принцип развития языка, и вместе с тем история языка интересовала его в значительной степени как средство объяснения современного состояния языка, истоков и перспектив его развития.

Основной труд Потебни — «Из записок по русской грамматике». Три его тома, изданные в конце прошлого века, давно стали библиографической редкостью, а IV том вышел в свет лишь в советское время. I том — «Введение» и II том — «Составные члены предложения и их замены» были переизданы в 1958 году, III том — «Об изменении значения и заменах существительного» — в 1968 году под общей редакцией, с предисловием и вступительной статьей к обеим публикациям В. И. Борковского. В издании 1958 года дан «Список печатных трудов А. А. Потебни». В обоих изданиях мы находим «Предметный указатель», значительно облегчающий пользование сложным по композиции трудом Потебни.

Во «Введении» дается обзор форм простого предложения, однако начинается он с вопроса о слове. Здесь вводится принципиальное для всей концепции Потебни понятие «внутренней формы слова», определяются грамматические категории, говорится о возникновении и развитии частей речи и связанной с этим истории членов предложения. Значительное место уделено понятию составного сказуемого и его развитию.

Важнейшая заслуга Потебни состоит в том, что он указал (во втором томе своего труда) на изменяемость предложения в

истории русского языка и определил то направление, в котором оно изменялось,— усиление сказуемости, ослабление однородности членов предложения, устранение параллелизма в грамматических формах, то есть сложение «более компактного» строя предложения. Третий том труда Потебни посвящен вопросу о развитии имени существительного, о происхождении имени прилагательного из существительного.

IV том — «Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог» — впервые опубликован через 50 лет после его написания (изд-во АН СССР, М.—Л., 1941; редакторы: А. В. Ветухов, М. Д. Мальцев и Ф. П. Филин, вступительная статья Ф. П. Филина). Труд этот, хотя и продолжает первые три тома, может рассматриваться и тематически, и по своим теоретическим установкам как самостоятельное исследование. Основная часть его посвящена глаголу; особый интерес представляют главы о происхождении и развитии видов в славянских языках, о наклонениях, временах и залогах.

В 1973 году в Киеве был впервые опубликован незавершенный труд Потебни «Ударение» (изд-во «Наукова думка»), воспроизведенный по двум копиям с рукописи автора и подготовленный к печати В. Ю. Франчук. Это первая в отечественном и славянском языкознании монография, посвященная вопросам акцентологии. В ней выдвинута и развита идея сравительно-исторического изучения славянского ударения, собран и обработан материал восточнославянских и южнославянских языков.

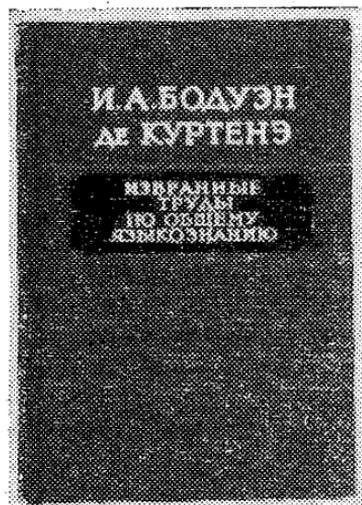
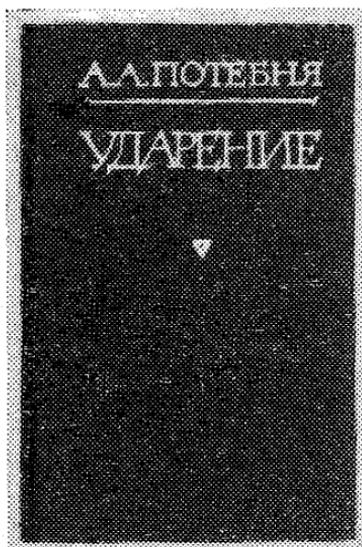
Учитывая возросший за последние годы интерес к творчеству члена-корреспондента АН СССР И. А. Бодуэна де Куртенэ (1845—1929), Академия наук СССР предприняла издание его «Избранных трудов по общему языкознанию» в двух томах. Составители сборника В. П. Григорьев и А. А. Леонтьев отобрали для публикации 52 работы. В двухтомник вошли статьи, разбросанные по самым различным журналам; 24 статьи были специально переведены с польского, французского, немецкого языков. Две работы «Август Шлейхер» и «Знаки препинания» опубликованы впервые. Разумеется, в это издание не могли войти более крупные по объему работы Бодуэна де Куртенэ. Вступительные статьи написаны В. В. Виноградовым и В. Дорошевским (Польша).

Бодуэн де Куртенэ — русско-польский языковед, представитель общего и славянского языкознания. Он был родоначальником Казанской и Петербургской лингвистических школ. Многие его идеи и методы оказали и продолжают оказывать решающее влияние на развитие современной лингвистики. Принципиальное значение имеет бодуэновская теория фонем и фонетических чередований, впервые разработанная в 1895 году в «Опыте теории фонетических альтернатив» (опубликована в первом томе нового издания). Чрезвы-

чайно важны статьи «Заметка об изменяемости основ склонения» и «Лингвистические заметки и афоризмы» (том второй), посвященные историческим изменениям морфологического состава слова. Бодуэн де Куртене отстаивал принцип строгого различения эволютивного и статического изучения языков, признавал возможным сознательное воздействие общества на развитие языка и выступил в защиту искусственных вспомогательных языков. Он глубоко проанализировал понятие языкового родства и дал обзор славянских языков, до сих пор сохранивший большое научное значение. Одна из его заслуг—переиздание Толкового словаря В. Даля со своей редакцией и дополнениями.

Невозможно кратко перечислить даже основные идеи и увлечения Бодуэна де Куртене. По образному выражению Виктора Шкловского, слушавшего лекции Бодуэна в Петербурге, «его книги переполнены наблюдениями, как поезд на железной дороге». Вышедший двухтомник с полной отражает многообразие научного наследия Бодуэна.

В течение долгого времени главой русской филологической школы был академик Ф. Ф. Fortunatov (1848—1914) — один из наиболее самобытных представителей сравнительно-исторического языковедения в России. Его идеи и достижения имеют огромное значение для современного языковедения. Он много сделал для выработки принципов изучения



языков, строго различал отношения, живые для современного языка, и отношения, унаследованные от прошлого. Заслуживает внимания тонкость и точность метода сравнительно-фонетического и сравнительно-морфологического анализа, по которым он стоял впереди современных ему зарубежных лингвистов.

«Избранные труды» Фортунатова в двух томах были изданы в 1956 году (М., Учпедгиз; редакторы: М. Н. Петерсон, Н. С. Кузнецов и А. Н. Робинсон; вступительная статья М. Н. Петерсона). Двухтомник содержит четыре обширных университетских курса, из которых «Сравнительное языковедение» и «Сравнительная морфология индоевропейских языков» опубликованы впервые, до сих пор они были изданы лишь литографически. Курс «Лекций по фонетике старославянского языка» и «Краткий очерк сравнительной фонетики индоевропейских языков» перепечатаны с изданий 1919 и 1922 годов. Во втором томе мы найдем и список печатных трудов Фортунатова, составленный видным языковедом В. К. Поржезинским.

Академик А. А. Шахматов (1864—1920) был филологом и историком широкого профиля. Разнообразные явления русской культуры, литературы и языка он рассматривал в исторической взаимосвязанности и обусловленности. Значительную часть своей научной деятельности он посвятил проблеме образования русской народности, судьбам восточного славянства. Ему принадлежит первая в науке стройная и последовательная концепция происхождения русского народа и языка. Влияние Шахматова ощутимо во всех областях языкознания. Понятно поэтому неослабевающее внимание к его творчеству, неоднократное переиздание его работ.

Один из основных трудов А. А. Шахматова «Синтаксис русского языка» впервые издан лишь после смерти автора (1924—1925). Второе издание «Синтаксиса», осуществленное, как и первое, под редакцией Е. С. Истриной, появилось в 1941 году. «Синтаксис русского языка» представляет собой самое полное и глубокое описание типов простого предложения в русском языке. Рассматривая объем и границы синтаксиса очень широко, Шахматов включил в эту работу и учение о частях речи.

В 1941 году четвертым изданием вышел «Очерк современного русского литературного языка» Шахматова (М., Учпедгиз). В нем переработана и расширена вводная статья С. И. Бернштейна, в текст «Очерка» введены две таблицы гласных и согласных звуков московского наречия (они взяты из литографированного «Курса истории русского языка» Шахматова). В книге речь идет о происхождении и развитии русского литературного языка, выявляются в нем собственно русские элементы, церковнославянизмы, диалектизмы, дается описание фонетики и частей речи.

Большой интерес представляет учение Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи. В «Очерке» уже был намечен новый взгляд Шахматова на объем и содержание морфологии, но обоснование распределения слов русского языка по частям речи оставалось за его пределами. Развитие этих мыслей Шахматова продолжено в «Синтаксисе русского языка», написанном позднее. В 1952 году был издан сборник «Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи)», в котором объединены работы ученого, посвященные данной тематике. Основное место здесь занимают морфологические разделы «Синтаксиса русского языка» и «Очерка современного русского литературного языка». Вступительная статья к сборнику написана В. В. Виноградовым.

В 1957 году была опубликована «Историческая морфология русского языка» Шахматова с предисловием и примечаниями С. П. Обнорского (М., Учпедгиз). Это издание является частью «Курса истории русского языка», прочитанного Шахматовым в 1908—1911 годах и в свое время изданного только литографически. Морфологическая часть «Курса», представляющая собой подробное изложение истории древнерусского именного склонения, имеет большое самостоятельное значение.

Много заслуг перед советским славяноведением имеет академик Е. Ф. Карский (1861—1931), но самая главная из них — основание белорусского языковедения и белорусской филологии. Основной труд Карского «Белорусы» печатался в 1903—1922 годах в трех томах (семи выпусках). Академия наук БССР при содействии АН СССР переиздала второй том, посвященный языку белорусского народа: выпуск первый (Исторический очерк звуков белорусского языка) — в 1955 году, выпуски второй и третий (Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском языке; Очерки синтаксиса белорусского языка) — в 1956 году (в одной книге). Ответственный редактор издания, автор биографического очерка и статьи, посвященной научной деятельности Карского в области белорусского языковедения — В. И. Борковский. Труд Карского, как указывал Б. М. Ляпунов, «по тщательности обработки является почти беспримерным». Исследование сравнительно-исторического характера строится на широком материале старобелорусских письменных памятников, записей народного творчества, живой диалектной речи с привлечением фактов других восточнославянских языков — русского и украинского.

Помимо белорусского языка, Карский занимался русским языком, восточнославянской диалектологией, старославянским, украинским, польским языками, этнографией, палеографией. Он был крупнейшим палеографом своего времени. Многочисленные работы Кар-

ского по этим вопросам собраны в большом томе «Труды по белорусскому и другим славянским языкам», вышедшем в 1962 году в издательстве «Наука». Ответственный редактор издания В. И. Борковский при отборе работ для печатания из огромного наследия Карского оказал предпочтение преимущественно небольшим по объему исследованиям. Из палеографических и этнографических работ были отобраны те, в которых лингвистический раздел занимает основное место; из критико-библиографических заметок помещены наиболее развернутые. Материал в книге распределен по отделам: 1) восточнославянские языки (Древнерусский язык; Русский язык; Белорусский язык; Украинский язык); 2) южнославянские и западнославянские языки; 3) языковеды-слависты. В том включены, в частности, «Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи» — одна из первых работ по древнерусскому синтаксису, оказавшая большое влияние на изучение исторического синтаксиса русского языка. Сохраняют свое значение диалектологические статьи — «Что такое древнее западнорусское наречие», «Из русской диалектологии» и другие. В конце тома дана подробная библиография трудов ученого, список литературы о нем, статья В. И. Борковского «Труды академика Е. Ф. Карского по славянским языкам».

Член-корреспондент АН СССР В. И. Чернышев (1867—1949) был, по словам В. В. Виноградова, «одной из своеобразнейших и характернейших личностей в нашей отечественной науке о русском языке и в области методики обучения живому родному слову». До 45 лет он не прерывал своей учительской деятельности, которую начал в 1886 году в сельской школе. Лишь с 1912 года он целиком посвятил себя научному труду. Его работы, рассеянные по самым различным изданиям, до последнего времени не собирались воедино.

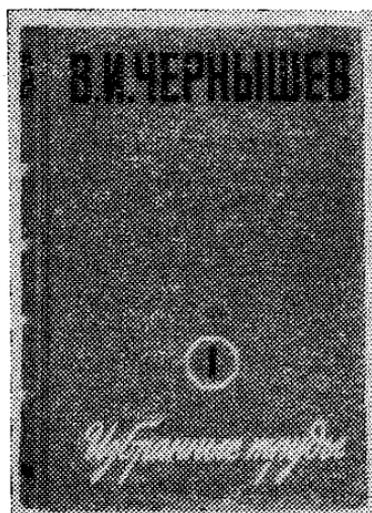
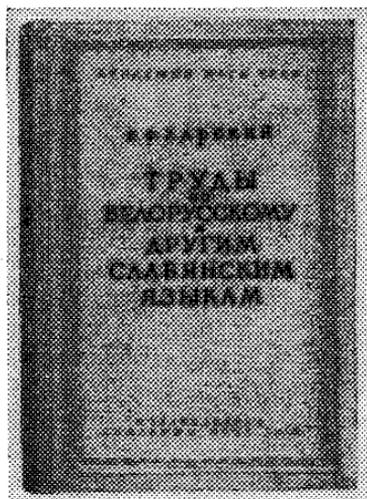
«Избранные труды» Чернышева в двух томах опубликованы в 1970 году в издательстве «Просвещение». Составители сборника — А. М. Иорданский, В. Г. Костомаров и И. Ф. Протченко; вступительная статья В. В. Виноградова. Для издания были отобраны 53 работы, десять из которых ранее не публиковались.

В первый том вошли статьи по современному русскому языку, лексикологии и лексикографии, культуре речи. Наиболее крупная здесь работа — «Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики». Основная ценность ее — огромный грамматический и лексический материал, относящийся главным образом к частям речи, к формам русского словоизменения и словообразования, характеристика народно-диалектных воздействий на литературный язык XIX века. Следует отметить также «Законы и правила русского произношения. Звуки. Формы. Ударение. Опыт руководства для учителей, чтецов и артистов» — одну из серии

популярных статей Чернышева.

Во второй том вошли работы по языку и стилю писателей, методике преподавания, диалектологии, а также воспоминания. Очень ценны достижения Чернышева в исследовании языка русской художественной литературы XVIII и XIX веков. Особенно велика его роль в изучении народных основ русского литературного языка. Например, в статье «Русский язык в произведениях И. С. Тургенева» Чернышев вскрывает тургеневский метод литературного использования живых народных (южновеликорусских) говоров. Предметом постоянного интереса Чернышева был московский говор. Об этом напоминает впервые опубликованная в данном издании статья «Диалект города Москвы и русский литературный язык».

Академик Л. В. Щерба (1880—1944) — автор работ по самым разнообразным отраслям языкознания: фонетике, грамматике, диалектологии, методике преподавания языка, орфографии, лексикографии и т. д. Многие его идеи были высказаны в статьях и докладах, опубликованных в разное время в изданиях, ставших библиографической редкостью. Труды эти были собраны в двух сборниках Л. В. Щербы — «Избранные работы по русскому языку» (М., Учпедгиз, 1957) и «Избранные работы по языкознанию и фонетике» (Л., изд-во ЛГУ, 1958). Подбор и редактирование текстов осуществлены М. И. Матусевич.



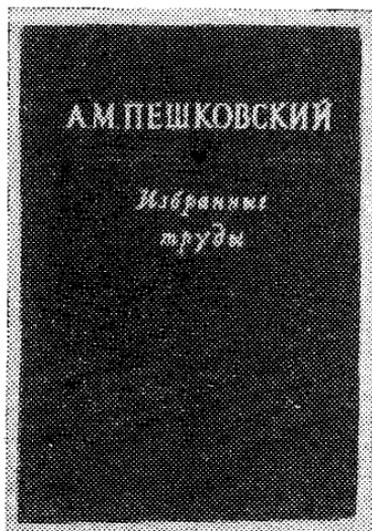
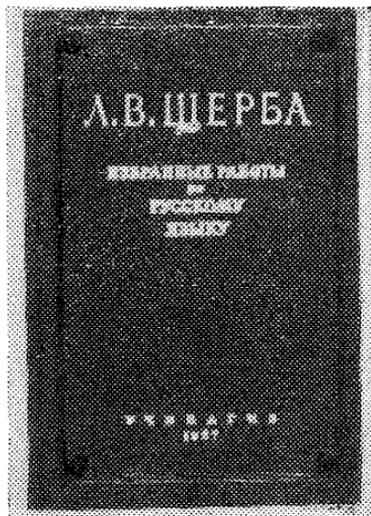
Параллельно с интенсивной научной работой Щерба постоянно занимался практикой и теорией преподавания русского языка. Он стремился поднять преподавание языка в школе до уровня современных научных достижений, изгнать из него рутину. Ряд статей Щербы, касающихся русского языка и его преподавания, вошли в сборник 1957 года (Основные принципы орфографии и их социальное значение; О частях речи в русском языке; Новейшие течения в методике преподавания родного языка; Безграмотность и ее причины и др.). Здесь же впервые опубликованы тезисы доклада «Система учебников и учебных пособий по русскому языку в средней школе» (1943).

Во второй сборник вошли наиболее важные (небольшие по объему) работы Щербы по общему языкознанию и фонетике, а из больших книг приведены основные положения. Впервые по рукописи напечатаны статьи «К вопросу о распространении в СССР значения иностранных языков и о состоянии филологического образования», «Что такое сравнительный метод в языкознании?» и «О второстепенных членах предложения». Сборник открывается статьей «Очередные проблемы языковедения», являющейся научным завещанием ученого. Особый интерес представляют собранные здесь фонетические работы Щербы. Он был крупным исследователем-фонетистом, развивал взгляды своего учителя Бодуэна де Куртене, создал свою теорию фонемы.

Много сделал для развития русской грамматической науки и методики преподавания русского языка А. М. Пешковский (1878—1933). Наибольшую известность имеет его труд «Русский синтаксис в научном освещении» — «сокровищница тончайших наблюдений над русским языком», по словам Щербы. Книга выдержала семь изданий, причем в первых изданиях подвергалась постоянной переработке. Наиболее значительно было переработано автором третье издание (М.—Л., 1928), в котором Пешковский отказался от одностороннего следования взглядам Фортунатова и многое изменил под влиянием идей Потебни и Шахматова. Последнее, седьмое издание «Русского синтаксиса в научном освещении» вышло в 1957 году. Сохраняют свое значение для нашего времени и другие работы Пешковского. В 1959 году были изданы его «Избранные труды» (М., Учпедгиз), подготовленные к печати И. А. Василенко и И. Р. Палей, им же написана вступительная статья к сборнику, составлены примечания и список работ ученого. Для публикации были отобраны статьи, печатавшиеся в различных периодических изданиях и включенные автором в два сборника (1925, 1930 гг.). Все эти статьи, подчиненные в первую очередь вопросам преподавания русского языка, имеют и теоретическое значение. Они интересны и языковеду, и методисту, и учителю русского языка.

Вопросам методики грамматики посвящены статьи «Грамматика в новой школе», «Как вести занятия по синтаксису и стилистике». В статье «Правописание и грамматика в их взаимоотношениях в школе» Пешковский отмечал важность глубокого и сознательного постижения грамматики для усвоения орфографии. Многие статьи, например «Роль грамматики при обучении стилю», посвящены использованию грамматики для развития навыков литературной речи в школьной работе. Вся методическая деятельность Пешковского была проникнута стремлением достигнуть в школьном курсе грамматики подлинной научности, но в то же время сделать его вполне доступным для детей.

Из многих исследований члена-корреспондента АН СССР Н. Н. Дурново (1876—1936), известного специалиста по истории русского языка и русской грамматике, недавно было переиздано «Введение в историю русского языка» (М., Изд-во «Наука», 1969). Подготовка текста, редактирование и комментарии Л. Л. Касаткина и Т. А. Сумниковой. Вышедшая в 1927 году в Брно эта книга давно уже стала у нас библиографической редкостью и практически не была доступна широкому кругу специалистов, а между тем она остается важным пособием в исследованиях по истории языка. Книга содержит наиболее полное описание письменных памятников XI—XVII веков и характеристику восточнославянских диа-



лектов. При подготовке данного издания был заново составлен «Указатель памятников», уточнен «Грамматический указатель». В добавлениях перечислены новые издания названных Дурново памятников и работы, посвященные их лингвистическому исследованию, а в библиографических указателях — новые исследования по диалектологии.

А. М. Селищев (1886—1942) — один из виднейших наших славистов. Многие его работы посвящены исследованию южнославянских языков, известна и большая работа Селищева «Славянское языкознание» (1941), где детально разрабатываются вопросы западнославянских языков. Уже после смерти ученого был издан его «Старославянский язык» (М., Учпедгиз, 1951, части I, II) — труд, выделяющийся полнотой изложения, богатством фактического материала и широтой его сравнительно-исторического освещения.

В 1968 году в издательстве «Просвещение» вышли «Избранные труды» Селищева, посвященные прежде всего его исследованиям по русскому языку. Составителем сборника Е. А. Василевской отобраны для издания работы Селищева по трем разделам: «История русского языка», «Русская диалектология», «Славянское языкознание». В первом разделе следует отметить статью «О языке „Русской Правды“», в которой Селищев полемизирует с Обнорским по вопросу формирования русского литературного языка. Для широких кругов читателей интересны статьи «Из старой и новой топонимии» и «Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ». В статьях «Революция и язык», «Выразительность и образность языка революционной эпохи» анализируются процессы, характерные для развития русского языка в первые послереволюционные годы.

Заметное место среди работ Селищева занимают исследования сибирских говоров. В новом издании помещен «Диалектологический очерк Сибири», в котором автор последовательно проводит принцип изучения языка в тесной связи с изучением материальной и духовной культуры народа. В разделе «Славянское языкознание» опубликовано «Введение в сравнительную грамматику славянских языков», до сих пор изданное лишь литографически в 1914 году, «Соканье и шоканье в славянских языках» и другие работы. В конце тома дан справочно-библиографический материал, включающий также описание архива Селищева и список работ, посвященных ученому.

Академик С. П. Обнорский (1888—1958) был прежде всего историком языка; центральная проблема его исследований — формирование и дальнейшее развитие русского литературного языка. Эта единая цель объединяет различные по тематике исследования ученого, в том числе и те, которые опубликованы в сборнике

«Избранные работы по русскому языку» (М., Учпедгиз, 1960). В первом разделе книги собраны статьи, посвященные русскому литературному языку. Особое место среди них занимает исследование «„Русская Правда“ как памятник русского литературного языка», в котором Обнорский впервые высказал новую оригинальную теорию происхождения русского литературного языка и его соотношения с церковнославянским.

Большой интерес представляют и статьи, посвященные отдельным вопросам морфологии и фонетики. В них дана конкретная история изучаемых явлений, показано, какими сложными путями шло развитие русского литературного языка «в условиях непрерывного воздействия на него со стороны диалектной стихии, этой основной питающей среды, дающей силы и жизненность самой литературной базе языка».

В сборнике содержатся также статьи по вопросам культуры речи и истории языкознания. Сборнику предпослана статья «Творческий путь академика С. П. Обнорского», написанная С. Г. Бархударовым.

Большое значение для историков русского языка и вообще славистов имеет труд Л. П. Якубинского (1892—1945) «История древнерусского языка», представляющий собой курс лекций, читанный в Ленинграде и подготовленный к печати в 1941 году, но так и не опубликованный при жизни автора. Курс этот интересен обилием систематизированных фактов, большим количеством затронутых вопросов исторического развития русского языка до XIII—XIV веков, новизной подхода к решению многих вопросов. «История древнерусского языка» была впервые издана (М., Учпедгиз, 1953) с предисловием и под редакцией В. В. Виноградова и с примечаниями П. С. Кузнецова.

Г. О. Винокур (1896—1947) — автор трудов по вопросам культуры речи, истории русского литературного языка, грамматики, языка и стиля отдельных авторов. Он разрабатывал методы составления словаря языка писателя, в последние годы жизни руководил работой по составлению «Словаря языка Пушкина». Труды Винокура сохраняют свежесть и актуальность в наши дни, многие его идеи развиваются в современной лингвистике.

Сборник Винокура «Избранные работы по русскому языку» (М., Учпедгиз, 1959) состоит из следующих разделов: «История русского литературного языка», «Язык художественной литературы. Язык писателя», «Современный русский язык», «Проблемы изучения орфографии». Значительное место в первом разделе занимает «Русский язык (исторический очерк)», по определению самого автора, — «книжка для чтения, содержащая рассказ профессионала о том, что должно представить интерес для всякого способного

воспринимать Россию не только в ее исторических деяниях, но и в ее языке». Статьи «О задачах истории языка», «Об изучении языка литературных произведений», «Форма слова и части речи в русском языке», «Орфография как проблема истории языка» — напечатаны впервые. Заслуживают особого упоминания и включенные в сборник «Заметки по русскому словообразованию» (1946) — классическая работа, заложившая основы для изучения словообразования в советской русистике. Тексты сборника отобраны и отредактированы С. Г. Бархударовым; им же написана вступительная статья.

Наш обзор был бы неполным, если бы мы не остановились хотя бы вкратце на осуществленных в советскую эпоху изданиях важнейших дореволюционных словарей русского языка.

Известно выдающееся историческое значение четырехтомного «Словаря живого великорусского языка» В. И. Даля — богатейшей сокровищницы живой народной русской речи — и беспримерный подвиг его автора: до сих пор трудно поверить, что словарь такого объема (200 000 слов) создан усилиями одного человека. В советское время он переиздавался дважды — в 1935 и 1955 годах, оба издания полностью воспроизводят второе издание словаря, подготовленное автором (1880—1882 гг.). Вступительные статьи о значении словаря написаны А. М. Сухотиным (издание 1935 г.) и А. М. Бабкиным (издание 1955 г.). Этот словарь — незаменимое пособие для всех, кто интересуется литературной и диалектной лексикой середины прошлого столетия. Известна высокая оценка, данная Словарю В. Даля В. И. Лениным, который вместе с тем подчеркивал, что Словарь этот по своему характеру — «областнический». Поэтому переиздание Словаря В. Даля ни в коей мере не снимает задачи составления все новых словарей литературного русского языка, тем более языка нашего времени.

Уже несколько поколений историков русского языка не могут обойтись в своих исследованиях без капитального трехтомного словаря И. И. Срезневского под скромным названием «Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам». Словарь этот был издан в 1893—1912 годах. Сам автор, посвятивший Словарю более тридцати лет, успел при жизни подготовить к печати лишь первые две буквы. Полное издание Словаря стало возможным благодаря усилиям многих лиц, в том числе ряда членов Академии наук; в частности наблюдение за изданием второй половины Словаря взял на себя Шахматов. Словарь был полностью переиздан фотомеханическим способом в 1958 году. Этот классический труд до сих пор «является незаменимым руководством при чтении древнерусских памятников и надежным источником при изучении древнерусской лексики». Словарь Срезневского «никогда не утратит своего значения, даже тогда, когда будут изданы более

совершенные словари древнерусского языка» (С. Г. Бархударов).

В 1910—1914 годах в Москве вышел из печати «Этимологический словарь русского языка», составленный А. Г. Преображенским. Богатая эрудиция в сравнительно-историческом (славянском и индоевропейском) языкознании позволила преподавателю Московской 4-й гимназии сделать этимологический словарь, по своему уровню превосходящий все созданное к тому времени в этой области и сохраняющий свое значение как самостоятельный источник сведений о происхождении русской лексики (несмотря на то, что вышедшие позднее этимологические словари русского языка, естественно, являются более полными и современными по выполнению). До революции был издан не весь Словарь (выпуски Словаря были доведены автором до слова *сулея*). Лишь в 1949 году в «Трудах Института русского языка АН СССР» увидел свет последний выпуск Словаря (буквы *Т — Я*), подготовленный к печати под редакцией С. П. Обнорского. Весь Словарь был переиздан фотомеханическим способом в 1958 году.

Работа по переизданию классических трудов русских и советских языковедов продолжается. Готовится к печати пятитомник избранных трудов по русскому языку выдающегося советского филолога-русиста, академика В. В. Виноградова (1895—1969), а крупнейший его труд «Русский язык (грамматическое учение о слове)», изданный впервые в 1947 году и удостоенный Государственной премии, уже переиздан в 1972 году издательством «Высшая школа». Только что вышел из печати сборник статей известного нашего лексикографа, автора одноименного «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (1900—1964) под названием «Лексикография. Лексикология. Культура речи» (М., «Высшая школа», 1974, вступительная статья и комментарии Л. И. Скворцова).

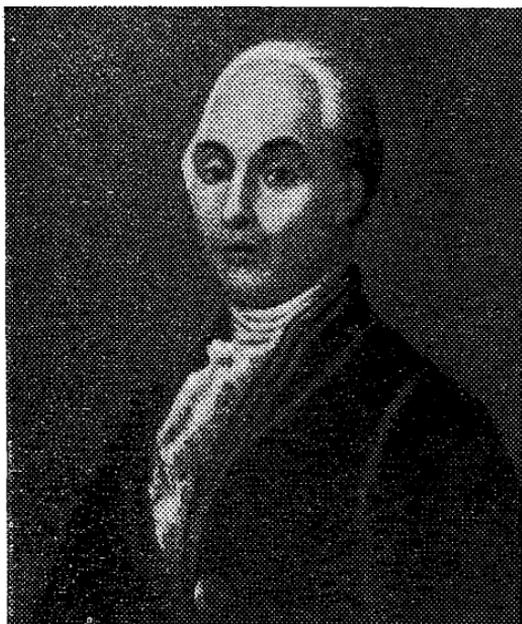
Издания трудов классиков лингвистической науки осуществляются у нас на основе современных научных принципов и норм подобного рода изданий: бережное отношение к тексту, выбор наиболее авторитетного варианта текста (в случае существования нескольких изданий или рукописей), приложение указателей (обычно предметного и именового) и библиографии работ ученого, вариантов (если они имеют принципиальное значение), часто — комментариев историкографического характера, наконец — в большинстве случаев развернутые вступительные статьи о значении трудов ученого, о его месте в лингвистической науке. Статьи, изданные на иностранных языках, публикуются в русских переводах специально для новых изданий. Можно не сомневаться в том, что работа эта будет успешно продолжаться.

Л. Е. ЛОПАТИНА



ЯЗЫК ХУДОЖЕСТ- ВЕННОЙ ПРОЗЫ А. Н. РАДИЩЕВА

Произведение А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» не раз анализировалось как со стороны его содержания, так и со стороны формы. Не раз ставился вопрос и о языке «Путешествия», заметно отличающемся от языка современных ему литературных произведений. «Унаследовав патристический пафос Ломоносова и социальную направленность обличительной сатиры Новикова и Фонвизина» (В. Орлов. Радищев и русская литература. Л., 1952), Радищев создал произведение, которое положило начало русской революционной литературе. Сочетание высокого гражданского стиля с живой народной речью определили дальнейшее развитие русского литературного языка. Этот стиль писатель противопоставил эстетствующему языку дворянской литературы с ее эстетическими штампами, пролагая этим дорогу будущим писателям начала XIX века:



Написанная в защиту народа и рисующая весь ужас крепостнических отношений и правительственного произвола, книга Радищева не была рассчитана на читателей из крестьян; Радищев прекрасно понимал, что поднять народ с ее помощью на восстание невозможно. На суде он заявил: «Если кто скажет, что я, писав сию книгу, хотел сделать возмущение, тому скажу, что ошибается. Первое потому, что народ наш книг не читает, что писана она слогом для простого народа невнятным». Он писал свою книгу, обращаясь к просвещенному дворянству, используя для убеждения своих читателей не только повествование, теоретические рассуждения, но и бытовые сцены, обличительные тирады, написанные в стиле высокого патетического красноречия. Идя вслед за Ломоносовым, Радищев как бы воскрешает на практике его известное учение «о трех штилях». Если Ломоносов рекомендовал каждый из указанных «штилей» для определенной группы произведений, то Радищев в «Путешествии» объединяет их все; для обличительных патетических тирад он использует «высокий штиль», повествования и рассуждения пишет «средним штилем», а в бытовых зарисовках мы легко обнаруживаем черты «низкого штиля», где часто звучит подлинная народная речь.

В отличие от Карамзина, теоретически утверждавшего, что писать надо так, как говоришь, а говорить — как пишешь, а на практике не считавшего возможным в своем творчестве обращаться к народному языку, Радищев широко использует слова и выраже-

ния народной речи. Его слог не убаюкивает, как у Карамзина, а все время держит читателя в напряжении. Вопросы, восклицания, возгласы возмущения, красноречивые умолчания, диалоги путешественника с встречными людьми постоянно будоражат и настораживают, заставляют думать, делать выводы.

Однако нельзя не признать, что «Путешествие из Петербурга в Москву» для многих современных читателей покажется малопривлекательным из-за сложности синтаксиса и архаичности лексики. Речь Радищева пестрит архаизмами и славянизмами, затрудняющими понимание текста: *зыбление, вещание, прой, вожделенная пища, исторгнутые, подвигаемые, отчуждившийся, взирая, не нашед, изрещи, восприял, блюдитесь. Радищев обычно пишет не сколько, а колико, не то — оное, не зачем — почто, не жизнь — живот.* Вместо того, чтобы сказать: «Сядьте и слушайте мои слова, так как они должны сохраниться в вашей душе»,— его герой говорит: «Возсядите и внемлите моему слову, еже пребывати во внутренности душ ваших долженствует».

В ряде случаев мы встречаем у Радищева предложения со старой формой дательного самостоятельного: «Едущу мне из Едрова»; «Внезапу восстал ветр противный, будущу ему на среде пути его» (Валдаи); «Вещавшу сие старцу, юношеский румянец покрыл сморщенные ланиты его» (Крестьцы); «Совершив мою молитву, ярость вступила в мое сердце» (Чудово).

Все эти выражения и слова используются писателем не только там, где он намеренно прибегает к высокому слову, но и при простом повествовании. Часто начав рассказ с фразы, написанной понятным нам языком, Радищев тут же переходит к своему обычному, несколько стилизованному изложению, используя славянизмы и сложные синтаксические конструкции: «Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик по обыкновению моему поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом» — и через три строчки: «Ты плачешь, произнося прости, но вспомни о возвращении твоём, и да исчезнут слезы твои при сем воображении, яко роса пред лицом солнца. Блажен возрыдавший, надейся на утешителя, блажен живущий иногда в будущем, блажен живущий в мечтании».

Друг путешественника, едва не потонувший со своими спутниками на корабле, разбившемся о камни, рассказывает: «... Видя приближающуюся кончину, забыли все мы кто был какого состояния и помышляли о спасении нашем, отливая воду как кому сподручно было. Но какая была в том польза? Колико воды союзными нашими силами было исчерпаемо, толико во мгновение паки накоплялося». Но вот утопающие видят «два малые судна, прямо идущие к тому месту», где они находились «среди отчаяния, во сто

А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Один из списков

ПУТЕШЕСТВИЕ

изъ

ПЕТЕРБУРГА

въ

МОСКВУ

Кудищевъ опис. дорож. описан. степенно и лавей,

Тиллямахи да, Книга XVIII, стр 514.

Санктпетербург.

1790

крат надежду превосходящего». «Как в темной храмине,— продолжает рассказчик,— свету совсем неприступной, вдруг отвергается дверь, и луч денный, влетев стремительно в среду мрака, разгоняет оный... тако, увидев суда, луч надежды ко спасению протек наши души».

В том же плане написано обращение к помещикам в главе «Хотилов», где писатель говорит о неминуемом восстании поработенного народа и его последствиях.

Наряду с этими патетическими тирадами, мы встречаем в произведении Радищева чисто народные слова и выражения, народные пословицы и поговорки, народную песню. В главе «София» ямщик, обращаясь к седоку, просит: «Барин-батюшка, на водку». В главе «Спасская полость» на станции путник слышит разговор мужика — хозяина избы с женой: «Ну, муж, расскажи-тка»,— говорил женский голос.— «Слушай, жена... жил был [следует рассказ о чиновнике, который любил устрицы, «как брюхатая баба»]... Когда бы я с ним [казначеем] был заодно,— заканчивает рассказ муж,— то бы было не житье, а масленица.— «И полно, Клементьич, пустяки-то молоть!»— возражает жена.

В главе «Городня», описывая горе крестьянок, провожающих своих близких в солдаты, Радищев вводит в речь матери народные причитания: «Любезное мое дитяtko, на кого ты меня поки-

даешь?». Старушка говорит, что без сына ей придется «скитаться по миру», что после смерти некому будет положить ее «в сырую землю». Плачущая невеста называет уходящего в солдаты жениха «мое красное солнышко» и сетует, что ни одной ноченьки им не дали побыть вместе.

Когда путешественник хочет научить крестьян, не по закону отданных в солдаты, как им защититься от грозящей им рекрутчины, ему грубо возражают «рекрутские отдатчики»: «Барин, не в свое мешаешься дело, отойди, пока сух!».

Глава «Меднсе» начинается песней «Во поле береза стояла», которую поет «хоровод молодых баб и девок». Они поют и пляшут. Эта мимолетная картинка «нехитростного веселья» контрастирует с последующим рассказом о продаже крестьянской семьи с аукциона. Мы видим здесь старика, опирающегося на «вязовую дубину», старушку — *кормилицу* матери барина, ее дочь — кормилицу самого барина, *молодицу* 18 лет — внучку стариков с ребенком на руках, *детину* 25 лет с ножом за пазухой, с которым девушка была насильно обвенчана. Бабы, девки, молодлица, детина — все это народные названия, которые не смущают и не останавливают писателя. Не раз встречается в книге Радищева и слово *парень*, так не правящееся Карамзину. Купец Карп Дементыч в главе «Новгород» сообщает путнику: «Благодетель мой, я женил вчера парня моего». Приглашая к праздничному столу, он говорит: «Милости просим садиться! Невестка, водки нечаянному гостю!.. Да хоть прикушай!» — убеждает он, когда гость отказывается.

РАДИЩЕВ О ЯЗЫКЕ

Речь есть, кажется, средство к собранию мыслей воедино; ее пособию одожен человек всеми своими изобретениями и своим совершенствованием. Кто б помыслил, что столь малейшее орудие, как язык, есть творец всего, что в человеке есть изящно.

О человеке, о его смертности и бессмертии

Ничто для нас столь обыкновенно, ничто столь просто кажется, как речь наша; но в самом существе ничто столь удивительно есть, столь чудесно, как наша речь.

О человеке, о его смертности и бессмертии

Сколь великой недостаток еще у нас в пособиях просвещения... Но для чего... не заведут у нас вышних училищ, в которых бы преподавались науки на языке общественном, на языке Российском?

В главе «Жли» в речь слепого старика, поющего народный духовный стих «Об Алексее — человеке божем», введены слова *пятак, рублевик, полушка, краюха хлеба*.

Особенно интересны те страницы «Путешествия», где автор разговаривает с крестьянами и крестьянками. Таковы главы «Любани», «Едрово», «Пешки». В первой приводится разговор автора с пахарем. Его речь проста и выдержана в народном стиле: «Спасибо, барин! Бог милостив — с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья... В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину да под вечерок возим оставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хороша, а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды... Небось, барин, не захочешь в мою кожу?».

Таким же простым языком говорит с путешественником девушка Аннушка в главе «Едрово». На предложение помочь ей она отвечает: «Спасибо, спасибо; часто мы видим таких щелкунов, как ты; пожалуй, проходи своею дорогою... Не подъезжай, пожалуй, — рассказы такие я слыхала». И далее: «Меня было сватали в богатой дом за парня десятилетнего, но я не захотела... Прошлым летом, год тому назад, у соседа нашего женился сын на моей подруге, с которой я хаживала всегда на посиделки. Муж ее любит, а она его столько любит, что на десятом месяце после венчания родила ему сынка. Всякий вечер она выходит пестовать его за ворота... Мне-то до слез всякой день: мне бы уже хотелось самой иметь такого же паренька».

Как не потужить... что у нас нет училищ, где бы науки преподавали на языке народном.

Путешествие из Петербурга в Москву

Ломоносов, давая примеры благогласия, знал, что изящность слога основана на правилах языку свойственных... Но не довольствуясь преподавать правила Российского слова, он дает понятие о человеческом слове вообще, яко благороднейшем по разуму даровании, данном человеку для сообщения своих мыслей.

Путешествие из Петербурга в Москву

Ломоносов надежнейшие любящим российское слово оставил примеры в своих творениях... В них на каждой строке, на каждом пренинании, на каждом слоге, почти не могу сказать при каждой букве, слышен стройный и согласный звон столь редкого, столь мало подражаемого, столь свойственного ему благогласия речи.

Путешествие из Петербурга в Москву

Поцелуй путника возмущает девушку: «Кабы батюшка жив был и это видел,— говорит она,— то бы даром, что ты господин, нагрел бы тебе шею». В конце главы двоюродный брат Ивана так характеризует Анюту: «Видно, барин... что ты на Анютку нашу призарился. Да уж и девка! Не одному тебе она нос утерла... Всем взяла... На нашем яму много смазливых, но перед ней все плюнь. Какая мастерица плясать! Всех за пояс заткнет, хоть бы кого... А как пойдет в поле жать... загляденье. Ну... брат Ванька щастлив... Да ведь и парень! Трое вдруг молодцов стали около Анютки свататься; но Иван всех отбаярил. Они и тем и сем, но не тут-то. А Ванюха тотчас и подцепил... То-то, барин! Всяк пляшет, да не как скоморох».

Но не только герои из крестьян говорят у Радищева народным языком. Нередко к нему обращается и сам писатель. Так, в главе «Завидово» он пишет, что староста «бежал во всю прыть». Сопоставляя в главе «Едрово» крестьянских женщин и девушек с изнеженными барышнями-дворянками, он говорит, что в деревнях есть такие красавицы, каких в городе «слухом не слыхано и видом не видано». Курьер, скачущий в Петербург за «устерсами», не теряет времени: «Ну, ну, ну,— по всем по трем вплоть до Питера». Получив «устерсы», он тут же, «поворотя оглобли», едет назад, упев «лишь зайти в кабак и выпить два крючка сивухи».

Описывая купеческое семейство в главе «Новгород», писатель использует такие выражения, как «нос кляпом», «брови как смоль»; «во весь день от окошка не отходит и плялит глаза на всякого мужину». Писатель не боится таких выражений, как «плюнул ему в рожу». (Чудово), «деревенщина» (Подберезье), «волосы дыбом», «толкать в шею» (Крестьяцы).

К народным пословицам, нередко встречающимся в речи крестьян, обращается и сам автор. «На всякого мудреца довольно простоты»,— пишет он в главе «Подберезье». «Голод не свой брат»,— замечает он в главе «Пешки». Вынужденный из-за непогоды заночевать в крестьянской избе, он утешает себя пословицей «Тише едешь — дале будешь».

Приведенные примеры с достаточной очевидностью показывают, что Радищев, являясь в идейном отношении предшественником декабристов и Пушкина, указал им верный путь и в области литературного языка. Если некоторые декабристы, такие как Кюхельбекер, больше тяготели еще к «высокому стилю», считая, что только так можно писать о высоких предметах, Пушкин по достоинству оценил новаторство Радищева и, продолжая его традицию, смело ввел в литературу народную речь, сломав и теорию «трех стилей», и эстетизм прозы Карамзина.

О. А. ДЕРЖАВИНА

● «ЧУДИЩЕ ОБЛО»

М. К. Янковская из Казани спрашивает: «Что значит слово *обло* в эпитафии „Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя“, взятом А. Н. Радищевым к своей книге „Путешествие из Петербурга в Москву“?».

Эпитафия, выбранный Радищевым, — это несколько измененный стих из поэмы В. К. Третьяковского «Тилемахида», изданной в 1766 году.

Герой поэмы Телемак в подземном царстве мертвых видит царей, «употреблявших во зло свое на престоле могущество». Получив в подземном Тартаре наказание за свои злодеяния, цари были «гнуснейши и страшилищны». Один из них был, как «чудище обло, озорно, огромно, с трезвонной [имеющее три пасти] и лайя». Что же значит слово *обло*?

Если учесть, что Радищев эпитафией хотел объяснить основную тему своего «Путешествия» — тему крепостного рабства и самодержавия, и если чудище символизирует екатерининское самодержавие в России, то слово *обло*, как и прилагательные *озорно*, *огромно*, *стозевно*, может заключать в себе какую-либо характеристику *чудища*.

Слово *обло* и однокорневые с ним *обльмы*, *обльмыи*, *обльство* и другие были употребительны в древнерусской письменности. В «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневский приводит одно интересное слово, содержащее тот же корень — *обловидьныи* (шарообразный, кругообразный): обловидно движение. Теперь можно сказать, что *обло* — это краткое прилагательное с определенной характеристикой *чудища*. «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера определяет слово *обльи* как «округлый». И. И. Срезневский полное прилагательное *обльмы* характеризует как «шарообразный»: обло яко зрно [зерно]; камень обль.

К выяснению значения *обло* имеет непосредственное отношение и определение значения еще одного слова из эпитафии — *озорно*. В Словаре М. Фасмера одним из значений к слову *озор* (от *зреть*, *взор*, *зоркий*) указано значение «сторож, сторожевой пес». В «Материалах» И. И. Срезневского прилагательное *озорьныи* охарактеризовано как «грубый»: «А пуци того беззаконіе въ всей Руской землѣ ведется, мужики озорные на крылось поють...» (Из Послания Новгородского архиепископа Геннадия митрополиту Симону. 1496—1504). В Картоотеке Словаря древнерусского языка XIV—

XVII веков (Институт русского языка АН СССР) прилагательное *озорный* зафиксировано в следующем контексте: «Рече лисица куру... А ты, бес, скричал своим озорным гласом, в те поры хозяева услышали и за мною побежали бабы с кочергами, девки с помелами, будто за душегущом» (Сказание о кура и лисице. Колец XVII — начало XVIII в.). Здесь *озорный*, видимо, — 'громкий, страшный'.

Итак, «Чудище обло [округлое, шарообразное; возможно, толстое], озорно [грубое, страшное, зверообразное], огромно, стозевно [имеющее сто пастей] и лайя [лающее].»

Поставив перед собой цель раскрыть бесправие закрепощенного крестьянства, Радищев беспощаден на страницах своей книги в разоблачении истинных нравов крепостной деревни. Со словами Радищева «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человеческими уязвлена стала» позднее будет созвучно стихотворение Пушкина «Деревня»:

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.
Не видя слез, не внемля стога,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.

Радищев не боится назвать и «первейшего» виновника существующего зла — царя: «первейший... убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общия тишины, враг лютейший, устремляющий злость свою на внутренность слабого». Вот почему Екатерина II, читая «Путешествие», написала: «Сочинитель не любит царей и где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицепляется с резкою смелостию».

Автор «Путешествия» не только раскрывает подлость и жестокость крепостного права, но и открыто призывает народ на борьбу против своих поработителей, против *чудища*-самодержавия: «О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашею обгарили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. — Не мечта сие, но взор пронизает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие!».

Уже эпиграф к книге утверждает, что «Радищев — рабства враг», как сказал Пушкин об авторе «Путешествия из Петербурга в Москву».

Л. А. Владимирова



ВЗГЛЯДЫ ДЕКАБРИСТОВ НА РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Первая четверть XIX века ознаменовалась усилением идейного влияния декабристов на общественную, культурную и литературную жизнь России.

Среди декабристов было немало одаренных писателей, поэтов, критиков, публицистов, в произведениях и статьях которых поднимались самые актуальные вопросы времени.

Освещая историю словесности в своих литературно-критических статьях, они, естественно, обращались и к языковым проблемам. Это было особенно важно потому, что в 10—20-ые годы развернулась острая полемика между шишковистами и карамзинистами о дальнейших путях развития русского литературного языка. Как представители революционной интеллигенции, декабристы призывали к демократизации литературы, языка. Слог, говорили они, должен быть «понятен для людей всякого состояния». К сожалению, вопрос о роли и месте декабристов в создании русского национального языка еще недостаточно изучен. В целом ряде работ исследование вопросов языка сводится зачастую к описанию полемики, развернувшейся между Н. М. Карамзиным и А. С. Шишковым, борьбы декабристов против введения иностранных слов в словарь русского языка и их доказательства необходимости развития русского литературного языка на основе народной устной речи, а не церковнославянской, как утверждал Шишков.

Конечно, эти вопросы составляют ключевую основу языковой концепции декабристов. Поэтому вполне закономерно, что все ис-

следователи основное внимание сосредоточивают на основных положениях декабристов в развитии национального литературного языка. До сих пор, на наш взгляд, недостаточно глубоко и обстоятельно освещается точка зрения декабристов на происхождение и историю развития русского литературного языка, роль писателя в его совершенствовании.



Развитие политической мысли в России первого периода общественного подъема настоятельно требовало языковой реформы. Борясь за создание самобытной, народной русской литературы, поэты и писатели: К. Рылеев, В. Кюхельбекер, А. Одоевский, А. Бестужев, Ф. Глинка, В. Раевский, Н. Бестужев; критики, публицисты и экономисты: Н. Тургенев, М. Орлов, Н. Муравьев, А. Корнилович и другие — выдвинули совершенно новую программу, которая принципиально отличалась от трактовки Карамзина и Шишкова.

Их взгляды прослеживаются достаточно полно в полемике А. Бестужева с А. Шишковым и Н. Гречем. Поводом послужило выступление реакционера Шишкова 5 декабря 1820 года в Российской Академии с речью «О древности и превосходстве русского языка перед другими в звукоподражательном и логическом отношении». Бестужев откликнулся на это выступление Шишкова статьей в «Торжественном заседании Императорской Российской Академии» («Соревнователь», 1821, кн. 2, ч. XIII), в которой заявил, что язык изменяется со временем вместе с изменением нравов и понятий народа. «Русские, подобно всем, переходили через поле невежества к рубежу образованности, и язык наш... шел всегда наравне с ними...». Продолжая дискуссию с Шишковым по вопросу истории русского литературного языка, Бестужев в 1822 году в статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» утверждал, что русский язык формировался в тесной связи с развитием русского народа, русской нации: «Между тем язык русский обживался в обществе и постепенно терял свою первобытную дикость, хотя редко был письменным и никогда книжным» (В. Н. Орлов. Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. М.—Л., 1951). В этой ожесточенной полемике Бестужев выступает против попытки Шишкова свести русский язык к книжному церковнославянскому. Он с глубокой убежденностью отстаивает мысль, что русский язык возник и развивался на народной основе. Но Шишков был не одинок, взгляды адмирала разделяли «беседчики», были у него и единомышленники. Например, Греч, как и Шишков, в «Опыте краткой истории русской литературы» утвер-

ждал, что церковнославянский язык, сохранившийся в книгах церковных, был у нас «долгое время исключительно книжным языком. Сей книжный язык имел великое влияние на русский народный язык». Бестужев-Марлинский резко осудил это утверждение Греча. В статье «Почему?» он пишет: «„Русская Правда“ издана Ярославом в 1019 г., но она писана не по-славянски. Песня о полку Игоря принадлежит к XII веку, но весьма далека от языка церковного... многие грамоты переходят отличительно в собственно русский язык, следовательно, нельзя сказать, будто книжный язык летописей, повестей и проч. был тот же богослужебный». Бестужев не может согласиться с Гречем, что «народный язык был когда-либо книжным, еще менее библейским». «Все доказывает противное,— пишет он.— Следовательно, близкого между ими сходства существовать не могло» («Сын Отечества», 1822, № 18). Свою точку зрения он отстаивал с глубокой убежденностью и присущей всем декабристам страстью.



К «дружине славян» присоединился и П. Катенин, утверждавший, что до Ломоносова не было русского литературного языка. Он требовал писать только на славянском языке, так как разговорный язык, по его мнению, быстро меняется. Бестужев не мог остаться равнодушным к заявлениям Катенина. Он выступил против Катенина со статьей «Замечания на критику, помещенную в 13-ом номере „Сына Отечества“, касательно „Опыта краткой истории русской литературы“». Как и в статье против Греча, в ответе Катенину Бестужев обосновывает тезис: литературный язык наш в далеком прошлом был русский. Была опровергнута Бестужевым попытка Катенина доказать, что до Ломоносова не существовало у нас литературного языка.

Активное участие в этой полемике принял В. Кюхельбекер. Находясь вдали от родины, пламенный борец за народное счастье продолжал отстаивать декабристские идеалы. В 1821 году Кюхельбекер выступил в Париже со своей знаменитой «Лекцией о русской литературе и русском языке». Скрытно полемизируя с Шипшовым, он резко отделял русский язык от церковнославянского и возводил историю русского языка ко времени древнего Новгорода. Под новгородским языком Кюхельбекер разумел не новгородское наречие, а вообще язык великорусский.

Бестужев, Кюхельбекер и другие декабристы утверждали, что русский литературный язык возник на народной основе, что развивался и совершенствовался он в тесной связи с историей народа,

а устная народная речь была всегда неиссякаемым источником его дальнейшего развития. Вот почему они неоднократно призывали обращаться к языку народа, к средствам фольклора. Обогащая и развивая литературный язык, декабристы использовали широко элементы разговорной речи в художественной литературе. При этом следует заметить, что старославянские слова декабристы рассматривали все-таки как один из путей пополнения словаря русского языка. Церковнославянские элементы в творчестве декабристов получают новое осмысление и используются преимущественно в стилистических целях как средство создания революционной пафетики.



Продолжая полемику с Шишковым по проблемам языка, которая началась в 1821 году на страницах «Соревнователя», Бестужев в статье «Ответ неизвестному» писал: «Я думаю, что писатели суть творцы языка (без коего нельзя и сочинять), а язык доставляет бессмертие времени и народу». В последующих статьях он стремится обосновать мысль об огромной роли писателя в деле развития русского литературного языка на примерах из истории нашей словесности. Так, в своей обзорной статье «Взгляд на старую и новую словесность в России», опубликованной в «Полярной звезде» в 1823 году, декабрист-критик указывает: «Русский язык обязан ему [Ломоносову] правилами... Дряхлевший слог наш оювел под пером Ломоносова». Крылов, по мнению Бестужева, сблизил литературный язык с народным: «И. Крылов возвел русскую басню в оригинально-классическое достоинство. Невозможно дать большего простодушия рассказу, большей народности языку, большей осязаемости нравочению» (В. Н. Орлов).

О В. Жуковском и К. Батюшкове он говорит как о поэтах-новаторах, как о творцах русского литературного языка: «С Жуковского и Батюшкова начинается новая школа нашей поэзии. Оба они постигли тайну величественного, гармонического языка русского, оба покинули старинное право ломать смысл, рубить слова для меры и низать полубогатые рифмы» (В. Н. Орлов). О П. Вяземском Бестужев писал: «Он творит новые, облагораживает народные слова» (В. Н. Орлов). Все эти примеры приводят автора статьи к выводу, что литературный язык возник и совершенствовался в процессе развития словесности, язык — категория историческая. Однако, по мнению Бестужева, еще плохо изучены «сокровенности» родного языка, поэтому долг писателей — настойчиво изучать богатства русского языка, работать над его совершенством.

ванием. Он глубоко уверен, что недалеко то время, когда русский литературный язык будет создан. «Но утешимся! Новое поколение людей начинает чувствовать прелесть языка родного и в себе силу образовать его» (В. Н. Орлов). Под «новым поколением людей», конечно, Бестужев подразумевал декабристов. Именно на декабристов критик возлагает надежды в «образовании» русского литературного языка.



Подвергнув критике основные положения языковой реформы Карамзина, декабристы выступили против засорения русского языка иностранными элементами. Так, Рылеев резко осуждал всякого рода копирование западноевропейских писателей и пренебрежение русской национальной самобытностью: «Опутав себя веригами чужих мнений и обескрылив подражанием гения поэзии, мы влеклись к той цели, которую указывала нам ферула Аристотеля и бездарных его последователей» (В. Н. Орлов); В. Раевский требовал изгнать «чуму иностранную»; Ф. Глинка в «Письме к другу» предостерегал «не затмить мыслей и чувств прямо русских выражениями чужеземными! Историк наш постарается изгнать из писаний своих все слова и даже обороты речи, заимствованные из чужих наречий. Он не потерпит, чтобы слог его испещрен был полурусскими или вовсе для русских непонятными словами...» (В. Н. Орлов).

Ставя вопрос об очищении русского языка от иностранных слов, декабристы одни из первых четко и ясно выразили свое мнение о возможном и допустимом оставлении в словаре только таких иностранных слов, которые получили довольно широкое распространение в европейских языках. Кюхельбекер в «Лекции по русской литературе и русскому языку» по этому поводу говорил так: «Однако некоторые технические термины, как *конституция*, *генерал*, *офицер*... должны, вероятно, явиться исключением, потому что будет трудно присвоить новым выражениям то значение, которое привыкли соединять с этими звуками, впрочем, уже совершенно привычными для народа» (Литературное наследство. Декабристы-литераторы. Т. 60, кн. I. 1954). Мысль о необходимом использовании интернационализмов, специальной терминологии в русском языке была, несомненно, прогрессивной. Такая постановка вопроса способствовала обогащению словаря русского языка.

Если Шишков ставил вопрос об отделении литературного языка от устной речи, то Карамзин, напротив, стоял за сближение литературного языка с устной речью. Но ориентир он брал не на народную, а на разговорную речь представителей имущих классов. Это была попытка лишить язык общенародной основы, заставить его

стать «на позицию предпочтения и поддержки какой-либо социальной группы в ущерб другим социальным группам». Установка карамзинистов на «изящный», «элегантный», салонный жаргон, стремление «сблизить язык литературы с разговорным языком тогдашнего образованного общества» была чужда декабристам.



Декабристы боролись теоретически и практически за расширение лексических средств языка литературы, за обогащение его славынизмами, просторечными, фольклорными и другими элементами. Осуждая какие бы то ни было попытки использовать язык в определенных классовых целях, декабристы-писатели постоянно требовали общепонятности языка для всего общества. «Слог истории, о которой мы говорим, должен быть чист, ясен и понятен не для одних ученых, не для одних военных, но для людей всякого состояния, ибо все состояния участвовали в славе войны и в свободе Отечества», — писал Глинка в статье «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года». Руководитель Южного тайного общества П. Пестель указывал в «Русской Правде» на необходимость простоты и ясности языка, резко осуждая всякую двусмысленность. Принципы национально-самостоятельного языка, естественно, не могли быть утверждены усилиями только литераторов-декабристов. Главная роль в этом исторически важном вопросе принадлежит Пушкину — родоначальнику русской литературы и создателю русского литературного языка. Один из главных принципов декабристов — призыв к демократизации литературы и языка — нашел свое дальнейшее развитие в творчестве Гоголя, Тургенева, Некрасова и других писателей.

Современное состояние отечественного языка со всей убедительностью доказывает справедливость выдвинутых в свое время декабристами принципов дальнейшего развития национально-самобытного языка.

А. В. НИКОНОВ

*Памяти
академика
В. В. Виноградова*

КТО АВТОР?



Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная.

А. С. Пушкин
Арап Петра Великого

В 1830—1831 годах «Литературная газета» выходила «каждые пять дней, нумерами в один печатный лист большого размера». А вообще-то листы небольшие, пожелтевшие, печать совсем скромная. В первом номере редакционное извещение: «Цель сей газеты — знакомить образованную публику с новейшими произведениями литературы Европейской, и в особенности Российской». В газете пять основных разделов: 1. Проза. 2. Стихотворения. 3. Библиография русская и иностранная (это отдел рецензий, отзывов о литературных сочинениях). 4. Ученые известия. 5. Смесь. Газету делали (писали, собирали материал, редактировали) А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, А. А. Дельвиг, О. М. Сомов. Здесь напечатаны стихи и проза Пушкина, стихи Вяземского, Дельвига, Баратынского, Глинки, начал печататься Гоголь.

Виктора Владимировича Виноградова газета привлекла «проблемой авторства». Дело в том, что в отделах «Библиография» и «Смесь» статьи и заметки публиковались без подписи, анонимно. Что из всего этого принадлежит Пушкину? Надо ли говорить, сколь важна для нас каждая написанная им строчка. Но редакционный архив не сохранился, нет документов, которые бы позволили установить авторов. Значит, остается только одна возможность — атрибуция на основе анализа языка и стиля. Многие исследователи

и комментаторы Пушкина (П. В. Анненков, П. А. Ефремов, Н. О. Лернер, Б. В. Томашевский и др.) в разное время то приписывали Пушкину отдельные статьи и заметки, то отрицали его авторство. Доводы одних казались совершенно неубедительными другим. Ошибки настораживали. Очень тонким и глубоким знатоком Пушкина был Лернер, но и он, как потом оказалось, приписал Пушкину несколько статей Дельвига. Трудности понятны: все-таки немалое общее было между сотрудниками «Литературной газеты».

В. В. Виноградов позже писал: «Казалось бы, выбор между Пушкиным, с одной стороны, и Вяземским, Дельвигом и Сомовым, с другой, не затруднителен. И все же это — не так. Критические задачи и взгляды основного писательского ядра сотрудников „Литературной газеты“ частично совпадали. Общий нейтральный фонд языковых и стилистических средств русской литературной речи того времени иногда — при небольшом объеме заметки — заслоняет и затемняет индивидуальные черты и оттенки стиля автора» (Проблема авторства и теория стилей. М., 1961). Дело не только в том, что заметки невелики по объему. В художественном произведении, стихотворном, прозаическом или драматическом, даже небольшом, резко выявляется индивидуальность стиля. Но чем ближе жанр к деловой или научной прозе, тем он менее выявляет лицо автора. Атрибуция критической и публицистической прозы намного сложнее, чем художественной. Устойчивые, общепринятые способы выражения нередко совершенно стирают авторскую индивидуальность.

Вот, например, острая, ироническая заметка без подписи в № 5 „Литературной газеты“ за 1831 год: «Г. Издатель „Телеграфа“ объявил со свойственной ему скромностью, что „журнал его и впредь хуже не будет“. На сие „Молва“ тотчас ему заметила, что и Г. Издатель „Телеграфа“ невозможного сделать не может. А мы со своей стороны заметим „Молве“, что шутка ее остроумна, но не совсем справедлива. Издатель „Телеграфа“ первым № своего журнала на нынешний год доказал, что для него и невозможное возможно».

Кто автор этой заметки? Пушкин? А, может быть, Вяземский? Ирония, сатира Пушкина убийственны. Но и остроумие Вяземского замечательно. Доказать нельзя.

Есть и еще одна трудность. В некоторых статьях налицо, как будто, приметы Пушкина. Например, замечательный пушкинист Томашевский нашел в «Литературной газете» две заметки, подписанные буквой Р. Так подписывал свои статьи (и даже художественные произведения — «Скупой рыцарь», «Пиковую

даму») Пушкин. Может быть, и эти две заметки вышли из-под пера Пушкина?

В. В. Винсградов внимательно прочитывает эти заметки. Едва ли Пушкин; в этом убеждают и содержание и форма заметок: предмет малозанимательный для Пушкина (грамматико-этимологический ученый спор об одном латинском слове), стиль беззубый и плоский. Да и в языке заметок много таких выражений, которые Пушкину не могли принадлежать: Пушкин не сказал бы «бранчивое письмо на кого-нибудь», он мог написать «бранчивые выражения», «бранчивые критики» — без связи с предложениями. Никогда бы Пушкин не сказал: «по *высоковзглядным* расчетам» или «*постановлены* ясные и особые формы» (сугубо книжный, ученый слог). Нет, одной зацепки — *P* — мало. Это могла быть и латинская, и русская буква, и в последнем случае к фамилии на *П* (Пушкин) она не имеет вовсе никакого отношения.

Но насколько может быть убедительна и достоверна атрибуция на основе языка и стиля?

1897 год... В солидном историческом журнале «Русский архив», который в течение полувека издавался известным историком, археографом, библиофилом Петром Ивановичем Бартеневым, появилась публикация: «„Русалка“ А. С. Пушкина. Полное издание. По современной записи Д. П. Зуева».

Было известно, что Пушкин не кончил «Русалку», а теперь оказывалось, что Зуев слышал от самого Пушкина и записал окончание драмы.

Публикация вызвала всеобщий интерес, споры в печати. Большинство сходилось во мнении: литературная подделка. Но были и возражения: ведь стихи хорошие. Вот монолог княгини:

Княгиня

Мне снилось: я золото считала,
Низала жемчуг, в яхонты рядилась
Кровавые, блестящие, большие...
И девичий венок булавкой черной
Над русою косою приколола...
Из водных струй сотканною фатой
Прикрылась и, блистая красотой,
С улыбкою в храм божий я вступила.
Хор певчих «со святыми упокой!»
Пропел и мне и князю. В ноги нам
Не оксамит, а зеркало, как лед
Холодное, постлали пред налоем;
И свечи, воска белого, с цветами
И золотом зажгли и дали в руки;
Венцы надели, кольца обменяли,
Три раза вокруг налож обвели...

Пушкинские ли это стихи? Как избавиться от субъективизма оценок? И да, и нет — неубедительны. Нужны доказательства.

Нужен был детальный анализ стихов. И вот Ф. Е. Корш в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук» (1898, кн. 3; 1899, кн. 1—2) помещает большую статью «Разбор вопроса о подлинности окончания „Русалки“». Его вывод: окончание, возможно, написано Пушкиным. А через год мистификация была подтверждена документально (Зуева уже не было, он умер в 1898 году).

В научном исследовании может быть интересен не только положительный, но и отрицательный результат. Перед В. В. Виноградовым встала новая задача: внимательно изучить опыт Корша и понять причины неудачи, вскрыть истоки ошибок для того, чтобы их не повторить.

Вот Корш анализирует стихи (из разговора русалок):

Пронесемтесь над рекою,
И, чаруя красотой,
Песней страстной, огневою,
Заманим к себе ловцов.

Плохо, все плохо. Даже неграмотно — «пронесемтесь над рекою». У русалок нет крыльев. Однако Корш рассуждал: «Трудно понять *над* буквально, то есть как бы сверху, без прикосновения к предмету, находящемуся внизу...». Почему трудно? Корш отвечает: да потому, что у Пушкина много аналогичных выражений, например в стихах «П. А. Осиповой»:

Но и вдали, в краю чужом,
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Итак, «над холмом» — значит «на вершине холма», а «над рекою» — «по поверхности реки». Стоп! Неверно! Нельзя смешивать разные значения предлогов, так же как вообще нельзя смешивать разные значения слов. У предлога *над* несколько значений. Если мы говорим *смеяться над кем-нибудь*, то это не значит, что можно сказать *грустить над кем-нибудь*; а *плакать над кем-нибудь* имеет совсем иной смысл. Слова *превосходство* и *преимущество* близки по смыслу, мы говорим *превосходство над кем-либо*, а *преимущество над кем-либо* сказать нельзя. Когда мы говорим: *он работает над книгой*, мы не хотим сказать, что книга находится под ним. Семантическая природа предлогов сложна и противоречива, и нужно быть осторожным в выводах.

Еще пример:

Что скажешь, князь?.. Как приглянулась дочь?
Красавица красавцем зачатая,—
Тобой! В тебя рожденная лицом.

«Приглянулась» — явно неудачно, а «зачатая красавцем» просто нелепо. А как же объясняет Корш ошибку в последней строке? Он ссылается на «весьма обыкновенное *уродиться в кого*, откуда недалеко и простое *родиться в кого*, а поэтический язык предпочитает простые глаголы сложным». В. В. Виноградов иронически отмечает: «Не объясняется лишь одно: все ли равно порусски сказать: *уродилась в кого-нибудь* или „в тебя рожденная лицом“, и уместен ли здесь страдательный оборот от несуществующего выражения: „родить кого-нибудь лицом в кого-нибудь“».

Зув употребил прилагательное *огневой*. Оно не встречается в языке Пушкина. Коршу это известно, однако он полагает, что оно могло быть в языке людей того времени: «От слова *огонь* у Пушкина есть прилагательные *огненный...* и *огнистый...* но едва ли он мог найти какое-нибудь препятствие к употреблению правильного и даже нередкого *огневой...*».

Конечно, общим словообразовательным принципам русского языка оно не противоречит. Но ведь надо еще изучить и язык эпохи, надо знать, как тогда говорили. «Однако, — заключает В. В. Виноградов, — вопросов о том, в какой мере особенности пушкинского стиля или вообще стихотворной речи того времени отклоняются от общих норм литературного языка первой трети XIX века и каковы литературные нормы русского языка в пушкинскую эпоху, то есть в период с 10-го до конца 30-х годов XIX века, — Ф. Е. Корш не ставит и не решает».

Следовательно, прежде всего необходимо понять стилистическую систему литературного произведения. Не отдельные особенности, а именно систему. Отдельные особенности (например, характерные для данного автора эпитеты, метафоры, сравнения, каламбурные словосочетания, излюбленные рифмовки и т. п.) бросаются в глаза, их легко выявить, подделать, повторить. Эпиграфы как раз и хватаются за эти яркие черты великого писателя. Воспроизвести, подделать стилистическую систему писателя, отражающую специфику его художественного мышления, мировосприятия, невозможно. Затем необходимо изучить проблему соотношения языка писателя и литературного языка эпохи. Надежность атрибуции могут обеспечить только история русского литературного языка и стилистика художественной речи. Ничего этого не было. Сейчас нас поражает, как много было сделано В. В. Виноградовым в 30-е годы. Позже о нем будут говорить как об основоположнике двух новых отраслей лингвистики — истории литературного языка и стилистики. Целая серия книг. Из них две специально посвящены Пушкину: «Язык Пушкина» (1935) и «Стиль Пушкина» (1941). Больше тысячи страниц. А кроме то-

го — несколько статей, по объему — небольшие книги. Позже вышел и «Словарь языка Пушкина» под его редакцией (1956—1961). Именно эта «вспомогательная» работа сделала столь убедительными атрибуции В. В. Виноградова.

Объектом его наблюдений и стала «Литературная газета» 1830—1831 годов. Это была загадка, от которой отступился не один исследователь, задача со многими неизвестными. Еще первому биографу поэта Анненкову друзья и знакомые Пушкина сообщили, что в «Литературной газете» есть анонимные статьи Пушкина. Анненков включил некоторые из статей в собрание сочинений Пушкина. Но большая часть их была отвергнута: они не принадлежали Пушкину. Клад был рядом, но найти его оказалось нелегко. Поисками занимались такие выдающиеся пушкинисты, как Н. О. Лернер, В. В. Гиппиус, Б. В. Томашевский и др.

Внимательно перечитывая «Литературную газету», В. В. Виноградов снова задумался над рецензией на «Невский альманах», помещенной в № 12 (от 25 февраля 1830).

Так, Томашевский заподозрил в ней руку Пушкина. Он писал: «В № 12 рецензия на „Невский альманах“, печатаемая в сочинениях Дельвига... своей характеристикой поэзии Языкова напоминает Пушкина. Но обо всем этом можно только гадать» (Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925).

«А можно ли, не гадая, найти веские доказательства авторства Пушкина?» — думал В. В. Виноградов. Внимание Томашевского привлек отзыв рецензента о Языкове. Не здесь ли ключ к загадке? Вот эти строки: «С самого появления своего сей поэт удивляет нас огнем и силою языка. Никто самовластнее его не владеет стихом и периодом. Кажется, нет предмета, коего поэтическую сторону не мог бы он постигнуть и выразить с живостию, ему свойственною. Пожалеем, что доньше почти не выходил он из пределов одного слишком тесного рода, и удивимся, что Издатель журнала, отличающегося слогом неправильным до бессмыслицы, мог вообразить, что ему возможно в каких-то пародиях подделаться под слог Языкова, твердый, точный и полный смысла».

Чем же примечательна эта характеристика? Тем, что рецензент высоко оценивает поэзию Языкова? Нет, Языкова любили многие. Примечательно то, какие черты выделяет рецензент, на что он обращает особое внимание. Здесь подчеркнута — «точность». Точность — необходимое качество научного (например, исторического сочинения), делового (юридического и др.) текста. Требовать точности от поэта — это очень похоже на Пушкина.

Обычно критики выделяли — сладость, свежесть, яркость, звучность, живописность и т. п. Пушкин же на первое место ставил — точность. Так, он сразу заметил ошибку Рыльева в словах о гербе России в его думе «Олег Вещий» и писал ему в мае 1825 года из Михайловского: «Ты напрасно не поправил в „Олеге“ герба России. Древний герб, святой Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III, не прежде. Летописец просто говорит: Таже повеси щит свой на вратех на показание победы».

Он еще и раньше замечал в думах Рыльева подобные ошибки. В 1822 году в «Русском Инвалиде»:

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда лишь в полдень проникал,
Скользя по сводам, луч денницы...

Какая же денница в полдень? И вот приписка в письме к брату (4 сентября 1822): «Милый мой — у вас пишут, что луч денницы проникал в полдень в темницу Хмельницкого. Это не Хвостов написал — вот что меня огорчило...». Хвостов, над которым смеялась вся Россия, мог написать: «Зимой весну являет лето». Неточностью страдали и многие другие поэты.

Но не только фактические ошибки останавливали внимание Пушкина. Он не мог допустить и неточности словоупотребления. Прочитав у Кюхельбекера стихи:

Я всегда в уединении
Пас стада главы моей...

(перифразы тогда были обычны: «чаша жизни», «огонь любви», «двери гроба»; Кюхельбекер же имел в виду «сны и грезы, и виденья»), Пушкин иронически спрашивает: «Пас стада главы моей (вшей)?».

Еще более показателен спор Пушкина с Вяземским по поводу стихотворения «Нарвский водопад». Написав это стихотворение, Вяземский 4 августа 1825 года послал его Пушкину, прося «заметить и доставить ему замечания». Описание водопада у Вяземского насыщено эпитетами, метафорами, поэтической фразеологией. В ответном письме от 14—15 августа 1825 года (из Михайловского в Ревель) Пушкин дает разбор «Водопада»: «Благодарю очень за „Водопад“. Давай мутить его сейчас же.

...с гневом
Сердитый влаги властелин —

Вла Вла звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молнии *властительница небесного огня?* Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь...».

Далее разбирается седьмая строфа:

Но ты питомец тайной бури,
Игралище глухой войны,
Ты не зеркало их лазури
Вотще блестящей с вышины.

Пушкин критикует:

«Но ты питомец тайной бури.

Не питомец, скорее родитель — и то не хорошо — не соперник ли? *тайной*, о гремящем водопаде говоря, не годится — о буре физической — также. *Игралище глухой войны* — не совсем точно. *Ты не зеркало* и проч. Не яснее ли и не живее ли: *Ты не приемишь их лазури* etc. Точность требовала бы не *отражаешь*...».

Вяземский возражает Пушкину: это же поэзия, метафора, символ, а не ученое описание: «Вбей себе в голову, что этот весь водопад не что иное как человек, взбитый внезапною страстью. С этой точки зрения, кажется, все части соглашаются...».

Эта защита неточных выражений не по душе Пушкину, но он не хочет вести бесполезный спор: «Ты признаешься, что в своем водопаде ты более писал о страстном человеке, чем о воде. Отसे и неточность некоторых выражений».

Метафора метафорой, но она не должна слишком отрываться от реального значения слова. Разные точки зрения, разные типы поэтического мышления. То, что для Вяземского музыкально, выразительно, для Пушкина — неточность.

Вот и в рецензии на «Невский альманах» — «точность» и не в общеязыковом смысле, а именно в пушкинском.

Анонимный автор отмечает у Языкова не только точность слога. Есть и другое — «огонь и сила языка», «полный смысла» слог и др. Но и эти характеристики обычны в пушкинских отзывах: «Стихи Катенина, полные силы и огня»; «Стихотворение, исполненное огня и движения»; «Стих, исполненный истинно трагической силы»; «А чем же держится Иван Иванович Расин, как не стихами, полными смысла, точности и гармонии!» (Письмо Л. С. Пушкину, 1824) и т. д.

Да весь стиль рецензии пушкинский. Но нужны бесспорные факты.

Их удалось добыть благодаря проведенному ранее изучению лексико-семантической системы, выявлению и описанию принципов пушкинского словоупотребления. Текст вдруг «раскрылся»,

факты, так сказать, сами пошли в руки. Вот — «Никто самовластное его не владеет стихом...». Так никто не мог сказать и не говорил, кроме Пушкина. Предварительная работа позволяет ученому отметить: «Перенос слов *самовластие, самовластный, самовластно* — из сферы политических отношений в область жизни и поэзии — типическая особенность пушкинского стиля... Вместе с тем слово „род“ в языке Пушкина в применении к литературе всегда значит: жанр или стиль, например, род классический и романтический... Наконец, для пушкинского стиля очень характерно тройственное сочетание эпитетов, которым заканчивается рецензия». Так слово за словом, фраза за фразой подвергаются стилистической проверке, своеобразной экспертизе.

Принадлежность рецензии Пушкину можно считать доказанной. Но необходимо посмотреть, кто еще мог бы быть автором, кого еще можно заподозрить, как говорят следователи. Круг «подозреваемых» невелик: Дельвиг, Сомов, Вяземский, Пушкин.

Впрочем, Дельвиг отпадает, так как известно письмо Пушкина П. А. Вяземскому: «Высылай ко мне скорее Дельвига, если ты сам не едешь. Скучно издавать газеты одному с помощью Ореста, несносного друга и товарища. Все Оресты и Пилалы на одно лицо. Очень благодарю тебя за твою прозу...». Дельвиг жил тогда в Москве у М. А. Салтыкова, своего тестя. В «Литературную газету» он ничего не присылал.

Вяземский тоже тогда (январь — февраль 1830 года) находился в Москве. Но он кое-что присылал Пушкину: Пушкин благодарит его «за прозу». Что же присылал Вяземский? В середине января он пишет Пушкину в Петербург: «Дельвиг просил меня написать статью о московских журналах. Вот она. Кажется слишком растянута; перетяни ее, как хочешь, выкинь частности, одним словом, делай, что хочешь...». А 1 февраля Вяземский высылает продолжение статьи: «Вот и вторая статья... Разделите статью по журналам, в ней рассмотренным: для каждого листа по особенному журналу...». И все. Вяземский предлагает Пушкину растянуть статью на несколько номеров. Значит, Вяземский не собирается временно что-либо присылать, так как знает, что сам вскоре приедет в Петербург (Дельвиг и Вяземский приехали в конце февраля). Следующая его статья появилась в середине марта (№ 16).

Тогда, может быть, Орест Сомов: ведь он жил в Петербурге и действительно участвовал в издании «Литературной газеты»? Нет, рецензия совсем не в стиле Сомова. Но может быть, есть и другие моменты? Да, есть, причем в самой рецензии: «Сказки о *кладах* сугь лучшее из произведений Байского, донныне известных». Это отзыв о сочинениях Сомова, причем написанный посторон-

ним человеком. Предположение об авторстве Сомова исключено абсолютно. Автор рецензии — Пушкин.

Такая же работа проделана В. В. Виноградовым в отношении и других анонимных статей «Литературной газеты». Все атрибуции В. В. Виноградова признаны бесспорными. Вновь открытые страницы Пушкина были включены в собрания сочинений поэта.

В 1966 году Академией наук СССР выпущен капитальный труд, подводивший итог работе пушкинистов, — монография «Пушкин. Итоги и проблемы изучения». В разделе «Текстология» читаем: «Особенно труден вопрос о неподписанных статьях „Литературной газеты“ 1830—1831 гг., атрибутируемых Пушкину». Говоря о том, что этот вопрос «служил предметом многих работ», сказав о трудах В. В. Виноградова, автор раздела известный литературовед Н. В. Измайлов заключает: «Проблема атрибутирования в отношении Пушкина в основном может считаться разрешенной». Добавим также, что В. В. Виноградов первым из наших филологов удостоен Пушкинской премии.

В. ОДИНЦОВ

Десять — двенадцать лет назад русский язык в гимназиях ФРГ изучали около шести с половиной тысяч учащихся. Как правило, это не был обязательный второй язык или факультативный третий. Русский изучался в языковых кружках для любителей. Нынче число гимназий, в которых преподают русский, увеличилось вдвое, а число изучающих его — больше чем втрое. Русский в той или иной форме преподают сегодня в 620 гимназиях ФРГ. Тенденция роста числа учебных заведений, где его можно изучать, совпадает с тенденцией превращения его в обязательный предмет что отражает

новые настроения в среде учащихся и их родителей.

Русский изучают и дети, и взрослые.

Симптоматично недавнее открытие в Руре своеобразного учебного заведения — Института русского языка земли Северный Рейн — Вестфалия при Бохумском университете, или, как его здесь называют, Руссикума.

Министр науки и исследований земли Северный Рейн — Вестфалия Иоганнес Рау отметил, что этот институт вносит маленький, но весомый вклад в дело воплощения в жизнь договора между ФРГ и СССР.

«Известия», 22 февраля 1974

БЕЗУМНЫХ ЛЕТ УГАСШЕЕ ВЕСЕЛЬЕ...

Из наблюдений
над рукописями
Пушкина



Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.

А. С. Пушкин
Отрывки из писем,
мысли и замечания

«Элегия» А. С. Пушкина «Безумных лет угасшее веселье» была написана в сентябре 1830 года в ту самую знаменитую Болдинскую осень, когда всего за тринадцать недель были созданы поэтом три главы «Евгения Онегина», все «Повести Белкина», «История села Горюхина», все «Маленькие трагедии» и около тридцати стихотворений.

Возникшая в Древней Греции как поэтический жанр элегия ко времени своего появления в русской литературе уже имела длительную историю. В конце XVIII века этот традиционный жанр в поэзии вообще, и в особенности в русской, претерпел значительные изменения. Возникла новая элегия с преобладанием чувства над рационализмом и поучительностью, с лирической темой, соответствующей индивидуальности автора. Так как в новой элегии преобладали описания печальных событий и грустные размышления, ее стали определять как «песню грустного содержания» (В. Г. Белинский). Модная в начале XIX века элегия, по словам Б. В. Томашевского, «не была богата разнообразием тем. Чувство меланхолии господствовало над прочими чувствами. Поэту и темы были в ограниченном выборе. Разлука с возлюбленной, неразделенная любовь, чувство меланхолической ревности, скорбь об утраченной радости, мрачное уединение и „стенания“ на лоне природы в вечерний час, чувство угасающей юности и приближение безвременной смерти,

наслаждение в страданиях и печали — вот почти весь замкнутый круг элегических тем „унылого“ толка» (Б. Томашевский. Пушкин. Кн. I. М.—Л., 1956).

Читателям, наверное, известны следующие строки романа «Евгений Онегин», в которых Пушкин характеризует элегические темы своего персонажа — поэта Владимира Ленского:

Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль,
И романтические розы,
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы,
Он пел поблеклый жизни цвет,
Без малого в осьмнадцать лет.

Но несмотря на такую ироническую характеристику, сам поэт часто обращался к элегии. Пушкиным написано свыше пятидесяти стихотворений, которые в печати или в вариантах имели заголовки «Элегия», включались поэтом в сборниках в отделе элегий или назывались элегиями в письмах к друзьям. Правда, только за шестью из этих стихотворений Пушкин сохранил заголовок «Элегия», и в том числе за стихотворением «Безумных лет угасшее веселье». Об элегиях Пушкина писали почти все крупнейшие пушкинисты: Д. Д. Благой, С. М. Бонди, Б. П. Городецкий, Г. А. Гукковский, Л. Я. Гинзбург, Н. В. Измайлов, Б. С. Мейлах, Б. В. Томашевский, М. А. Цявловский и др. В самое последнее время Л. Г. Фризман уделил большое внимание элегиям Пушкина в своей брошюре «Жизнь лирического жанра» (М., 1973). В. Порудоминский и Н. Эйдельман рассматривали «Элегию» в ряду других сочинений, написанных в Болдине (Болдинская осень.— «Знание — сила», 1974, № 1), а Г. М. Фридендер посвятил элегии «Безумных лет угасшее веселье» отдельную статью (сб. «Поэтический строй русской лирики». Л., 1973).

Напомним читателям текст этого прекрасного стихотворения.

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

почему именно они способствовали совершенствованию «Элегии», ее смысловой и образной законченности и гармоничности. Наш этюд будет пояснительным комментарием, который можно предложить любителям поэзии Пушкина, как результат сопоставления печатного текста стихотворения и его белого автографа. В ряде случаев предлагаемые нами мотивировки замен близки к мотивировкам, которые приводятся перечисленными выше авторами.

При сопоставлении мы пользуемся текстами издания: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1937—1949.

Первая строфа «Элегии»

Беловой автограф

Протекших лет безумное веселье
Мне тяжело как тяжкое похмелье
И как вино печаль минувших дней
В моей душе чем старе тем сильней.
Мой день уныл. Волнуемое море
Грядущего сулит мне труд и горе

Окончательный текст

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

В первом двустишии поэт, сохранив прилагательное *безумный*, делает его определением существительного *лет* (в беловом автографе оно определяло слово *веселье*; о подобных заменах определяемых смотрите статью в журнале «Русская речь», 1974, № 3). Общая оценка прошлого как волнений юности — *безумных лет* — заменяет собой конкретное указание автографа — *протекших лет*. Характеристика свойственного юности веселья метонимически переносится и распространяется на все молодые годы: *безумное веселье... лет* → *безумных лет... веселье*. Интересно отметить, что в вариантах других стихотворений, например в черновом продолжении стихотворения «Воспоминание» (Когда для смертного умолкнет шумный день), мы встречаемся с подобной же характеристикой юности:

Я вижу в праздности, в безумстве и пирах
Свою потопленную младость.

В «Элегии» поэт совсем отказался от конкретного определения *протекших (лет)*. В окончательном тексте отнесенность к прошлому обозначена типичной для жанра элегии метафорой — *угасшее веселье*. Во второй строке этого же двустишия прилагательное *тяжкое* заменено прилагательным *смутное* в значении 'тревожное'. Главную роль в этой замене, по-видимому, сыграло желание нейтрализовать прямое значение слова *похмелье* и, освободив стих от

возможных ассоциаций с состоянием похмелья, усилить ассоциации с душевной тревогой, беспокойством. Этому должна была способствовать и звуковая сторона. Требуемое размером (ямб) ударение на *у* при следующей безударной стопе — *как смутное похмелье* [у' | у | у' | у] — как бы удлиняло звук *у*, нагнетая ощущение смятенности. Этим же приемом нагнетания определенного настроения при помощи «удлинения» или повторения звуков Пушкин еще раз воспользуется при правке «Элегии», заменив в третьем двустишии слово *день* словом *путь*: *Мой путь уныл*. (Смотрите рассуждения о строке стихотворения Пушкина «Поэт» в книге С. В. Шервинского «Ритм и смысл», М., 1961). Смысловые и эмоциональные оттенки в результате замены слов *тяжкое* на *смутное* мы считаем более существенными, чем только стремление поэта освободиться от неблагозвучного повторения однокорневых слов (хотя, конечно, и оно имело место). Известно, что Пушкин не отказывался от подобных повторений, если они отвечали поэтическому замыслу. В этом отношении интересна поправка, внесенная поэтом в стихотворение «Предчувствие» в издании 1829 года по сравнению с изданием 1828 года.

Текст 1828 года

Шаткой жизнью утомленный
Равнодушно бури жду:

Текст 1829 года

Бурной жизнью утомленный
Равнодушно бури жду:

Во втором двустишии «Элегии» поэт заменил союз *и* союзом *но*: *И как вино* → *Но как вино*. Несмотря на кажущуюся незначительность, эта замена очень существенна. Она вносит в содержание первого четверостишия элемент драматизма. Элегически спокойное повествование о том, что воспоминание о прошлом печально и эта печаль с годами не проходит, прервано противопоставлением. Союз *но* как синтаксически, так и эмоционально видоизменяет четверостишие. Неожиданностью противопоставления, его неподготовленностью содержанием предыдущего двустишия, поэт дает понять, что его печаль безысходна и что со временем она не только не пройдет, но и не может пройти.

Основу содержания третьего двустишия в беловом автографе составляет сопоставление настоящего мгновения — *мой день уныл* — с тем, что ожидает поэта в будущем: *Волнуемое море // Грядущего сулит мне труд и горе*. Пушкин заменяет в первом предложении слово *день* словом *путь* и меняет во втором предложении прямой порядок слов, где подлежащее помещено перед сказуемым — *море сулит*, а имя в родительном падеже следует за тем словом, от которого оно зависит — *море грядущего*, на невря-

мой, или инверсированный — *сулит море и грядущего море*. Заменой слова *день* словом *путь* снимается как определенность сопоставления, так и само сопоставление. Частная ситуация обобщается, конкретный день — *мой день* — становится поэтической судьбой — *мой путь*. Заменой прямого порядка слов, который сообщал двустипию прозаическую интонацию, на инверсированный: Пушкин достигал большей смысловой и ритмической его четкости.

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Вторая строфа «Элегии»

Беловой автограф

Но не хочу я, други, умирать.
Я жить хочу чтоб мыслить и мечтать
И ведаю: мне будут наслажденья
Средь горестей, забот и треволненья
Порою вновь гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И ты любовь на мой закат печальный
Проглянешь вновь улыбкою прощальной.

Окончательный текст

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Первый стих второй строфы имел еще один вариант помимо приведенного, от которого Пушкин также отказался: *Но не хочу еще я умирать*. В окончательном тексте поэт усиливает обращение введением междометия *о*, подчеркивая тем обязательность акцентного выделения слова *други*: *Но не хочу, о други, умирать*. В первых двух вариантах стих не имел такого четкого членения. Близкое повторение местоимения *я*, казалось бы усиливающее противопоставление: *Но не хочу я ... умирать // Я жить хочу*, на самом деле этой функции не несло, так как на него не падало ударения. Дважды местоимение употреблено в первом (безударном) слоге ямба. Поэт отказывается и от слова *еще*, вносящего в высказывание временной оттенок. Стих *Не хочу еще я умирать* мог быть понят двусмысленно: пока еще не хочу умирать, — а такое понимание, очевидно, не отвечало замыслу поэта.

Во втором стихе элегический глагол *мечтать* заменяется глаголом *страдать*. Объединение двух слов, называющих совершенно разные не имеющие ничего общего, действия или состояния, вообще встречающееся у Пушкина, например в стихотворении «На

рекликающаяся по своему настроению с лирическими строками других стихотворений Пушкина, таких как «Предчувствие» или «На холмах Грузии лежит ночная мгла» с его удивительным по эмоциональной силе стихом: *Мне грустно и легко; Печаль моя светла* (см. об этом: Д. Д. Благой. Творческий путь Пушкина. 1826—1830 гг.).

Итак, мы можем с уверенностью утверждать, что все поправки Пушкина в его работе над «Элегией» связаны с изменением содержания стихотворения, с его последовательной обобщенностью и символизацией. Конкретная ситуация — размышление о прошлом, настоящем и будущем превращается в драматическое повествование-обобщение. Две строфы стихотворения в соответствии с правилами русской элегии начала XIX века предстают перед читателем как «взволнованный монолог поэта», «страницы одного романа, отдельные сцены одной драмы» (см.: Б. Томашевский. Пушкин. Кн. I). Обобщенный характер и символическую образность повествованию придают лексические замены и отказ от конкретных определений в пользу эпитетов-метонимий и метафор. Драматизм и напряженность сообщают «Элегии» синтаксические противопоставления и объединения далеких по своему лексическому значению слов. При всех семантических и экспрессивных заменах поэт не забывает и о ритмо-мелодической стройности и завершенности поэтического произведения. Все поправки находятся в строгом соответствии с чувством соразмерности и сообразности лексических, грамматических и ритмических элементов, с идейно-художественным единством всего стихотворения.

В. А. ПЛОТНИКОВА

«Я давно мечтал изучить великий русский язык, и сейчас по-русски читал газеты, в которых сообщалось об исторической миссии мира Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева». Так сказал Ашим Кумар Сен Гупта, юноша из Бангладеш, завершивший учебу на подготовительном факультете для иностранных граждан Азербайджанского института нефти и химии имени М. Азизбекова.

Вместе с ним успешно закончили курс обучения около 300 иностранных студентов — пред-

ставители 39 социалистических и развивающихся стран. Курс обучения на подготовительном факультете впервые завершили студенты из Панамы, Руанды, Бурунди, Доминиканской Республики, Намибии, Верхней Вольты и ряда других государств. За время обучения посланцы зарубежных стран получили необходимые знания по русскому языку, которые позволят им продолжить учебу в вузах нашей страны, в том числе и Азербайджана.

«Бакинский рабочий»,
6 июля 1973

НЕЗНАКО- МЫЕ ЗНАКОМЦЫ



После выхода в свет Словаря языка Пушкина (т. I—IV, 1956—1961) стало известно, что в основных текстах поэта — более 21 тысячи слов (все повторяющиеся слова во всех их формах принимаются при этом за одно слово).

За время, которое отделяет нас от Пушкина, в русском литературном языке, в том числе в его лексике, произошло, конечно, немало изменений. Читая Пушкина, современный читатель встречает среди этой массы слов и такие, которых нет теперь в литературном языке и значения которых ему подчас неизвестны. В массовых изданиях сочинений поэта такие слова обычно снабжаются специальными комментариями. Но вот в «Путешествии в Арзрум» мы читаем: «Граф послал Пущина осмотреть овраг. Пущин поскакал. Турки приняли его за наездника и дали по нем залп» [цитируется по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1937—1949].

В этом тексте нет, кажется, ни одного незнакомого слова, а между тем у современного читателя он может вызвать недоумение. Почему турки приняли Пущина за наездника? Ведь он скакал на коне, то есть был именно тем, кого мы называем наездником, или всадником.

Дело в том, что у слова *наездник*, кроме известного нам значения — 'тот, кто едет или ездит верхом, всадник' (Словарь С. И. Ожегова), было в пушкинское время еще и другое — 'верховой воин, совершающий набеги на неприятеля, один или в составе конных отрядов'. Словарь Академии Российской так определяет это значение: 'отважный всадник, причиняющий урон неприятелю урывкою'. Знакомое казалось бы нам слово *наездник*

на самом деле нам не вполне знакомо и, применяя здесь пушкинское же слово *знакомец*, оно для нас — «незнакомый знакомец».

Иногда такие «незнакомые знакомцы» могут нас даже подвести. Не зная точного значения слова, мы можем неправильно или неточно понять Пушкина. В следующих стихах «Полтавы» (песнь III):

Мазепы враг, наездник пылкий,
Старик Палей из мрака ссылки
В Украйну едет в царский стан —

слова *наездник пылкий* могут быть поняты как «страстный любитель верховой езды, отличный всадник», а между тем здесь *наездник* употреблено Пушкиным в том же значении, о котором только что говорилось. Это подтверждается примечанием самого Пушкина: «Симеон Палей, Хвостовский полковник, славный наездник. За своевольные набеги [разрядка автора] сослан был в Енисейск по жалобам Мазепы...» (Примечания к «Полтаве»).

Наездником в том же значении называет Пушкин и знаменитого партизана 1812 года поэта Дениса Давыдова:

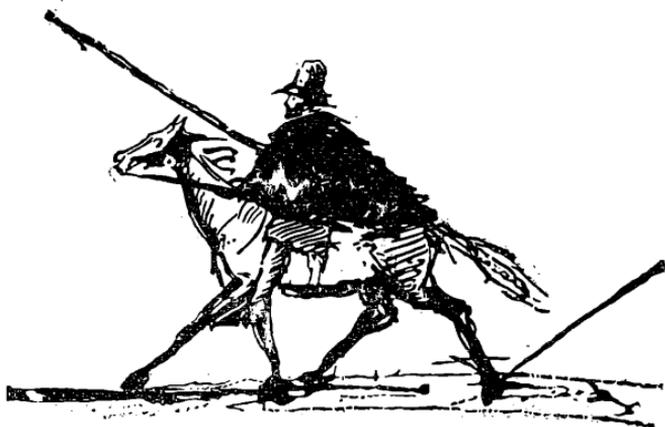
.. Недавно я в часы свободы
Устав наездника читал
И даже ясно понимал
Его искусные доводы...

Недавно я в часы свободы...

«Устав наездника» — это книга Дениса Давыдова «Опыт теории партизанского действия» (1821).

Рассмотренное значение слова *наездник* объясняется смысловой близостью его со словом *наезд*, от которого оно образовано: *наездник* — это тот, кто совершает наезды, набеги, кто наезжает на кого, что-нибудь, а *наезжать*, по определению Словаря Академии Российской, значило 'наступать, нападать на кого на коне с оружием'.

В приведенном выше примечании Пушкина говорится, что Симеон Палей — «славный наездник». Пушкин характеризует Палея здесь, конечно, не как приятного симпатичного человека, как можно было бы подумать, исходя из значения слова *славный* в современном языке, а говорит о нем как о знаменитом (см. Словарь Академии Российской), известном наезднике. В этом же значении 'широко известный, знаменитый' употребляется *славный* и в следующих примерах из числа многих, имеющих у Пушкина: «Славные Тифлиские бани» (Путешествие в Арзрум); «Сей Грандисон был славный фронт» (Евгений Онегин); «Грандисон и Ловлас, герои двух славных романов» (Примечания к «Евгению Онегину»).



Автопортрет А. С. Пушкина. 1829

Славный в этом значении, отсутствующем в современном литературном языке, восходит к существительному *слава* в значении 'широкая известность кого, чего-нибудь вообще, как с хорошей, так и с дурной стороны' (Словарь языка Пушкина). Последнее обстоятельство (не только хорошая, но и дурная известность: Добрая слава за печкой спит, а худая по свету бежит — Словарь В. Даля) делает понятным, почему в языке Пушкина и его современников встречаются и такие сочетания с прилагательными *славный*, которые в современном языке совершенно невозможны: «Юлия, дочь Августа, славная своим распутством» (Замечания на „Анналы“ Тацита), у Карамзина: «Содержательница кофейного дома, славная своим безобразием» (Пророчество на 1799 г.).

Отзвуком старого значения является также одно из значений слова *подвиг*, в котором оно употреблено в «Путешествии в Арзрум» — 'тяжелый переход, путь, путешествие': «Пост Коби находится у самой подошвы Крестовой горы, через которую предстоял нам переход. Мы тут остановились ночевать и стали думать, каким бы образом совершить сей ужасный подвиг: сесть ли, бросив экипажи, на казачьих лошадей, или послать за осетинскими волами?».

Основанием для такого понимания слова *подвиг* служит определение одного из его значений, данное в Словаре Академии Российской: 'движение, стремление, шествие какого-нибудь тела' (Ядро подвиг свой чинит дугою). Связь этого значения с исходным процессуальным, заложенным в его основе, очевидна.

Близость к исходным значениям заметна также в ряде сложных лексических образований. В «Послании к кн. Горчакову» Пушкин пишет:

Я помню их, детей самолюбивых,
Злых без ума, без гордости спесивых,
И, разглядев тиранов модных зал,
Чуждаюсь их укоров и похвал!...

Самолюбивыми детьми называет Пушкин представителей великосветского общества. Но что значит здесь *самолюбивый*? Для нас такая характеристика звучит, скорее, как положительная. Самолюбивый человек — человек, обладающий чувством собственного достоинства, хотя и чрезмерно обостренным. Пушкин же, как видно из текста, отзываясь о «тиранах модных зал» явно отрицательно. Заглянем в Словарь Академии Российской: *самолюбивый* — «любящий пристрастно самого себя». Таким образом, общее значение этого сложного слова было по смыслу членимо, состояло как бы из суммы значений двух слов (основ), из которых оно образовано. В переводе на современный язык *самолюбивый* значило примерно то же самое, что «себялюбивый, самовлюбленный, эгоистичный».

Высмеивая в эпиграмме «Соловей и кукушка» модных поэтов-элегиков, которые без конца говорили только о своих печалях, своих страданиях, своей неразделенной любви, Пушкин сравнивает их с самолюбивыми (в том же смысле) болтушками-кукушками:

В лесах, во мраке ночи праздной
Весны певец разнообразный
Урчит и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку свое твердит,
И эхо вслед за нею то же,
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, боже,
От элегических куку!

Подобная семантическая членимость обнаруживается и у ряда других сложных слов. В приводимом ниже тексте из «Рославлева» пленный офицер армии Наполеона, потрясенный силой духа русского народа, решившегося ради спасения отечества на сожжение древней столицы, восклицает: «...Русские, русские зажгли Москву. Ужасное, варварское великодушие! Теперь все решено: ваше отечество вышло из опасности; но что будет с нами, что будет с нашим императором...».

Великодушие здесь очень близко по значению к сочетанию «величие души», которое является, как определяет это понятие Словарь Академии Российской, свойством человека, «жертвующего жизнью, временем, имением своим благу отечества или ближнего». Поэтому становится понятным, почему Пушкин, обращаясь к Наполеону (стихотворение «Наполеон»), называет пожар Моск-

вы великодушным, то есть таким, в котором проявилось величие духа народного:

Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...

Малодушие в его старом членимом значении, противоположном значению *великодушие*, мы также встречаем у Пушкина: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», то есть 'ничтожность, мелкость души' (Отрывки из писем, мысли и замечания).

Некоторые другие сложные образования со второй частью *-душие* и производные от них обладали подобной же смысловой членимостью. Поэтому, читая в «Рославле»: «Она была без памяти от славной женщины [знаменитой писательницы Сталь], столь же добродушной, как и гениальной», мы понимаем слово *добродушной* как «доброй, с доброй душой» или, как определяет его Словарь Академии Российской, «к деланью добра расположенной», а не как «взлюбивой, благодушной», если основываться на современном его употреблении.

На основе таких первоначально членимых значений впоследствии развивались другие, семантически не членимые современные значения, существовавшие некоторое время наряду со старыми, а затем вытеснившие их из языка. Такую судьбу пережили и некоторые приставочные образования, например, прилагательное *безобразный*. Оно имело не только современное значение 'уродливый, крайне некрасивый':

Я принимала за другого
Тебя, старик. Оставь меня.
Твой взор насмешлив и ужасен.
Ты безобразен. Он прекрасен...

Полтава

но и вытесненное им старое, которое восходит к значениям его составных частей (приставки и основы). Например, в приводимом ниже тексте прилагательное *безобразный* можно определить примерно так — 'не имеющий определенного облика, образа, бесформенный': «Скоро притушаются впечатления. Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекали моего внимания» (Путешествие в Арзрум).

Невозможно предположить, чтобы Пушкин говорил здесь «безобразные водопады» в современном смысле слова. Несколько ранее в том же произведении он пишет, что «поминутно останавли-

вался, пораженный мрачною прелестию природы». По-видимому, в том же старом значении надо понимать это прилагательное и в известном всем тексте из стихотворения «Бесы»:

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...

Приведенными примерами список «незнакомых знакомцев» у Пушкина, конечно, не исчерпывается; и не все они могут быть поняты, исходя только из изложенных здесь соображений. Нашей задачей было показать, что при всем сходстве языка Пушкина с современным литературным языком, который вырос и развивался на его основе, есть в языке Пушкина элементы, внешне совпадающие с современными, но отличающиеся от них по своему содержанию. Уловить их в текстах Пушкина, раскрыть их значение — это значит лучше понять Пушкина, глубже вникнуть в его творчество.

И. С. ИЛЬИНСКАЯ

ПОЧТА
«РУССКОЙ РЕЧИ»

● ЧИТАЯ ПУШКИНА

Э. К. Чохели из Сухуми пишет: «Перечитывая Пушкина, я обратила внимание на то, что в стихотворении „Редет облаков летучая гряда“ мирт назван *нежным*. Почему Пушкин так странно определил это, растущее у нас на Кавказе, растение с жесткими, словно металлическими листьями?».

В стихотворении Пушкина, навеянном крымскими воспоминаниями, речь идет о растении, которое называется «мирт средиземноморский». У Пушкина не бывает случайных слов. Не случаен и эпитет *нежный* (мирт) в элегии «Редет облаков летучая гряда», только точность здесь особая, поэтическая, а она не всегда совпадает с точностью обыденной речи. Пушкинская точность в выборе эпитетов, в том числе и этого, станет понятнее, если мы скажем несколько слов о стихотворении. Только в общем поэтическом контексте может проясниться художественный смысл каждого слова, когда речь идет о настоящем произведении искусства.

Редет облаков летучая гряда.
Звезда печальная, вечерняя звезда!
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
Он думы разбудил, уснувшие во мне:
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где все для сердца мило,

Где стройны тополи в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

[Цитируется по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. Т. II. М., 1958].

Элегия «Редает облаков...» — нерасторжимое сплетение воспоминаний и реальности, объединенных настроением, переживанием до такой степени, что перед нами как бы один пейзаж, и граница между настоящим временем пушкинского стихотворения и пейзажем воспоминания трудно уловима. Это диалог души с миром. Едва ли точнее можно определить элегию. Само душевное настроение, которое становится предметом изображения, сложно, тонко и, так сказать, неодносоставно. Как будто бы здесь ничего не сказано о любви — и все же весь пейзаж проникнут воспоминанием о нежной и вызывающей восхищение женской прелести. Здесь же находим и мотив свободы, поэтического вдохновения: «Над морем я влачил задумчивую лень».

Слова *лень*, *праздность* и производные от них нередко в поэзии раннего Пушкина обозначают именно творческое состояние души. «Парнасский счастливый ленивец» — так называет Пушкин поэта Батюшкова; «И в тишине святой Философом ленивым, От шума вдалеке, Живу я в городке...» — пишет он о себе; «Подруга думы праздной...» — обращается поэт к своей чернильнице и продолжает: «Тебя я посвятил Занятиям досуга И с Лениью примирил: Она твоя подруга».

Влюбленность, вдохновение — все здесь не только переплетено, но и тесно связано одно с другим, как бы одно другим обусловлено. «Лирика любви» или «лирика природы»? Никакое *или* просто невозможно. Исходным пунктом развития лирической темы оказывается внутренний мир героя, его переживание. Нельзя даже сказать, что существует параллелизм между описанием природы и описанием чувства: здесь нет двух рядов, а есть единый поток образов. Пейзаж дан не «объективно», описательно, а как бы увиден лирическим героем и показан только в его восприятии и оценке. Это особенно отчетливо видно при анализе эпитетов, которые в стихотворении оказываются как бы главным, доминирующим носителем смысла.

Первые четыре строки описывают, как установили комментаторы, пейзаж Каменки, украинской усадьбы друзей Пушкина, где го­стил поэт и собирались декабристы. Здесь изображен «гористый берег реки Тясмина» (см. комментарий в кн.: А. С. Пушкин. Полное

собрание сочинений в 10-ти томах. Т. II). Это «настоящее время» элегии. Дальше идет описание Крыма — пейзаж воспоминания, пейзаж «прошедшего времени». Их общий элемент — ночь и звездное небо, вечерняя звезда — служит поводом для того, чтобы воспоминание, как позднее скажет Пушкин, начало разворачивать перед поэтом свой «длинный свиток».

В пушкинском стихотворении два времени как бы налагаются друг на друга, и восприятие «сегодняшнего» пейзажа, пейзажа Каменки, окрашено крымским. «И дремлющий залив, и черных скал вершины» — это сказано словно не о скромной украинской речке, а о горном морском берегу. И только «увядшие равнины» тут же на берегу — не крымские, конечно. В бытовой речи все это было бы неточным описанием, нарушающим реальные очертания и пропорции. Но разве в нашем восприятии не бывает сплошь и рядом такого «нарушения»? Не случалось ли вам, вернувшись из интересного путешествия, увидеть привычные места совсем «другими глазами»?

Все эпитеты пушкинской элегии как бы постоянно сталкиваются, сопоставляют объективное описание и субъективное переживание пейзажа, его смысл для героя. «Звезда печальная» — эмоциональный эпитет, «вечерняя звезда» — точное определение. Еще более поразительные эпитеты сопровождают крымские деревья, о которых вспоминает герой: стройны тополи, нежный мирт и темный кипарис.

Стройный тополь — почти постоянный эпитет для пирамидальных тополей. *Темный кипарис* — очень точно, именно в житейском смысле слова, описывает это дерево, с его плотной, сгущенной, почти войлочной кроной, чернеющей даже на фоне темной, но прозрачной южной ночи. А вот *нежный мирт* — сказано в другом смысле. Мирт — деревцо с блестящими ланцетными листьями — как будто ничего нежного. Но зато у этого дерева особая поэтическая репутация: в Древней Греции оно было посвящено Афродите, богине любви и красоты, и употреблялось на свадебные венки. «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах засвидетельствовал «поэтическую репутацию» мирта, здесь сказано: «Устарелое, поэтическое. Венок из листьев этого дерева или ветвь его как символ тишины, мира, а также любви, наслаждений».

Вот почему мирт у Пушкина *нежный*. Этот эпитет уже содержит в себе мотив любви, восхищения женской прелестью, предвещает появление в воспоминаниях «девы юной», о которой скупое сказано лишь в последних двух стихах. Но воспоминанием о ней пронизан и согрет весь южный пейзаж стихотворения. Так неточный в бытовом смысле эпитет оказался как раз тем поэтически точным словом, которое повлекло за собой цепь нужных ассоциаций и осветило все стихотворение дополнительным и очень важным смыслом.

А. И. Журавлева

ЗАМЕТКИ О ПРОЗЕ ПУШКИНА



Грамматические формы в художественном произведении приобретают, помимо языкового, еще и специальное значение. Они становятся одним из средств поэтического выражения, воссоздания действительности во всем ее многообразии: грамматика смыкается с поэтикой. У грамматической формы настоящего времени широкий спектр художественного применения. Настоящее время там, где описывается обычное, повседневное или вневременное, вечное. Включенное в повествование о прошлом, ведущееся в системе форм прошедшего времени, настоящее время используется для передачи временной позиции повествователя, совпадающей с точкой зрения персонажа. Настоящее время служит для изображения событий и передачи самого их течения.

Художественные возможности настоящего времени были достаточно полно реализованы Пушкиным-поэтом. Его лирика, поэмы, роман в стихах дают множество тому примеров. Пушкин-прозаик, зрелое творчество которого приходится на 30-е годы XIX века, учитывает в своих произведениях предшествующий поэтический опыт, отдельные находки ранних прозаических отрывков и набросков. Одной из красок его богатой реалистической палитры является грамматическая форма настоящего времени. Рассмотрим некоторые ее особенности.

«Станционный смотритель» — повесть о Самсоне Вырине. Это повесть о случившемся, и рассказывает ее титулярный советник в форме прошедшего времени. Однако история Самсона Вырина предваряется обращением к читателю, рассуждением о бедственном положении смотрителей вообще, полемикой с аристократически пренебрежительным отношением к ним князя Вяземского. И здесь — форма настоящего времени: «...В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца. Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут — колокольчик!.. и фельдъегерь бросает ему на стол свою дорожную!» [цитируется по



*«Капитанская дочка».
Рисунок С. Герасимова.
1951*

*«Дубровский». Рисунок
Б. Кустодиева. 1923*

изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1937—1949].

Так происходит всегда, жизнь зрителя неизменна: вчера, сегодня, завтра — одно и то же, «крик и толчки». Настоящее время служит Пушкину для обобщения, которое является ключом к пониманию трагедии Вырина. В условиях социального неравенства и несправедливости маленький человек обречен на гибель. Этой общей причиной объясняет Пушкин смерть Вырина, отказываясь в своей повести от частной случайной причины — несчастья его дочери. В динамическом, сжатом повествовании Пушкин намеренно отводит большое место подробному описанию немецких лубочных картинок, изображающих библейскую легенду о блудном сыне. И здесь снова — настоящее время. Перед глазами читателя последовательно сменяются картинки: «почтенный старик в колпаке и шляфроке отпускает беспокойного юношу, который поспешно принимает его благословение и мешок с деньгами», затем «развратное поведение молодого человека», далее он «в рубище и в треугольной шляпе, пасет свиней и разделяет с ними трапезу, в его лице изображены глубокая печаль и раскаяние», и, наконец, он возвращается к отцу, «стоит на коленях, в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает о причине таковой радости». Пушкин иронизирует над прописной моралью лубочных картинок. Их настоящее время — неподвижное время



закоснелой традиции. Эта традиция ломается самой жизнью, отвергается развитием сюжета повести: Дуня уходит не от богатства, а от бедности, гибнет не она, а ее отец. Дуня счастлива, но Вырин не может поверить в ее счастье в силу предыдущего опыта вечно угнетенного человека, в силу существующего «настоящего» тогдашней России.

Настоящее время выступает как действенное средство реалистической типизации и в незавершенном прозаическом произведении «Участь моя решена. Я женюсь». Повествование ведется от лица главного героя, светского денди. Там, где он описывает свою холостую жизнь, каждодневные занятия, изысканную лень, возведенную в жизненный принцип, появляется настоящее время. Оно замедленно: «...Утром встаю, когда хочу, принимаю, кого хочу, вздумая гулять — мне седлают мою умную, смирную Женни, еду переулками, смотрю в окна низеньких домиков: здесь сидит семейство за самоваром, там слуга метет комнаты, далее девочка учится за фортепьяно, подле нее ремесленник — музыкант. Она поворачивает ко мне рассеянное лицо — учитель ее бранит — я шагом еду мимо».

Настоящее время изменяет обычный ритм пушкинской прозы. Повествование меняет стремительный темп на плавный, медленный. Меняется и смысловая нагрузка художественной детали. Деталь приобретает не сюжетное, а характеристическое значение.

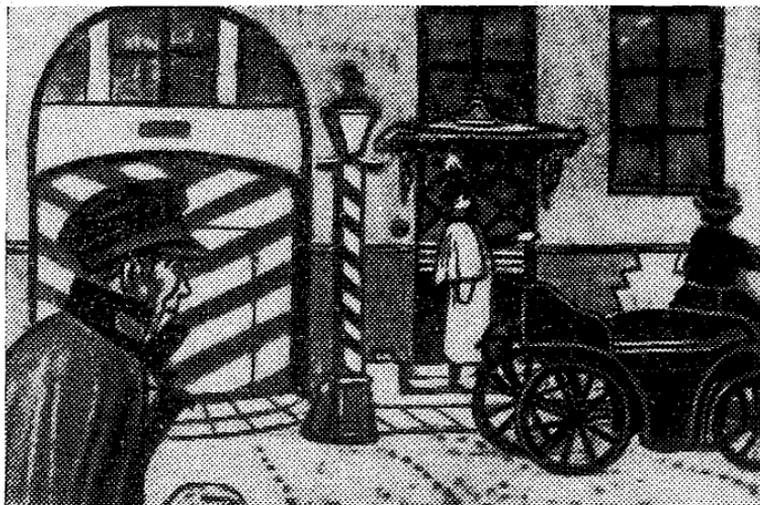
Она становится случайной, дробится на мелочи: появляется «бутылка шампанского», «рюмка, стынувшая от холода», «замечательный убор» в театральной ложе. Однако эти мелочи важны, из них состоит жизнь героя, сам герой. Настоящее время, обрастая случайными деталями, мелкими подробностями, становится более изобразительным. Это не только всегда, каждый день, но и сейчас, сегодня.

В отличие от отрывка «Участь моя решена. Я женюсь» в первой главе незавершенного романа «Русский Пелам» настоящее время изображает не общее, повторяющееся, а единичное, неповторимое. Форма романа — воспоминания главного героя. Рассказывая о ранних впечатлениях своего детства, он заново переживает их, воспринимает как настоящее: «На старости я сызнова живу. Минувшее проходит предо мною». Читатель вместе с героем видит события как непосредственно совершающиеся перед глазами: «Нянька приносит меня в большую комнату, слабо освещенную. На постели, под зелеными занавесками, лежит женщина вся в белом. Отец мой берет меня на руки. Она целует меня и плачет. Отец мой рыдает громко. Я пугаюсь — и кричу. — Няня меня выносит, говоря: „Миша хочет бай, бай“».

«Русский Пелам» Пушкина предвосхищает психологическую прозу Л. Толстого, его «Детство. Отрочество. Юность». При этом характерно, что Толстой также активно использует настоящее время, отдельные главы целиком построены в его системе (Детство; Поездка на долгих и др.).

С помощью настоящего времени Пушкин в некоторых произведениях вычерчивает сложную временную перспективу. Так, в «Пиковой даме» повествование ведется в прошедшем времени, в заключении же — время настоящее. Читатель узнает о сумасшествии Германа, замужестве Лизаветы Ивановны, производстве в чин и женитьбе Томского. Настоящим временем в заключении подтверждается реальность происшедшего. Следствие прошлого — в настоящем, настоящее продолжается.

Строение художественного времени в повествовании «Капитанской дочки» сравнительно с «Пиковой дамой» сложнее. Отчасти это связано со спецификой жанра исторических записок. Гринев-мемуарист из своего настоящего описывает прошлое Гринева — участника бурных событий пугачевского восстания. Естественно, что замечания и рассуждения свои он дает в настоящем времени, об исторических же событиях, очевидцем которых ему довелось быть, пишет в прошедшем времени. Но «настоящее» Гринева-мемуариста — тоже в прошлом. И не случайно Пушкин вводит в произведение новый персонаж — издателя записок, который проводит связующие нити века минувшего с веком нынешним, расска-



«Станционный смотритель». Рисунок М. Добужинского. 1923

зывает о судьбе потомков Гринева, подтверждая тем самым достоверность изображенного в повести.

Временная организация повествования в эпистолярных произведениях Пушкина «Романе в письмах», «Марии Шонинг» связана с особенностями этого жанра, который вообще располагает к преимущественному использованию настоящего времени. Переписка — та же беседа. Настоящее время создает ощущение ее сиюминутности. В некоторых неэпистолярных произведениях собеседниками становятся автор и читатель. Автор обращается к читателю с восклицаниями и вопросами, комментирует и порой предваряет изображаемые события, разъясняет свои художественные приемы.

Интересно отметить, что настоящее время в его художественной функции выступает главным образом в тех произведениях Пушкина, где повествование ведется от лица рассказчика. Пушкин, по-видимому, сознавал некоторую ограниченность такой повествовательной формы. Поэтому именно здесь он прежде всего искал путей к расширению изобразительных возможностей прозы, новых художественных средств для реалистического воспроизведения действительности. Одним из них и явилась грамматическая форма настоящего времени.

Н. И. МИХАЙЛОВА



Метафора

Писатели и поэты часто пользуются метафорой, одним из выразительных средств литературного языка. Метафора дает возможность создать образ наиболее красочный и индивидуализированный. В тексте художественного произведения сближаются разные по смыслу слова. На основное значение слова наслаивается добавочное, которое служит основой для синтаксической и семантической сочетаемости слов в предложении и становится преобладающим.

Метафора раздвигает границы сочетаемости слова, так как предметам и явлениям действительности приписываются признаки, не свойственные им. Так как переносное значение слова выявляется только в контексте, метафорически переосмысливается все словосочетание целиком.

Можно привести большие отрывки из любого произведения К. Г. Паустовского, уже зрелого мастера, где мы найдем всего одну-две метафоры, несколько сравнений, но несмотря на это, прелесть его прозы не исчезает, стиль строг, прозрачен. Тем интереснее проследить, каким образом писатель использует необычные связи слов, как метафора вплетается в художественный текст. Мы покажем это на примере субстантивных словосочетаний с именами существительными.

Сочетание существительных дает возможность Паустовскому с помощью предметных характеристик показать многообразие мира. Среди имен существительных чаще всего метафорическому осмыс-

ХУДОЖЕСТВЕННО- ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА К. Г. ПАУСТОВСКОГО

лению подвергается конструкция с именами существительными в родительном падеже.

Семантические категории существительного (конкретность — абстрактность, одушевленность — неодушевленность, вещественность), а также словообразовательные связи с другими частями речи играют главную роль в процессе метафоризации. Обычным для Паустовского является прием метафорической характеристики вещественных существительных. Метафора может быть как конкретным (даже предметным), так и абстрактным именем существительным. Тем самым растениям и веществам дается лаконичная, образная характеристика: «Там под самые крыши низких изб подходили *волны спелого овса*» (Михайловские рощи); «Тихие *дожди листвы* шуршат под холодным солнцем, и Москва-река несет ворохи листвы» (Погоня за растениями); «*Шатры* черных *ив* нависают над головой» (Мещорская сторона); «Северная зима, *ковры снега*, треск огня в печах и свет зимней ночи — все это располагает к сказке» (Сказочник). [Цитируется по изданию: К. Паустовский. Собрание сочинений. М., 1967—1970].

В творчестве Паустовского важное место занимает пейзажная проза. Чтобы читатель мог зрительно воспринять созданный образ, писатель стремится не просто сравнить, а уподобить, приравнять к чему-либо природное явление. Вещественное имя существительное может метафорически характеризовать зависимое слово (обычно называющее явление природы): «Когда у нас в средней России начинают лить осенние обложные дожди и в *дыму* этих *дождей* тонут леса и свинцовые речные просторы, тогда приходит

к человеку тоска по далекому черноморскому солнцу» (Черноморское солнце); «Маяк закрыло холстом дождя» (Романтики).

Часто писатель создает метафоры и с помощью субстантивных словосочетаний с предлогом *из* и родительным падежом существительных: «Падал медленный дождь из золы» (Желтый свет); «На горах весь день лежали, зацепившись за вершины, одни и те же облака из серой сухой ваты» (Далекие годы).

Использует Паустовский в процессе метафоризации и прием олицетворения, который дает возможность показать единение человека с природой, так как пейзаж для писателя органически слит с жизнью героев: «Только иногда, в бесконечные осенние ночи, когда море гнало к берегам стада разъяренных и неутомимых в своей ярости волн, мрак вокруг маяка казался гораздо гуще, чем всюду» (Бросок на юг); «Всем телом я чувствовал осторожное, но мощное дыхание моря»; «Проснулся я ночью от ржавканья пушек» (Беспокойная юность).

При характеристике своих героев, их мыслей и чувств Паустовский прибегает к метафоричным словосочетаниям с отвлеченной лексикой: «К осени созревает урожай человеческих дум» (Золотая роза); «В жизни каждого писателя бывают годы спокойной работы, но бывают иногда годы, похожие на ослепительный взрыв творчества» (Рувим Фраерман).

Гораздо реже писатель создает метафоричные словосочетания с помощью слов конкретной лексики: «Откроются ветряки, что мапуг крыльями на курганах, коршуны и острова старых усадебных садов, раскинутые в отдалении друг от друга» (Воронежское лето); «Пестрая шаль города выцветала, загоралась и играла солнцем»; «Изредка ветер трепал гроздь звезд» (Романтики).

Рассмотрим некоторые приемы употребления Паустовским метафорических словосочетаний.

Прежде всего, метафорическое словосочетание вводится писателем с целью подчеркнуть, что это его, писательское, видение мира. «Тот не писатель, кто не прибавил к зрению человека хотя бы немного зоркости», — пишет в «Золотой розе» Паустовский. Метафора помогает ему образнее выразить свое отношение к описываемому.

Употребление метафорического словосочетания вызвано задачами контекста. Например, в предложении «Плескала вода за стеклами, тянулась пустыня моря» (Романтики) метафорическое словосочетание *пустыня моря* подчеркивает душевное состояние героя романа, который именно так воспринимает море.

В предложении «Он [Блок] пришел к нам из очарованной дали и увел нас в нее — соловьиные сады своей гениальной и грустной

поэзии» (Несколько слов о Бабеле) метафора *соловьиные сады поэзии* подчеркивает особенности поэзии А. Блока.

Часто писатель вводит метафоры путем сравнения, раскрывая затем их значение: «Я вышел на палубу и невольно отступил: из крошечного мрака, со стороны Европы, плыли навстречу нашему пароходу ослепительные *горы сверкающего хрустала, тысячи бессонных пульсирующих огней*» (Огни Ла-Манша). Употребляется Паустовским и прием развертывания метафорического образа, при котором изменяется, определяемое слово в словосочетании: «Андерсен писал о своем друге поэте Ингемане, что тот разыскивал *семена поэзии* на крестьянской земле. С гораздо большим правом эти слова можно отнести к самому Андерсену. Он собирал *зерна поэзии* с крестьянских полей, согревал их у своего сердца, сеял в низких хижинах, и из этих семян вырастали и расцветали невиданные и великолепные *цветы поэзии, радовавшие сердца бедняков*» (Сказочник). Подобный прием способствует движению всего повествования и является характерной чертой романтико-лирического стиля повествования Паустовского.

Иногда автор использует и метафоричные словосочетания, ставшие уже традиционными для нашей литературы, но путем удачно найденного согласованного определения оживляет старое сравнение. Это определение в грамматическом отношении может зависеть и от стержневого, и от зависимого слова, но фактически оно определяет все словосочетание: «В этом цвете было уже предчувствие снега, зимних сумерек с их *почерневшим серебром старых берез* и стелющегося дыма» (Беглые встречи); «Но до Турина была еще Прага, был черепичный Цюрих среди плавных альпийских предгорий, были Альпы — *сплошное курчавое море облаков*, лишь в одном месте разорванное снеговой пирамидой Монблана» (Итальянские записи).

Конечно, не все названные выше приемы использования метафор являются специфической чертой художественной речи только Паустовского. Во многом он следует традициям русской и советской литературы. Нам важнее было показать, что даже писатель, постоянно стремящийся к простоте, ясности, четкости своей прозы, использует и специфические средства художественной речи — метафоричные словосочетания.

Ю. С. ДОЛГОВ

Мичуринск

Рисунок Ю. Космынина

Олицетворение

Олицетворение (перенесение свойств человека на неодушевленные предметы) — стилистический прием, распространенный в художественной литературе, но далеко не каждый писатель использует его так настойчиво и в то же время ненавязчиво, как К. Г. Паустовский. В его рассказах, повестях неодушевленные предметы нередко становятся почти полноправными персонажами произведения, — со своим характером и настроением. Писатель не умел смотреть на природу равнодушно, его наблюдательный глаз художника постоянно замечал в окружающих предметах признаки, напоминающие что-то из жизни человека. Отсюда особенно частое олицетворение явлений природы. По признанию писателя, природа нередко помогала ему работать: «Трудно сказать, почему, но очень помогало писать сознание, что за стеной всю ночь напролет облетает старый деревенский сад. Я думал о нем, как о живом существе. Он был молчалив и терпеливо ждал того времени, когда я пойду поздним вечером к колодезю за водой для чайника. Может быть, ему было легче переносить эту бесконечную ночь, когда он слышал бречанье ведра и шаги человека» (Золотая роза). [Цитируется по изданию: К. Паустовский. Собрание сочинений. М., 1956—1959].

Какими же способами выражается олицетворение в произведениях Паустовского? Прочитав первые книги автобиографической повести, можно убедиться в том, что они разнообразны: Нередко с целью выражения олицетворения используется сравнение. Олицетворяющие сравнения у Паустовского не одинаковы по структуре: выражаются и одним словом, и словосочетанием, и предложением, но у всех этих сравнений одна задача — сопоставить неодушевленный предмет, явление природы с человеком или с качеством, свойственным человеку, и тем самым показать этот предмет с новой стороны.

Обратимся к тексту автобиографической повести: «Это были не цветы, а веселые и лукавые цыганки в черных бархатных масках, пестрые танцовщицы — то синие, то лиловые, то желтые»; «Такие одинокие обветренные вязы среди лугов и полей всегда почему-то напоминают крепких стариков в сермягах со спутав-

ными ветром седыми бородами». Так видит это автор повести, и читатель вместе с ним «открывает» в цветах, деревьях неожиданное сходство с людьми.

Особенно часто олицетворение в «Повести о жизни» передается словами с переносным значением (метафорическим определением): луна в морозную ночь кажется писателю поседевшей; старый собор — насуспенным; пишущая машинка без буквы «р» называется картавой; электрическая лампочка — подслеповатой; облака представляются то ленивыми, то радостными, а цветы то приветливыми, то застенчивыми. Скрытое сравнение содержится в олицетворяющих определениях, выраженных именами существительными: старушка Москва, девочки-березы, цветы в лиловых и белых ситцевых платьях.

Нередко неодушевленный предмет «оживает» в повести потому, что писатель представляет действия этого предмета как поступки людей (с помощью метафорических глаголов): «Парк качался и стоял»; «Весна бродила вместе с легким сквозным ветром по коридорам, дышала в лицо девичьим своим дыханием». Когда такие глаголы поясняются метафорическими обстоятельствами, олицетворение становится особенно «зримым»: «Мохнатый цветок с любопытством смотрел на нашу линейку», «Забормотал спросонок гром».

Насколько сильным стилистическим средством является олицетворяющая глагольная метафора Паустовского, можно убедиться, прочитав в «Повести о жизни» описания поездов. В этой повести писатель признается, что с детства отличался пристрастием к железным дорогам: «Все, связанное с железной дорогой, до сих пор овеяно для меня поэзией путешествий... Я с восхищением смотрел на зеленый маслянистый паровоз... Я представлял себе, как этот паровоз прорывался железной грудью сквозь ветры, ночь и густые леса...». Рассказывая о своих путешествиях, писатель не забывает вести в повествование своеобразный персонаж — поезд, паровоз, который может радоваться и грустить, тревожиться и успокаиваться вместе с пассажирами. Иногда такой «персонаж» действует вполне самостоятельно, подчиняясь своему «характеру» и настроению. Вот один эпизод, в котором дается описание весьма своеобразного поезда. «Он шел не тороясь, подолгу стоял на станциях, отдувался около водокачек... Давно было пора ехать, на станции воцарялась сонная тишина, жгло солнце,плыли облака, волоча по земле синюю тень, пассажиры дремали, а поезд все стоял и стоял. Только паровоз громко вздыхал, и из него капала на песок горячая маслянистая вода.

Наконец из станции выходил толстый обер-кондуктор в парусиновом сюртуке, вытирал усы, прикладывал ко рту свисток и залиристо свистел. Паровоз не отвечал, все так же отдуваясь. Тогда

обер-кондуктор лениво шел к паровозу и снова свистел. Паровоз не откликнулся. Только на третий и четвертый свисток он, наконец, огрызнулся недовольным гудком и медленно трогался».

В «Повести о жизни» нередко используется сочетание тропов, создающих олицетворение: несколько метафор, сравнения и метафоры, эпитеты и метафоры и т. п. Вот как описывает Паустовский киевское лето: «Оно зашумело звонкоголосыми дождями. Они лились с высокого неба, хлопотали в зелени садов. Стеклянные капли, слетая с туч, будто били по клавишам,— частый звон наполнял мою комнату. Мне казалось подлинным чудом, что так может петь обыкновенная вода, льющаяся с крыши в зеленую кадку». В олицетворении летней природы здесь принимают участие и глагольные метафоры *хлопотали, петь*, и эпитет *звонкоголосыми*, и сравнение *будто били по клавишам*.

При сочетании тропов может обновиться стершееся значение слова. Так, рассказывая о поезде, который в тревожные дни гражданской войны направлялся из Киева в Одессу, Паустовский использует привычные глаголы *шел, стоял, отходил, останавливался*, но на фоне олицетворяющих метафор и сравнений эти глаголы воспринимаются как средство персонификации: «Поезд шел крадучись, без огней. Он часто останавливался и долго стоял, будто прислушивался к неясным звукам ночи, не решаясь двинуться дальше. Иногда он давал даже задний ход и отходил немного назад, как бы прячась в тень от света какого-нибудь слишком яркого зарева».

Иногда мы встречаемся в повести с приемом параллелизма: одно и то же слово употребляется в соседних конструкциях, но в первом случае с прямым, а во втором — с переносным (олицетворяющим) значением. Рассказывая о группе раненых, появившихся на улицах Киева, Паустовский пишет: «Пыльные и измученные, они тяжело *шли* по мостовой... Они *шли*, и сначала торговая и шумная Васильковская, а потом не менее нарядный и шумный Крещатик медленно замолкали... Тревога *шла* вслед за ранеными по Крещатику...». Или: «Старые женщины *кутались* в шали, а город *кутали* частые туманы». При таком сопоставлении олицетворение воспринимается особенно обостренно.

То, что в автобиографической повести используются в качестве средства персонификации различные тропы (метафоры, эпитеты, сравнения), а также их сочетание, подтверждает высказанную мысль о том, что олицетворение — один из типичных стилистических приемов в творчестве Паустовского.

И. И. ПОСТНИКОВА
Ворошиловград

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ПРОИЗНОШЕНИИ

Журнал «Русская речь» предлагает вниманию своих читателей цикл статей по вопросам орфоэпии. «Беседы о русском произношении» ведет член-корреспондент АН СССР, профессор Московского государственного университета, лауреат Государственной премии СССР Р. И. Аванесов, автор многочисленных работ по орфоэпии, широко известных в нашей стране и за рубежом.

1

Современный национальный язык как целое (а русский язык является одним из великих национальных языков, имеющих мировое значение) — явление сложное и многообразное. На русском языке говорят в Архангельске и Воронеже, в Орле и Новосибирске, в Хабаровске и Владивостоке. На русском языке говорят колхозники и инженеры, рабочие и академики. На русском языке говорят дома, в семье, на производстве, на разного рода собраниях, читают лекции и доклады, ставят в театрах спектакли. Во всех этих случаях перед нами один и тот же русский язык и в то же время всегда разный — блещущий разными красками, поворачивающийся к нам разными своими сторонами. Мы ежедневно сталкиваемся и с отрицательными явлениями (засорением, неправильностями в произношении), и с хорошо оформленным, безукоризненным русским языком.

Каждый из нас может иметь особенности произношения, объясняющиеся тем, откуда он родом, каково его образование, социальное положение, специальность, возраст, каков характер речи (товарищеская беседа, выступление на собрании, лекция и т. д.).

Для литературного языка принято различать три стиля:

высокий
↑
нейтральный
↓
разговорный

Это касается всех сторон языка: произношения, словоупотребления, грамматики, словаря. Но мы в наших беседах будем касаться только одной стороны — произношения.

Несколько примеров. Произношение [сон'эт], [но]кть'орн, [но]э'т, [но]э'ма, [Шоп'эн], [Ром'эн Рол'эн] характерно для высокого стиля. Нейтральному стилю свойственно произносить: [сан'эт], [на]кть'орн, [на]э'т, [на]э'ма, в последнее время даже [Шап'эн], [Рам'эн Рал'эн]. Другой пример: для нейтрального стиля характерно произношение *вид'иш, хб'диш, д'ад'ин'кэ, н'ид'ис'ат, шыз'д'ис'ат, у-тиб'а, скбл'ко, тбл'ко, н'ил'з'а*. В противоположность этому в разговорной речи, особенно в быстрой, часто можно услышать *ви'иш, хбиш, д'а'ин'кэ, пиис'ат, тис'ат, у-тиа, ск'око, т'око, н'из'а*. Нужно стремиться к тому, чтобы наша обычная обиходно-бытовая речь оформлялась по нормам нейтрального стиля.

К высокому стилю, как и к разговорной небрежной речи, целесообразно обращаться при соответствующей стилистической мотивировке, например актерам в театре, в зависимости от того, какую роль он исполняет. Речь вообще, произношение в частности, является важным стилистическим средством, важной краской в создании сценического образа. Актер в своей работе может обращаться к любым разновидностям русского языка: территориальным, социальным, профессиональным, возрастным и др. Мы же все должны стремиться овладеть едиными нормами русского литературного произношения в его нейтральном стиле. Впрочем и в составе нейтрального стиля, говоря о «высоких» предметах или о зарубежных деятелях, можно произнести какое-нибудь одно слово или имя деятеля высоким стилем: [но]э'ма, [но]э'т, [Шоп'эн], [Зо]ля, [Мо]р'ис [То]р'ез, [Ром'эн Рол'эн].

Произношение является одним из основных разделов орфоэпии. Термин орфоэпия восходит к греческому языку: первая его часть *orthos* обозначает 'прямой, истинный, правильный', вторая часть *epos* — 'слово, речь'. Таким образом, термин *орфоэпия* дословно обозначает 'правильная речь'. Но понятие орфоэпии охватывает по преимуществу нормы устной речи — произношение и ударение, связанные не только с отдельными словами (*атлас* и *атл'ас, хаос* и *ха'ос*), но и с образованием грамматических форм (*вод'а, вод'ы, но вод'у; бок, бо'ка, но на бо'ку, бо'ка; при'нял, при'няли, но приня'ла; согн'ул, согн'ула, но согн'утый*).

Орфоэпией называется не только правильная образцовая устная речь (произношение и ударение слова и грамматических форм), но также наука, устанавливающая орфоэпические нормы.

В далеком прошлом орфоэпия не имела большого практического значения: господствовал обиходно-бытовой и «производственный» диалог. В этих узких по своему характеру типах языкового общения единство произносительного оформления не было важным, помехи на путях общения в связи с различиями произношений говорящих не имели большого значения.

Однако с развитием общества развивается устная публичная речь; на собраниях, в парламентах, судах, университетах единообразное и притом образцовое оформление устной речи становится важной проблемой. Роль орфоэпии аналогична роли орфографии. Точно так же, как малограмотное письмо трудно прочитать (ошибки — это помехи при чтении), неправильно оформленная, нестандартная устная речь также является помехой в понимании и взаимном общении. И вот почему: каждая неправильность произношения отвлекает слушателя от смысла, заставляет обратить внимание на внешнюю сторону речи и тем мешает языковому общению.

Роль орфоэпии, основной стороны культуры речи, особенно возросла в наше время. Ведь сейчас устная речь стала средством самого широкого общения на собраниях и съездах советских и общественных организаций, в научных обществах, на разного рода конференциях, совещаниях, слетах, в школе, театре, кино, наконец, что особенно важно — на радио и телевидении, где слушателями и зрителями становятся десятки миллионов людей.

Благодаря радио и телевидению в наше время устная речь стала в известном смысле средством даже более широкого общения, чем письмо.

Надо остерегаться скороговорки, пропуска звуков (согласных и гласных), надо четко артикулировать, выработать хорошую дикцию. Но всего этого недостаточно: надо все это делать, употребляя орфоэпические, то есть признанные правильными нормы русского языка.

2

Ударение в русском письме не обозначается. Одно и то же написание можно произнести по-разному: атлас и атлác, зáмок и замóк, дорогóй и дорóгой, пы́ли и пылѝ. Предполагается, что читатель — русский, он сам догадается, какое ударение в каждом случае будет уместно: как правило, мы пишем для читателя — русского. Но надо сказать, что и для русского человека постановка правильного ударения не всегда легкое дело. Ведь никто из нас не знает всех слов русского языка. А русское ударение разноместно: б́лово, бо́лто, хоро́шо, веретенó. Кроме того, русское ударение подвижно; оно меняет свое место в разных формах одного слова: спал, спáли, но спалá; взял, взѝли, но взя́л; пѐредал (разговорное — передал), передалá, передаю́, пѐреданы, письмо пѐредано, но депеша переданá; дом, дóма, дóму, дóмом, но домá, домóв, домáм. Поэтому и русский читатель, встречая в письменном тексте незнакомое неодносложное слово, нередко затрудняется в постановке ударения.

Что же касается детей, изучающих письменный язык впервые, и иностранцев, то для них трудности в месте ударения особенно велики.

Особенности ударения составят предмет другого цикла бесед. Здесь мы только скажем о роли ударения для произношения. Место ударения определяет характер гласных как перед ударным слогом, так и после него. Так, например, рядом со случаем *стол* (с гласным [o]) произносится *ст[а]лá*, рядом с [*э'ал*] — *вз[и]лá*, рядом с [*с'ет*] произносится [*с'идбѣ*] и [*прѣс'ит'*] (просесть). Рядом с *дом* произносится [*нá-дѣм*] (на дом). Обо всем этом подробнее поговорим в следующих беседах. Теперь же я остановлю ваше внимание на часто встречающейся неправильности в произношении ударных гласных отдельных слов.

Мы часто слышим *плбтишь*, *заплбтишь*, *плбтит*, *заплбтит*. Это неправильно. Надо произносить *плáтишь*, *заплáтишь*, *плáтит*, *заплáтит*. Эта неправильность появилась, как говорят, по аналогии, по примеру одинаковых по своему грамматическому типу слов с корневым ударным [o], на месте которого в предударном слоге произносится [a]: *важѹ* — *вбзишь*, *нашѹ* — *нбсишь*, *кашѹ* — *кбсишь*. Здесь предударное [a] чередуется с ударным [o]. По образцу таких глаголов (а их очень много) рядом с *плачѹ* в акающих говорах появилось произношение *плбтишь*. Кроме *плбтит* встречаются получившиеся таким же образом неправильные формы *дбрит*, *кбтит*, в диалектах есть и еще много других, например *тачѹ* — *тбцит*. Это совершенно недопустимые формы. Надо произносить: *дáришь*, *кáтишь*. Формы *дарѣт*, *катѣт* существовали в литературном языке XIX века. Они встречаются в отдельных оборотах у Пушкина:

Любовь одна — мучение сердец,
Она дарѣт один лишь миг отрадный,
А горестям не виден и конец.

Любовь одна — веселье жизни хладной...

У Крылова в басне «Стрекоза и Муравей»: «Оглянуться не успела, как зима катѣт в глаза». В современном русском языке — *дáришь*, *кáтишь*.

● О глаголе *запрѣчь* (*лошадь*). Обратите внимание, что пишется *запрячь* (на месте *я* под ударением произносится [e]). С лошадьми мы теперь мало имеем дела, но хочется сказать, что надо произносить *запр'ог* *лошадь*, хотя пишется *запряг* (с буквой *я* на месте ударной гласной). Приведем иллюстрацию из самого Пушкина: «Но знаешь: не велеть ли в санки Кобылку бурую запречь» (Зимнее утро). Пушкин пишет через *e*, потому что слово *запречь* он риф-

мует с *печь*. Но вот в другом случае, в прозе Пушкин пишет *запрячь*: «Наконец, он велел запрячь себе беговые дрожки» (Дубровский). Можно не сомневаться, что Пушкин произносил *запречь*, когда не был связан рифмой. В последнем же случае он употребил утверждённое орфографией написание *запрячь*.

Эта особенность произношения образовалась также по аналогии: *нису́* — *нёс*, *визу́* — *вёз* (с [и] в предударном слоге). По этому же образцу образовано и *запригу* (с [и] в предударном слоге) — *запрёг*. Сказанное относится только к этому слову и родственным: *припрягу*, *отпрягу*. Другие слова с тем же корнем сохраняют корневой гласный ([а] — *я*) под ударением: *напрягу* — *напрячь*, *напряг*, например *напрячь все силы*, где гласный [а], обозначаемый буквой *я*, сохраняется.

● О произношении ударного гласного на месте буквы *е*. Как известно, на месте *е* произносится [е] и [о]. Во втором случае можно ставить две точки над буквой *е*. Написание из букв *небо* можно читать как *н'ебо* и как *н'обо*. Две точки над *е* обычно не ставятся. Значит и здесь наше письмо обращено прежде всего к русскому читателю. Отмечу, что в изданиях, предназначенных для младших школьников и для иностранцев, ударение проставляется, ставятся и две точки в тех случаях, когда надо прочесть [о].

Приведу ряд слов, в которых часто делается ошибка — читается [о] вместо правильного [е]: *совре́менный*, *однове́ренный* (есть вариант и с другим ударением: *однове́ренный*), *пореде́рка*, *афе́ра*, *атлёт*, *призе́мный*, *акуше́рка*, *акуше́рский*. Произношения типа *совреме́нный*, *пореде́рка* следует считать неправильными. Еще примеры: окончание в книжном слове *бытиё*, *бытиём* (*бытиё*, *бытиём* — неправильно). Но — *остриё*, *остриём*.

Слово *исте́кший* знает два произношения в зависимости от значения: *исте́кшее* (время) и *исте́кший* (кровью).

Причастия *уше́дший*, *приве́дший*, *забрéдший* произносятся с [е], а другие причастия *прине́сший*, *привёзший*, *заплéтший* с [о].

Есть ряд слов, в которых вместо правильного произношения с [о] нередко произносится [е], что надо считать неправильным. Таковы, например, слова: *манёвры*, *манёврeнный*, *блeклый*, *блeкнуть*, *поблeкший*, *белёсый*, *твёрже*. Произношения *маневрeнность*, *белeсый* неправильны.

Правильное произношение *акуше́р* при *акуше́рка* вызывает по аналогии неправильное — *акуше́рка*.

Надо четко различать слоги *ри* и *ры*: *принц*, *принцeсса*, *капризный*, *гриб*, *кричать*, *скрип*, *скрипеть*, *риск*, *рисковать*. Внелитературному просторечию свойственно *прынц*, *скрыпеть*, что не соответствует современным нормам. Однако отметим, что писатели

XIX века в некоторых из этих слов употребляли слог *ры*. У Лермонтова:

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрыпит...
Парус

Слоги *ри* и *ры* нередко плохо различают лица украинского и белорусского происхождения, в котором этим двум сочетаниям соответствует [ры] в белорусском и близкое к этому сочетанию в украинском. Следует остерегаться произношения *риба*, *ринок*, *корито*, *зарить*. Надо говорить *рыба*, *рынок*, *корыто*, *зарыть*. То же в окончаниях: надо произносить *во-вторых*, *котрых*, *добрим*, *ста-рым*.

Продолжение в следующем номере

СУБПРОДУКТЫ

В русском префиксальном словообразовании удельный вес приставок иноязычного происхождения невелик, тем не менее их активное участие в создании новых слов несомненно. Многие из этих морфем, «представленные ранее только в заимствованных словах, приобрели продуктивность и стали широко сочетаться с русскими основами (и давно усвоенными заимствованными)» («Русский язык и советское общество». Проспект, Алма-Ата, 1962). Нередко иноязычные приставки предпочитают синонимическим исконно русским.

Специальными исследованиями «охвачены» далеко не все иноязычные приставки, участвующие в русском словопроизводстве. В описательных грамматиках современного русского языка этот вопрос также освещен далеко не исчерпывающе. В практике словарной работы до сих пор не до конца выяснена смысловая природа некоторых иноязычных приставок (*суб-*, *транс-* и др.), неединообразно толкуются эти значимые части слов, в основном происходящие от латинских и греческих предлогов. Так, в большинстве современных словарей морфемы *анти-*, *де-*, *дис-*, *про-*, *ре-* определяются как приставки, а *контр-*, *прото-*, *суб-*, *супер-*, *транс-*, *ультра-*, *экзо-* характеризуются как первые части сложных слов; *архи-* и *экс-* квалифицируются как приставки и как первые части сложных слов.

Вопрос об иноязычных приставках, следовательно, нуждается в дополнительных описаниях. В данной статье ограничимся рассмотрением заимствованной латинской приставки *суб-* (*sub-*). Образование с этой приставкой в основном являются принадлежностью книжной речи и особенно продуктивны в области специальной терминологии.

Появление в русском языке слов с *суб-* можно предположительно отнести к началу XIX века. «Новый словотолкователь» Н. Яновского фиксирует уже три таких слова.

В современном русском языке приставка *суб-* входит в состав без малого 70 слов, среди которых многие имеют русские основы: субъединица, субподряд, субпоставщик, субсчет, субклеточный, субсветовой, субтепловой, субъядерный и др. Слова с *суб-* засвидетельствованы в толковых и терминологических словарях, в энциклопедиях.

Наблюдения показывают, что с приставкой *суб-* образуются не только имена существительные, как отмечается в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970), но и прилагательные, к тому же преимущественно такие, у которых основы с приставкой *суб-* в самостоятельном употреблении не встречаются: субмикроскопический, но не субмикроскоп; субсветовой, но не субсвет; субполярный, субнормальный, субэкваториальный, субоптимальный, субаэральный, субальпийский, субтепловой, субатомный, субклеточный, субкортикальный; а также термин «субгармонические функции» при незасвидетельствованном «субгармония».

Приставка *суб-* совпадает со своим русским эквивалентом, именной приставкой *под-*, лишь в следующих своих значениях (они даются по современным толковым словарям):

1. Находящийся ниже чего-либо, под чем-либо, внизу: субтитр, субдоминанта (нижняя доминанта), субстратосфера, субальпийский, субаэральный (геологический термин: «субаэральные процессы» — процессы, происходящие под открытым небом на суше), субкортикальный (расположенный ниже коры головного мозга; *кортикальный* — корковый); однако не *сублунный*, а *подлунный* в отличие, например, от английского *sublunary*, немецкого *sublunaris*, французского *sublunaire*.

2. Находящийся в непосредственной близости от чего-либо, примыкающий к чему-либо: субтропики, Субарктика, субполярный, субэкваториальный; в этих наименованиях приставка *суб-*, как и *под-* (подмосковный), синонимична приставкам *при-*, *около-* и даже вытесняется ими в более поздних образованиях этого типа (приполярный, приантарктический, приамударьинский, при-

азовский, приморье, Прибалтика; окололунный, околуполусный, околосолнечный, околоекваторный, околосемный).

3. Представляющий собой часть какого-нибудь целого, часть более крупного единства (*под-* в словах *подгруппа, подвид*): субконтинент, субкатегория, субпериод, субсчет, субподряд, субъединица (часть более крупной структурной единицы), субмотив (часть музыкальной фразы, мелодии), субассоциация (в значениях 'подобьединение' и 'частичная связь между отдельными психическими представлениями'), субъядро (географический термин — внутренняя часть ядра земли), субъядерный (физический термин — входящий в структуру атомного ядра), субпродукты (определенные части организма заколотого на мясо животного).

4. Обозначающий подчинение, младшего по должности, помощника: субинспектор, субподрядчик, субпоставщик, субкомитент, субординатор, субпрефект, субрегент; немецкое *Subdirektor* 'заместитель, помощник директора'.

Этим, однако, ограничивается смысловое сходство приставок *суб-* и *под-*, ибо следующие значения *суб-*, согласно словарным данным, не свойственны *под-*:

5. Меньший по величине: субмикроскопический, субмиллиметровый, субмикронный, субсветовой («субсветовая скорость» — скорость, близкая к световой, но меньше ее).

6. Слабая степень признака: субфебрильный (*фебрильный* — лихорадочный; «субфебрильная температура» — незначительное повышение температуры), сублейкемия (медицинский термин — незначительные симптомы лейкемии, *лейкемия* — лейкоз).

7. Передача чего-либо другому лицу: субаренда (передача в аренду арендуемого кем-либо имущества), английское *subcontract* — передоверенный контракт, французское *subdéléguer*, немецкое *subdelegieren* — передавать, передоверять полученные полномочия.

Все перечисленные значения приставки *суб-* можно условно свести к двум более общим и, разумеется, менее конкретным значениям:

I. Близость: а) пространственная (1-, 2-е значения), б) количественная приближенность (5-, 6-е значения).

II. Неосновной, неглавный (3-, 4-, 7-е значения).

В единичные образования приставка *суб-* особого лексического значения не вносит, а лишь указывает на их отношение к другим производным с этой же приставкой: субстратостат — аэростат для полетов в субстратосфере, те же отношения между словами *стратостат* и *стратосфера*.

Многие из русских заимствований, начинающихся с *суб-*, претерпели в своем смысловом содержании и даже в своей орфогра-

фии такие изменения, что *суб-* здесь можно восстановить лишь исторически. Так, в связи с уподоблением конечного согласного приставки начальному согласному корня, многие слова пишутся с удвоенным согласным: *суффикс* — от лат. *suffixus* (*sub* + *fixus*) 'подставленный, прикрепленный'; *суррогат* — от лат. *surrogatus* (*sub* + *rogatus*) 'поставленный вместо другого'; *супплетивный* — из франц. *suppletif*, от позднелат. *suppletivus* (*sub* + *pletus*) 'дополнительный, добавочный'.

Термин *субпродукты*, образованный от приставки *суб-* и слова *продукты* возник сравнительно недавно. Официально он был зарегистрирован в ГОСТе 1942 года, введенном взамен ОСТа 1932 года, где попросту фигурировал еще перечень самих продуктов, а не их видовое название. Однако до утверждения ГОСТом это наименование встречалось уже в специальной литературе. В энциклопедиях слово *субпродукты* появляется в середине 50-х годов: в Сельскохозяйственной энциклопедии (1955), в БСЭ (2-е изд.). В толковых академических словарях русского языка это слово фиксируется лишь в начале 60-х годов.

Рассматриваемый термин возник на русской почве: в других языках он, по крайней мере, отсутствует. Так, в технических англо-русских словарях слово *субпродукты* встречается только по-русски, а по-английски ему соответствует везде *by-product* — *побочный продукт*. В общих двуязычных словарях того времени (англо-русском, немецко-русском, французско-русском, испанско-русском, датско-русском, португальско-русском) вообще нет слова *субпродукты*, встречается лишь термин *побочный продукт*. Начиная со II половины 60-х годов некоторые иноязычно-русские и русско-иноязычные словари (Испанско-русский словарь. М., 1967; Португальско-русский словарь М., 1972) помещают это слово уже на обоих языках безотносительно к термину *побочный продукт*.

Термин *субпродукты* фиксируется только теми параллельными словарями, которые составлены и изданы за последние семь лет в Советском Союзе, а это заставляет думать, что данный термин, созданный из интернациональных морфем как видовое название, заимствован составителями указанных словарей из русского языка и включен в интернациональную терминологию.

В быту вместо термина *субпродукты* употребляют иногда слова *ливер* (внутренности убойных животных: печень, легкие, сердце, селезенка), *требуха* (внутренности убойных животных: желудок, кишки). Несмотря на известную близость, эти три понятия не синонимичны: термин *субпродукты* гораздо шире. Поэтому нельзя согласиться с Б. Н. Тимофеевым, когда он, выступая против «ненужного иностранного слова» *субпродукты*, предлагает заменить его двумя русскими *сбой* и *требуха*. «Неужели свиную и говяжью

требуху, — недоумевают писатель, — надо обязательно называть полатыни?» (Правильно ли мы говорим? Л., 1963).

Слово *сбой*, по Б. Н. Тимофееву, — «голова и ноги убитой скотины». Однако Даль, на которого при этом ссылается писатель, включает сюда еще «все черева» — «все внутренние органы». И в современных словарях *сбой* толкуется как «голова, ноги и внутренности заколотого на мясо животного». Следовательно, именно этому слову равнозначен термин *субпродукты*, определяемый академическим 17-томным словарем как «побочные продукты, получаемые при разделке туши животного (внутренние органы, голова, конечности)». Чем же объясняется возникновение этого нерусского наименования при наличии исконно русского слова *сбой*? Причин для этого, видимо, было несколько.

Обычно такие групповые наименования тяготеют к терминологическим. Слово *сбой*, однако, не может выполнять такую функцию: 1) оно неоднозначно, 2) в силу своего глагольного происхождения оно не обладает грамматическим значением предметности, 3) до недавнего времени оно имело ограничительные пометы («спец. и разг.» — в Словаре Д. Н. Ушакова и академическом 4-томном Словаре). Слово же *субпродукты* однозначно, связано с представлением о предметности и даже иллюстрирует тот случай, «когда употребление множественного числа... формирует обобщенное наименование группы однородных по какому-то признаку веществ, предметов, каждый из которых имеет специальное наименование» (В. П. Даниленко. — «Русская речь», 1970, № 6).

Нам представляется лишь, что *субпродукты* не совсем точно соответствует понятию «побочные продукты». Устойчивое сочетание *побочный продукт* в 17-томном Словаре толкуется как «продукт, образующийся в процессе выработки основного продукта», статья иллюстрируется примером из рассказа А. П. Чехова «Хорошие люди»: «Когда добывают стеарин, то, как побочный продукт, получается глицерин». Но ведь голова, язык, печень и другие органы убойного животного не «образуются», а изначально существуют в животном организме. Было бы точнее определить *субпродукты* как «групповое наименование некоторых частей организма заколотого на мясо животного (внутренние органы, голова и ее составные части, конечности)».

С. С. ПЛЯМОВАТАЯ

С ЧЕМ МЫ СРАВНИВАЕМ?..

Сочетание *лента реки* гораздо более компактно, чем описательное *река, похожая на ленту*. По своей краткости сочетания с родительным падежом близки сочетаниям с приименным творительным сравнения (*усы подковкой, кепка блином*). Сравнительные сочетания с зависимым родительным охватывают более широкий круг сравниваемых предметов, что находит свое выражение в разнообразии используемой лексики.

Можно вычленить ряд смысловых групп, связанных с психологическими закономерностями, проявляющимися в сфере сравнений, где ассоциации направлены главным образом по линии зрительного восприятия.

Так, узкие и длинные предметы, расположенные горизонтально (реки, дороги), наиболее часто уподобляются лентам: широкая белая лента Енисея, узкая лента шоссе, переплетающиеся ленточки тропинок. В ассоциативную связь могут включаться и отвлеченные существительные: *жизнь* в значении 'жизненный путь', а также отражение этого пути — *воспоминания*, последовательность которых также уподобляется ленте. Сравнение с лентой — излюбленный прием образной характеристики предметов большой длины.

В сочетании с названиями горизонтально расположенных узких предметов меньшего размера употребляются другие сравнения: щели улиц, шрамы оборонительных полос.

Сочетание признаков «тонкий» и «длинный» без указания на горизонтальное или иное расположение предмета нередко передается словами *нить, нитка*, а также другими существительными, обозначающими длинные и тонкие предметы: спицы пулеметных трасс, пояса трассирующих пуль, строчки пуль,

Расположение длинного и узкого предмета по вертикали передается такими сравнениями, часть которых устойчиво закрепилась в языке: столб пламени, снопы пламени, синеющий штык обелиска, черные копы колодезных журавлей.

Сочетание признаков «длинный», «высокий», «значительного размера», осложненных функциональным свойством «быть преградой», находим в сравнениях типа *стена леса*.

В противовес плотному, сплошному, иногда необходимо подчеркнуть в предмете тонкое, легкое, ажурное, в этом случае центром словосочетания становятся слова *сетка, кружево, паутина*: сетка дождя и снега, кружево пены, кружево прибора, тонкая паутина изморози на стеклах. В сочетании с абстрактными существительными *хитрость, коварство* и подобными на первый план может выдвигаться признак сложности строения, причем сложности преднамеренной и злонамеренной, предусматривающей для кого-то возможность запутаться, увязнуть, даже погибнуть; решающее значение здесь приобретает функциональный признак — «быть ловушкой»: кружево хитрости, паутина замыслов, сети-коварства.

Для предметов, имеющих форму, близкую к геометрическим фигурам, характерны сравнения двух видов: чисто геометрические, в которых реальный предмет непосредственно уподобляется идеальной геометрической форме, и вещественные, в которых уподобление дается опосредованно, через другой предмет, известный своей близостью к геометрической фигуре. Так, форма круга: круг солнца, огромный серый блин грязевого потока, прозрачные нимбы пропеллеров, оспицы воронок; форма прямоугольника: прямоугольники полей, оранжевый квадрат окна, квадратные дыры штолен; форма треугольника: треугольник палатки, парус акульего плавника; форма куба, параллелепипеда: стеклянный параллелепипед гуманитарного корпуса, громадные кубы зданий, коробочка вокзала; форма конуса, пирамиды: конус гигантского террикона, пирамиды терриконов; форма цилиндра и шара: колбаски аэростатов; форма точки: яркие точки звезд, черная точка бредущего человека; форма линии: золотая дуга пляжа, спираль винтовой лестницы, красные пунктиры зенитных снарядов; другие формы: серп месяца, серпик луны, поэтик луны, обренок луны.

Особый случай представляет уподобление составного предмета со сложной конфигурацией другому, подобному ему во всех частях предмету: разноцветные грибы тентов, ветвистые рога суков, зеленые перышки побегов.

Иногда встречается уподобление одной из частей предмета другому предмету в целом: верхушки елей — острые пики елей.

Часть неодушевленного предмета может ассоциативно уподобляться похожей по месту расположения и внешнему виду части тела живого существа: косматая грива прибою. В свою очередь, в наружности человека какие-то черты могут сравниваться, уподобляться неодушевленным предметам характерной формы, размера, цвета. Причем эти сравнения могут быть как общеязыковыми, так и индивидуальными: бусинки глаз, масляны глаз, щелки глаз; стрелы ресниц; дуги бровей, нитки бровей, гусеницы бровей; пики усов, подковка усов; веник бороды, клин бороды; сердечко губ; бархат щек, мешки щек; зерна веснушек; лопухи ушей; горбик кадыка; бугор мускулов.

В границах неодушевленных существительных могут взаимодействовать различные семантические группы. Явления из сферы социальной жизни человеческих взаимоотношений и состояний могут уподобляться явлениям природы. При этом можно проследить четкую взаимосвязь между положительно оцениваемыми и отрицательно оцениваемыми явлениями обеих сфер: лед недоверия, холодок отчуждения, тень неудовольствия, яд сомнения.

Явления же природы уподобляются изделиям рук человека: неба синий шелк, зеленый ковер тайги, серая вата облаков.

Совокупность однородных предметов в зависимости от их расположения зачастую приобретает форму, совершенно непохожую на форму отдельных составляющих: две-три строчки маргариток, зеленый туннель эвкалиптов.

Расположение по кругу наиболее часто уподобляется кольцу и другим предметам подобной конфигурации: кольцо немецких часовых, монисто вспышек, ожерелье огней.

Сложное переплетение длинных и тонких предметов характеризуется уже встречавшимся в иной функции словом *паутина* и другими: тонкая паутина линий на чертеже, лабиринт узких неасфальтированных улочек (сравните в переносном употреблении: кружево легенд).

Вообще уподобление совокупности единичному предмету характеризуется большим разнообразием существительных, употребляемых с этой целью: отроившийся клубок пчел, грозди пеленок, веер янтарных брызг, веер пуль, калейдоскоп лиц.

Для образного подчеркивания множественности предметов используется группа гиперболизирующих существительных, обозначающих явления природы, подавляющие человека своими внушительными размерами. Таковы слова *лес, море, гора, туча, дождь, ливень, град, лавина, каскад*: лес рук, море огней, горы мусора, туча мошкеры, дождь эпиграмм, град насмешек, лавина фактов.

Интересны случаи, когда множество одних предметов уподобляется совокупности других. Это находит свое выражение в сочетании названия предметов, о которых идет речь (в родительном падеже множественного числа) с нехарактерным для них названием совокупности: золотистые колонии лиственниц, мозаика дрейфующих льдов, перебирая четки замусоленных фраз.

Определение при господствующем слове делает сравнение еще более образным и наглядным, называя те общие признаки, по которым один предмет был уподоблен другому: слепо-безжизненные глазницы окон, холодные голубые лезвия прожекторов, длинные черные ленты кавалерийских эскадронов.

Выразительность определения усиливается, если оно также содержит в себе элемент сравнения; тогда все уподобление оказывается еще более емким, как бы сдвоенным. Такие определения обычно бывают выражены относительными прилагательными, уподобленными в значении качественно-оценочном: Под крылом проплывала рыжая тундра в стеклянных пятнах озер, внизу поблескивали серебряные ленты дорог, глаза его быстро заволочились слюдяной пленочкой влаги.

Среди огромного множества разнообразных сравнений можно выделить незначительную часть, которая приобрела лексически устойчивый характер и прочно вошла в речевой обиход.

От них необходимо отличать другую группу рассматриваемых словосочетаний, которые полностью утратили образность, сравнительное значение и связанную с этим эстетическую ценность и сохранились в чисто информативном плане, пополняя собой терминологические словосочетания: подошва горы, хребет горы, гребень горы.

Т. А. ТУЛИНА

В социалистических странах русский язык прочно вошел в систему школьного и высшего образования как один из общеобразовательных предметов обучения. В настоящее время русский язык ежегодно изучают: в Болгарии — свыше 1 млн. человек, что составляет 14,5% населения страны; в Венгрии — около 1 млн. человек, т. е. почти 10% населения страны; в ДРВ — 80 000 человек;

в ГДР — 3 млн. человек, т. е. каждый шестой гражданин этой страны; на Кубе — свыше 10 000 человек; в МНР — 200 000 человек; в Польше — свыше 5 млн. человек; в Румынии — свыше 500 000 человек; в Чехословакии — 2,5 млн.; в Югославии — свыше 600 000 человек.

«Вечерний Минск»,
20 ноября 1973

КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА КАК ВЫРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО

В области выразительного применения категории числа следует прежде всего отметить примеры форм множественного числа у слов, употребляемых в речи только в единственном числе. Так, М. М. Пришвин в новелле «О любви» пишет: «Ночью думал о двух любвах», — раскрывая ниже обычное для языка понимание любви как чувства самоотверженной сердечной привязанности и суженное, конкретное, чувственно-плотское ее восприятие. В романе О. Кожуховой «Ранний снег» обыгрываются различия в значении между формами единственного и множественного числа слов *мозг — мозги*: «Мы тогда учились на командирских армейских курсах и разделялись по родам войск, по специальностям. Говорилось: „Штаб — мозг части“. И когда строем шли штабники, мы кричали: „Мозги идут! Бараньи мозги с горошком!“».

С использованием необычных для языка форм множественного числа могут связываться более или менее тонкие мысли и чувства: «А я, брат, с той самой поры гуляю по белу свету. В каких местах бывал! Какими воздухами дышал...»; «Нужно родиться в культурном обществе для того, чтобы найти в себе терпение всю жизнь жить среди него и не пожелать уйти куда-нибудь из сферы всех этих тяжелых условностей, узаконенных обычаем маленьких лжей, из сферы болезненных самолюбий, идейного сектантства, всяческой неискренности» (Горький. Коновалов).

Нередко эти необычные формы числа получают более или менее отчетливо воспринимаемый пренебрежительный характер: «Что под пером гг. Мельникова и Турбина, а еще более под пером гр. Льва Толстого выходит занимательно и прекрасно, то под другими *перьями* нередко становится безобразно» (Лесков. Страна

изгнания); «Я — русский, и поэтому имею право презирать все эти *ренессансы, рококо и готики!*» (Куприн. Корь).

Особенно часто пренебрежительный оттенок возникает в формах множественного числа существительных собственных, употребленных в нарицательном значении. У Ф. М. Достоевского в повести «Село Степанчиково и его обитатели» читаем: «Мало-помалу он [Фома Фомич] достиг над всей женской половиной генеральского дома удивительного влияния, отчасти похожего на влияние различных *Иванов-Яковлевичей* и тому подобных мудрецов и прорицателей, посещаемых в сумасшедших домах иными барынями» (Имеется в виду Иван Яковлевич Корейша — московский юридивый, снискавший в середине прошлого столетия известность прорицателя).

В художественной литературе употребительна необычная форма множественного числа *человеки* вместо *сущлетьивной люди*, она последовательно применяется для выражения иронии или сарказма: «Делали все, что полагается, русским передовым человеком, томящимся в собственном соусе» (Куприн. Гусеница); «Именно человеколюбия не наблюдал я в человеках, среди которых жил до той поры» (Горький. Мои университеты); «По че-ло-ве-че-ству? — иронически отчеканил он [урядник] каждый слог. — Позвольте-с, да у меня эти человеки вот где сидят-с!» (Куприн. Олеся). В последних двух примерах употребление формы *человеки* поддерживается однокорневыми словами *человеколюбие, человечество*.

Нередки в художественной литературе и случаи использования формы единственного числа со значением множественности, в собирательном смысле: «В более видных местах густел *кунец*, а в отдаленных тучкой толкся полковой *писарь*» (Лесков. Справедливый человек); «Смурый, мельком взглянув на него, стал толкать людей своим животом, приговаривая: „Попшел прочь, дурак!“ Он называл дураком многих сразу, — подойдет к целой кучке людей и кричит на них: „По местам, дурак!“. Это было тоже смешно, однако казалось верным: сегодня с утра все люди — один большой *дурак*» (Горький. В людях).

Не менее интересно употребление форм множественного числа местоимений (мы, вы, они), используемых в общезыковом обиходе и для обозначения одного лица.

Характерное для прошлого подобострастно-почтительное применение формы *они* со значением единичности: «Они дама больная» (А. Островский. Не от мира сего). — может обыгрываться в сопоставлении с формой *он*. Например, в романе Л. С. Соболева «Капитальный ремонт»: «„Лейтенанта Ливитина не видали, братцы? Старший офицер ищет...“ — „Там он“, — ответил Кострюшкин непочтительно, и Ливитин усмехнулся. Это ему даже понравилось.

Очевидно, Кострюшкин целиком захвачен работой, если забыл о его присутствии и не сказал „они“ или „их высокоблагородие“.

Местоимением *они* И. С. Тургенев в рассказе «Муму» ярко передает рабское подобострашие приживалки: «Муму тоскливо оглядывалась кругом и не трогалась с места. „Принесите ей что-нибудь поесть“, — сказала барыня. „Какая она глупая! к барыне не идет. Чего боится?“ — „Они не привыкли еще“, — произнесла робким и умильным голосом одна из приживалок».

Свойственная нашей речи синонимичность формы *вы*, служащей для вежливого обращения к одному лицу, форме *ты* также часто используется в экспрессивных целях: «Были мы когда-то на ты. Он попытался серединными фразами между ты и вы удержаться на ты, но я прямо дал тон на вы, и он тотчас подчинился» (Л. Толстой. Крейцерова соната); «Пустое вы сердечным ты Она обомлывая заменила» (Пушкин. Ты и вы).

Замена единственного числа местоимения и соответствующих личных форм глагола множественным числом, отражающая переход от интимных к официальным отношениям между персонажами, очень выразительна в диалоге из «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского: «Он подошел к Дуне и тихо обнял ее рукой за талию. Она не сопротивлялась, но, вся трепеща как лист, смотрела на него умоляющими глазами. Он было хотел что-то сказать, но только губы его кривились, а выговорить он не мог. „Отпусти меня!“ — умоляя, сказала Дуня. Свидригайлов вздрогнул: это ты было уже как-то не так проговорено, как давешнее. „Так не любишь?“ — тихо спросил он. Дуня отрицательно повела головой. „И... не можешь?.. Никогда?“ — с отчаянием прошептал он. „Никогда!“ — прошептала Дуня. Прошло мгновение ужасной немой борьбы в душе Свидригайлова. Невыразимым взглядом глядел он на нее. Вдруг он отнял руку, отвернулся, быстро отошел к окну и стал перед ним. Прошло еще мгновение. „Вот ключ! (Он вынул его из левого кармана пальто и положил сзади себя на стол, не глядя и не оборачиваясь к Дуне.) Берите; уходите скорей!..“».

Встречается в литературе употребление местоимения *мы* вместо *я* для подчеркивания значительности говорящего: «Старик любил при случае показать себя: дескать, и мы живали на свете!» (Тургенев. Малиновая вода) или для передачи особенности мещанско-крестьянского речевого обихода: «Староста неохотно, боком протискался из толпы. Это был светлородый, густобородый, лет пятидесяти крестьянин с холодными серыми глазами, смотревшими твердо, уверенно и без смущения. „Ты староста?“ — „Мы“» (Гарин-Михайловский. Мои скитания). *Мы* вместо *я* используется и в шутивно-иронической речи — так называемое «докторское мы»:

«Ну, что? Мы захворали немножко? Посмотрим, сейчас посмотрим» (Куприн. Доктор).

Сравнительно редки в литературе случаи осмысления множественного числа местоимения как множественного числа существительного: *мы* не в обычном местоименном значении 'я и другие', а для обозначения множества однородных «предметов», в смысле «нескольких я». Отзвуком такого понимания формы *мы* является употребление М. М. Пришвиным местоимения *я* в рассказе «Химик»: «Войдите в мое положение, посудите сами, будет ли это вывод, если я загублю все мое семейство — одиннадцать номеров — детей и жену? Ведь я раб своего семейства, я — не я, я — во множественном числе». Подобным применением форм числа А. П. Чехов в рассказе «Отставной раб» чрезвычайно остроумно показывает растворение личности слуги в личности барина. Бывший слуга князя Свинцова вспоминает: «В Петербурге мы с баронессой фон Туссих большие связи имели и дитятю прижили».

Можно отметить единичную, вероятно, в нашей литературе, но очень интересную попытку К. Симонова по-своему обыграть отсутствие формы первого лица единственного числа у глагола *победить*, выразить тем самым определенный идейный смысл: «Между прочим, в русском языке для местоимения „я“ даже специальные ловушки имеются. Вот, скажи, например, как будет от глагола „победить“ будущее время первого лица единственного числа? — „Я победу“? — „Я побегу“?.. Или как? „Побегу“ — есть, а „победу“ — нет. Почему? Видимо, для того, чтобы во множественном числе этот глагол употребляли. Глядишь, оно и ближе к истине будет» (Последнее лето).

В. П. КОВАЛЕВ

Широкое распространение получает русский язык в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Он изучается в 70 университетах и институтах Японии, в 40 высших учебных заведениях Индии, более чем в 20 вузах стран африканского континента. Развертывается преподавание русского языка в странах, где раньше он совсем не преподавался: Бангладеш, Бирме, Лаосе, Конго, Мали, Непале, Чад, ЦАР и других.

«Вечерний Минск»
20 ноября 1973

Дружескую помощь СССР ощущает сейчас каждый простой индеец. И не случайно в том же Хайдарабате год от года растет интерес к изучению русского языка. Сначала была группа из пятнадцати человек. Потом стало сорок, восемьдесят... Сейчас несколько сот студентов, рабочих, служащих изучают русский язык. Только в этом году в ассоциацию русского языка, созданную при университете, записались 60 человек.

«Комсомольская правда»
4 ноября 1973

ОТЗВУКИ
СТИЛЯ
ПУШКИНА
В
ПОЭЗИИ
НАШИХ
ДНЕЙ



Круг лексических и фразеологических поэтизмов (слов и оборотов, специфичных для стихотворной речи), используемых современными поэтами, включает в себя различные слова и выражения, так или иначе связанные с историей поэзии.

К поэтизмам принадлежат и разнообразные по форме и характеру литературные реминисценции, представляющие собой своеобразные отсылки в тексте поэтического произведения к тексту или совокупности текстов того или иного автора. Литературные реминисценции могут воплощать в себе художественную манеру отдельного автора, свойства и качества определенной художественной системы, особенности той или иной поэтической школы, литературного направления и т. п. Их назначение состоит в том, чтобы сообщить тексту дополнительный смысл, усилить его выразительность.

Естественно, что у современных поэтов нередки обращения к творчеству Пушкина. В качестве иллюстрации одной из пушкинских реминисценций можно привести стихотворение Я. Смелякова «Любезная калмычка».

Курить, обламывая спички, —
одна из тягостных забот.

Прощай, любезная калмычка,
уже отходит самолет.

Как летний снег, блистает блузка,
наполнен счастьем рот хмельной.
Глаза твои сияют узко
от наслажденья красотой.

Твой взгляд, лукавый и бывалый,
в меня, усталого от школ,
как будто лезвие кинжала,
по ручку самую вошел.

Не упрекая, не ревнуя,
пью этот стон, и эту стынь,
и эту горечь поцелуя.

Так старый беркут пьет, тоскуя,
свою последнюю полынь.

Лиризм стихотворения и его поэтичность значительно усилились благодаря отчетливой и очевидной параллели со стихотворением Пушкина «Калмычке». Помимо названия, в котором использовано пушкинское обращение к калмычке — *любезная калмычка* (для современного литературного языка *любезный* в значении «милый, дорогой» — устаревшая форма обращения к кому-нибудь), на сознательную параллель указывает повторение Смеляковым начальной строки пушкинского текста: *Прощай, любезная калмычка*.

Пушкинская реминисценция, несущая в себе дополнительные смысл и экспрессию, характерные для текста-источника, художественно обогатила стихотворение. Она содействовала, наряду с общностью темы, настроения, сходством ритмического рисунка, возникновению той поэтической тональности, которая у читателя всегда связывается с поэзией Пушкина. Эта «перекличка» стихотворения Смелякова со стихотворением Пушкина поддерживается и последним пятистишием:

Не упрекая, не ревнуя,
пью этот стон, и эту стынь,
и эту горечь поцелуя.
Так старый беркут пьет, тоскуя,
свою последнюю полынь.

Здесь в ряду других поэтических приемов и образов Смеляков прибегнул к поэтизму, очень распространенному в предпушкинское и пушкинское время. Метафорическое употребление глагола *пить* в сочетании с существительными, обозначающими душевное состояние, чувство, типа *пить блаженство, любовь*, входило в норму поэтического выражения конца XVIII — начала XIX века. Вот отдельные примеры подобного употребления глагола *пить* в поэзии этого времени — у Батюшкова: Счастья шаткого любимец С нимфами забвенью пьет (Счастливец); у Жуковского: Я в сердце твой приемлю глас; Я пью любовь в твоём дыханьи (Песня); у Кюхельбекера:

Когда люблю и ненавижу,
Из жизни скорбь и радость пью,
Тогда свободно я пою,
Олимп, бессмертье, Феба вижу.

К. Е. О. Криштофович

У Рылеева: В ее словах я негу пил (Войнаровский). Упомянутая норма отражена и в словоупотреблении Пушкина: достаточно напомнить, что у него имеются такие сочетания, как *пить веселье* (Фавн и пастушка), *негу* (Дориде), *томление любви* (Таврида), *обман* (Евгений Онегин), *наслаждение* (Стансы Толстому). Использование Смеляковым яркого по своей экспрессии поэтизма,

традиционно связываемого с пушкинским периодом развития поэзии, представляется не случайным. Среди множества поэтических средств поэт выбирает обладающие наибольшим эмоционально-экспрессивным воздействием. В сегодняшней поэзии они представляют собой, выражаясь словами В. Маяковского, «старое, но грозное оружие». В стихотворении А. Кушнера «Сегодня снег...» обнаруживается несомненная связь со стихотворением Пушкина «Адели». Помимо сходства ритмического рисунка и размера она заключается в воспроизведении двух стихов пушкинского текста: *Играй, Адель, Не знай печали* — в одной из строф стихотворения (Метет метель, // Стирая дали. // Играй, Адель, // Не знай печали). Кроме этого, показателем связи с поэзией Пушкина является свободное включение в ткань стихотворения речевых средств общепоэтического фонда словесных образов. Таково употребление устаревшего для современного литературного языка существительного *нега*: *Сегодня снег, // моя погода. // От зимних нег // нам нет прохода; старого символа поэтического творчества свирель: Метет метель. // О чем хлопчешь? // Бери свирель, // играй что хочешь/;* перифрастического сочетания *дары зимы* применительно к снегу: *Дары зимы // при свете резком, // ячейки тьмы // с янтарным блеском; словосочетания влажный поцелуй.* Эти средства, как бы сообщающие всему тексту свою поэтичность, которая усиливается их композиционным расположением (от строфы к строфе, от поэтизма к поэтизму поэтическая тональность поддерживается на протяжении всего лирического повествования), ассоциируются у современного читателя с поэзией прошлого, в первую очередь, с поэзией пушкинской поры. Сравните использование этих поэтизмов в начале XIX века, например у Баратынского: *Прощай, прощай, краса природы! Волшебного шептанья полный лес, Златочешуйчатые воды! Веселый сон минутных летних нег (Осень);* *Зачем я удалюсь от столь разумной цели? И звуки легкие пастушеской свирели В неугомонный лай неловко превратят, Зачем себе врагов наделаю шутя? (Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры);* у Жуковского: *Шесть месяцев в одежде погребальной Зима у нас привыкнула гостить! Так! Чересчур в дарах она богата! (Послание к Плещееву).*

Говоря о пушкинских реминисценциях в современной поэзии, важно подчеркнуть не только отнесенность названных общепоэтических речевых средств к пушкинской поро, но и их непосредственную связь с произведениями Пушкина: почти все перечисленные слова и выражения — и именно в той форме, в которой они представлены в стихотворении А. Кушнера — зафиксированы у Пушкина. *Зимние неги* упомянуты в «Евгении Онегине»: Другой поэт роскошным слогом Живописал нам первый снег И все оттен-

ки зимних нег; *влажный поцелуй* — в стихотворении «Выздоровление»: И вдруг я чувствую твое дыханье, слезы И влажный поцелуй на пламенном челе.; *свирель* как символ поэтического творчества — в ряде стихотворений, в том числе и в стихотворении «Адели», параллель с которым наиболее очевидна: И в шуме света Люби, Адель, Мою свирель.

Добавляя к краскам стихотворения новые, усиливая его поэтический колорит, пушкинские реминисценции выступают как одно из наиболее действенных средств поэтической выразительности.

Стихотворение Смелякова «Пиала» представляет несколько иной вид поэтической «переключки» с творчеством Пушкина. Здесь нет прямых текстуальных совпадений с Пушкиным, как в приведенных стихотворениях. Однако весьма характерен самый выбор поэтических средств и их концентрация в стихотворении. Автор использовал ряд лексических и фразеологических поэтизмов — примет стихотворной речи пушкинской эпохи: и глагол *течь* применительно к стихам, словам (Пускай к тебе течет отсюда // моя веселая хвала, // большая круглая посуда, // страны калмыцкой пиала), и существительное *влага* применительно к наитку и в составе перифрастического сочетания *хмельная влага* (И сев за скатерть в свой черед, // пью из тебя хмельную влагу // за степь твою и твой народ. Сравните у Пушкина сочетание *Вакхова влага*: Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу // С трезвой струей воды, с мудрой беседой мешай), и сочетания *сын чего* (Какая б ни была погода, // в руке негнушейся своей // тебя держал хозяин рода // и смуглый отрок, сын степей), *на путях чего* (Там, на путях труда и брани, // в своей кибитке кочевой // ты знала и бульон бараний, // и чай калмыцкий золотой). Имеются и некоторые другие, «косвенные» по отношению к языку поэтического произведения, отзвуки творчества великого поэта. Так, сказанное Смеляковым о калмыцком юноше — *отрок, сын степей* — можно воспринять как перифразировку слов из знаменитого «Памятника»: *И друг степей калмык*; можно увидеть содержательное сходство между стихами Смелякова: в своей кибитке кочевой // ты знала и бульон бараний // и чай калмыцкий золотой — и строками пушкинского «Путешествия в Арзрум»: «На днях посетил я калмыцкую кибитку... В котле варился чай с бараньим жиром и солью».

Все это — употребление перечисленных лексических и фразеологических поэтизмов, вкрапления архаической для современного литературного языка лексики (брань, отрок) — позволяет рассматривать названные общепоэтические средства как своеобразные сигналы пушкинского стиля.

Н. Н. ИВАНОВА



ОБЛАСТНЫЕ ГОВОРЫ

О ЧЕМ ГОВОРЯТ НАЗВАНИЯ ПТИЦ



Человек, свободно владеющий правильной русской речью, не всегда представляет себе необыкновенное богатство всех смысловых и эмоциональных оттенков живого общенародного языка, одной из форм существования которого являются народные говоры. Окружающий нас мир живой природы нашел самое полное выражение в языке народа, отразился во множестве наименований, лишь небольшая часть которых вошла в литературный язык. Всем известно название небольшой птички из семейства воробьиных *трясогузка*, однако едва ли многие знают, что в русских народных говорах эта птичка имеет больше десяти параллельных названий (Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852), а в украинских диалектах — более двадцати пяти (М. Шарлемань. Словник зоологічної номенклатури. Ч. 1. Назви птахів. Київ, 1927). Существование в общенародном языке таких рядов синонимичных наименований для одного предмета или живого существа связано с их различными свойствами, качествами, которые по-разному и в разное время открываются человеку. Так, одна из наших северных птиц названа *моряжкой* в связи с территорией распространения, *каменушкой* по месту гнездования. Жители Севера называют ее *дьячком* за ее

особый громкий и звонкий крик, напоминающий повторяющиеся слова *ангич, аангич* (Словарь русских народных говоров. Т. 1. М.— Л. 1965).

Определение признаков, положенных в основу наименований, является одной из интереснейших задач при изучении лексики флоры и фауны. Многообразие народных названий птиц, по словам И. И. Срезневского, является замечательным свидетельством тонкой наблюдательности и мудрости народа, выражающего себя в языке своем. В древнейших из них признак, давший жизнь наименованию, его «внутренняя форма» утратилась, забылась, и название ассоциируется говорящими со всем комплексом признаков, отличающих то или иное явление. Профессор А. А. Потемня, характеризуя природу создания слова, писал: «Все значения в языке по происхождению образны, каждое может с течением времени стать безобразным» (Записки по истории русской словесности. Харьков, 1905). Древнейшее название известной птицы *турухтѧн* впервые зафиксировано в русских словарях в XVIII веке. Но в XVII веке более употребительными были варианты *курахтѧн, курохтѧн*, которые до сих пор сохранились в литературном языке. Происхождение этого названия не находит однозначного решения в русских лингвистических исследованиях. Одни ученые допускают звукоподражательный характер этого слова, другие считают его заимствованным из тюркских языков, третьи предполагают его связь с *курохта*, в свою очередь восходящему к праславянскому *кигорѣту (из *кур* и *птица*). Бесспорно одно: название в современной его форме ничего не говорит носителям языка о своем происхождении и в отличие от рассмотренных выше названий морянки не характеризует птицу по какому-либо признаку. Говорящий на современном русском языке едва ли объяснит происхождение слова *сорока*, однако, произнося его, мы легко представляем себе беспокойную, довольно крупную черную птицу с белыми маховыми перьями, видим предмет речи во всей совокупности отличающих его признаков. Известно, что голос сороки, ее неугомонная болтовня, жадность ко всему блестящему и пророческое стрекотанье давно вошли в пословицы и поговорки: Знать сороку по языку; Сорока скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу; Всякая сорока от своего язычка погибает; Охоча сорока до находки; Сорока сокочет, гостей пророчит; Сорока даром не сокочет: либо к гостям, либо к вестям (Словарь В. Даля).

Многие наименования рассказывают о конкретных признаках и свойствах предметов, раскрывая перед нами целый мир во всем богатстве его звуков, движений и красок. Голоса птиц, особенности их псавадок, место гнездования, окраска оперения,

характерные внешние признаки — все это нашло отражение в наименованиях.

Интересны и разнообразны оноματοпоэтические названия, которые представлены в общенародном языке двумя основными группами: наименования собственно звукоподражательные, в основе которых лежит подлинный голос птицы, и названия, образованные от звукоподражательных глаголов. Характерным для первого типа является название небольшого куличка *фифи*, данное ему охотниками за крик, который может быть передан слогами *фи-фи* (М. А. Мензбир. Птицы России. М., 1895). К народным, по свидетельству С. Т. Аксакова, принадлежит также и название коростеля *дергач*. Крик его обычно напоминает «какое-то назойливое кричание, состоящее из длинной нити звуков *дерг-дерг*, повторяемых им нередко непрерывно до пятнадцати раз кряду» (С. И. Романов. Охотничий словарь. М., 1876—1877). Голос птицы лежит и в основе диалектного названия чибиса — *пйвик* (рязанское), крик которого похож на слоги *пи-и-вить*. Следует отметить, что подобные названия не всегда точно передают крик птицы, воспринимаемый слушателями по-разному. Отсюда различные по звуковому составу наименования для одной птицы, связанные с субъективностью человеческого восприятия. Вот как объясняет происхождение названия *авдотка* (большой болотный кулик) известный русский орнитолог академик М. А. Мензбир: «Передавая крики птицы звукоподражательно, можно отметить, что один походит на слоги „вдотья“, превращающаяся при частом повторении в „явдотья“ или „авдотья“, откуда одно из русских названий». Другое, не менее распространенное название болотника — *веретенник*. У С. Т. Аксакова читаем: «Крестьяне в Оренбургской губернии называют его *веретенник*, основываясь на том, что будто крик его, которым обыкновенно оглашаются болота... похож на слова „веретен, веретен“» (С. Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. М., 1953).

Ко второй группе звукоподражательных слов относятся наименования выи в различных русских говорах: *бұхало*, *бұхаль* (смоленское, казанское, тобольское, сибирское), *бұчел*, *бұчень* (тамбовское), *гук*. Все они образованы от звукоподражательных глаголов: *бұхать* ‘кричать глухо, отрывисто’; *бучать* ‘издавать глухой звук’; *гукать* (простонародное) ‘испускать гук’. Аналогично по происхождению название филина в ярославских говорах — *ўхалица*. Распространенную на побережье Белого моря гагару поморы называют *ревухой* за ее громкий резкий крик. Этот же признак лежит в основе наименования *шипун* (вид лебедя), закрепившегося в современном русском литературном

языке. Одна из наших самых типичных птиц чайка серебристая носит название *хохотунья*, распространенное повсеместно. Чирка-свистунка в народе нередко называют *хрипучкой*, коростеля — *кряхтелем*, сизую чайку — *визгуньей*, гоголя — *крякушкой*.

Наименования птиц по их повадкам, образу жизни, особенностям питания позволяют нам проникнуть в беспокойный, вечно изменяющийся мир живых существ, издавна привлекавших внимание человека. Удод получил в народе название *потатуйки* (потатуй — 'кто поддакивает, такает'). Не исключено, что наименование связано с поведением птицы в воздухе, где она, то поднимая, то опуская хохолок, «кланяется при каждом своем призывном крике *уп-уп*» (Р. Шарп. Чудеса птичьего мира. М., 1912). Самая маленькая птичка семейства бекасовых — гáршнеп. По свидетельству орнитологов, это чрезвычайно смиренная и ленивая птица, которая нередко взлетает прямо из-под ног охотника и даже из-под носа собаки. Именно с этой особенностью птицы связаны ее народные названия *молчán* и *лежánка* (*лэжень* 'ленивый человек'). Выразительны наименования козодоя в русских говорах *дремлюга* и *ночник*, удачно характеризующие образ жизни этой сумеречной, бесшумно летающей птицы. Варакушку, небольшую певчую птичку, известную своей способностью петь «на все лады», в народе называют *морокүшей* (от *морокóватъ* — 'понимать, знать, уметь'). Диалектное название стрепета *трясучка* характеризует полет и подъем этой птицы, когда она «точно встрепенется, сорвется с земли» (С. Т. Аксаков).

Большим разнообразием отличаются метафорические наименования птиц в живой народной речи. Метафору порождает стремление говорящих назвать, определить нечто новое через старое, уже имеющееся в языке. Таковы многочисленные наименования птиц, данные им по сходству цвета, формы, особенностям повадок. Интересны названия длиннохвостой синицы *ополбвичек* и *чумйчка*, данные ей за длинный хвост и округлую форму тельца, которые в совокупности напоминают круглую ложку с очень длинной ручкой (эта ложка на русских кухнях называется *ополовником* или *чумичкой*). Усатая синица в уральских говорах — *гусарик*, лазоревка белая — *князек* (калужское). Слово, употребленное в переносном значении, поворачивается в языке новой смысловой гранью и является носителем положительной или отрицательной экспрессии. Характерны в связи с этим наименования поморника в архангельских говорах — *солдат* и *исправник*: первое дано птице за смелость и проворство, второе — за привычку отнимать добычу у других птиц. Овсянку горную, очень неосторожную птицу, легко попадающуюся в сети и другие ловушки, в народе называют *дурачком*. Признак, лежа-

щий в основе переноса, нередко субъективен, связан с совпадением ассоциаций, возникающих при сравнении двух предметов. Отсюда ряд наименований, употребление которых ограничено рамками одного говора. Таково название шилоклювки *чеботáрь* (украинское *чоботáр* 'сапожник') в астраханских говорах. Нос птицы напоминает по форме шило, которым обычно пользуются сапожники. Чекана-каменку, который часто провожает прохожего на значительном расстоянии пути, в Забайкалье называют *попутчиком*. Широко употребительны в диалектах метафорические наименования птиц, данные им по сходству голоса, крика. Так, название *кузнец* (козодой) в сибирских говорах объясняется тем, что голос птицы похож на частые удары молотком по наковальне. Общеизвестно название птицы семейства пастушковых *погонный*, которое птица получила за резкий свист, слышимый на далеком расстоянии. Отсюда и названия поговныша — *пастух*, *пастушок*, широко распространенные в русских говорах. Диалектное наименование иволги — *кошка* связано с тем, что голос обеспокоенной птицы напоминает крик обозленной кошки. Пеночку за ее трескучую трель в ярославских говорах называют *кузничком*.

Нередко наименование, непонятное говорящим на современном русском языке или диалектное с точки зрения его внутренней формы, подвергается действию народной этимологии, которая наполняет слово новым содержанием и видоизменяет его форму. Вероятно, наименования птицы из отряда куликов *вáлень*, *вáлишень* (смоленское), *вáльшень* (московское), *вáльшен* (тверское) представляют собой искаженные, приспособленные к языковому сознанию говорящих варианты немецкого *вáльдшнеп* (Wald 'лес', Schnepfe 'кулик') — сравните: *вáлень* 'увалень, лентяй'. В отдельных случаях народная этимология преобразует слово на основании звуковых ассоциаций и вкладывает в его содержание более понятное значение. Так, в смоленских говорах сивок-ржанок называют *севцами*, связывая с их появлением на полях начало сева. Диалектная форма *авдот* (удод), появившаяся в смоленских говорах под влиянием народной этимологии из звукоподражательной *вдог* (Н. В. Горяев. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896), сближает название птицы с женским именем. Это может быть связано с внешним видом птицы: удода красивы и изящны, отличаются ярким, пестрым оперением. Не случайно в смоленских говорах *авдотками* называют нарядных женщин в пестрых кофтах и головных уборах, напоминающих турецкую чалму: «Баба франтовитая платок на лоб надвинула. Ишь, — говорят, — нахохлилась,

словно удод хохол свой развесил» (В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914).

Отдельные наименования возникли как результат своеобразного словесного запрета — табу, в основе которого лежит наивная вера в то, что имя служит средством для передачи дурных воздействий, является проводником «злого духа», «дурного глаза». «Подставное», эвфемистическое название, употребляющееся вместо запрещенного, должно воздействовать на природу обозначаемого существа в желательном направлении. Белорусы, например, называют воробьев *слепцами*, чтобы они не видели посевов. В украинских диалектах весной журавля (украинское *журавель*) называют *веселиком*, чтобы не «журится» весь год. Слова *ворон* и *сорока* запретны у холмогорских рыболовов, что связано с поверьем о близости этих птиц к нечистой силе, со стремлением охотников и рыбаков скрыть от злых духов свои намерения. Характерно, что сороку в ряде русских говоров называют *вѣщицей* 'колдуньей' (сибирское), *ведьмой* (ярославское). Ворон у сибирских охотников — *верховой*, у холмогорских рыболовов — *куруца*, сорока в русских говорах — *векша* (олонецкое, архангельское, пермское, свердловское).

Народным наблюдениям обязаны своим происхождением названия, связанные со сменой времен года, с началом хозяйственных работ. Употребляющиеся в архангельских говорах названия жаворонка *вещевременник*, *вещевременец* связаны с народной приметой: «Жаворонок к теплу, зяблик к стуже» (Словарь В. Даля). Жаворонки — вестники весны, недаром в ряде мест сложился обычай подавать к столу в первый день весны испеченных из теста жаворонков. Сравните названия зяблика в русских диалектах: *сиверушка*, *снигарик*. Аналогично по происхождению название синички в белорусских говорах — *снягурка*. Оно объясняется тем, что по поведению этой птицы старики узнавали, когда ждать снега. Гаршнеп получил в народе название *заморозок*, так как остается у нас до самой поздней осени и улетает лишь с первыми холодами. Малиновку, которая первой встречает утреннюю зарю, любовно называют *зорькой*.

Так в наименованиях птиц, одной из интереснейших групп лексики, отражается история народа, его наблюдения над многообразным и вечно изменяющимся миром природы.

Л. Ф. МОИСЕЕВА

Киев

Рисунок В. Толстоногова

От редакции. В третьем номере 1974 года на стр. 12 читайте: Алексей Александрович Шахматов.

ГОРОД УГЛИЧ И УГЛИЧЕ ПОЛЕ



Город Углич, расположенный на Волге, в 230 километрах к северу от Москвы, — один из древнейших русских городов. В его Серебрянниковской летописи XVIII века, восходящей к утраченной Богословской, составленной около XV—XVI веков, и к другим несохранившимся местным письменным источникам до XVII века, сказано, что Углич был основан в 945 году киевским воеводой Яном Плесковитином. Это сообщение согласуется как с археологическими находками близ Углича (например, с кладом монет VII—IX веков), так и с угличскими древнеписьменными свидетельствами о том, что по повелению киевской княгини Ольги в X веке по всей Руси основывались «места» и «погосты» (Лаврентьевская летопись под 947 г.). Следовательно, можно полагать, что Углич возник тогда как военный форпост и товарная база города Ростова Великого: от него в X веке водные пути на Волгу через реки Устье и Улейму вели как раз туда, где теперь стоит Углич и где до его основания было место, почитавшееся мерянами (народность) и упомянутое в одной из грамот XVII века как калеметь (кереметь — языческое святилище внутри угличского кремля).

Подобным же образом несколько позднее, в 1024 году, ниже по Волге был основан Ярославль, который с Ростовом Великим связывала река Которостль. Через Углич ростовчане по Волге

выходили на путь «из варяг в греки», а через Ярославль — на путь «в Хвалисты» и вообще на восток и юго-восток.

В период феодальной раздробленности Руси Углич оказался центром удельного княжества, позднее стал центром уезда, затем — провинции, снова уезда и, наконец, района. В настоящее время это — город областного подчинения, хорошо известный не только в СССР, но и за рубежом главным образом высококачественной и разнообразной продукцией своего часового завода. В «седой» истории Углича немало славных страниц.

Войдя в состав Московского государства, Угличское удельное княжество не раз пыталось соперничать с Москвой. В нем при князе Петре Дмитриевиче чеканилась собственная монета, а князь Андрей Горяй без ведома великого московского князя Ивана III сносился с Литвой и татарами и осмеливался в грамоте Троице-Сергиеву монастырю от 1462—1466 годов свое удельное княжество именовать «великим княжением». Не случайно в среде коренных угличан еще и теперь бытует легенда, будто их город был когда-то столицей всей Руси.

Загадочное до сих пор событие, известное в русской истории как «убиение царевича Димитрия», произошло в 1591 году в Угличе. Оно и дало повод для известных волнений угличских посадских в 1591—1592 годах. Причина же заключалась в их стремлении обеспечить себе некоторые привилегии. Борьба угличан за них закончилась тогда неудачей: по сообщению местной Супоневской летописи (редакция XVIII в.), Борис Годунов «повеле... всѣхъ лучшихъ гражданъ отсылати въ ссылки... а иныхъ повелѣ мучити овымъ языки отрезывая, а у овыхъ сквозь темя вынимая языки, овыхъ другими тяжкими муками мучаше, а у иныхъ именля грабша». Но в XVII веке угличские посадские добились для себя ряда льгот раньше, чем жители иных посадов. Угличанам еще царь Михаил Федорович специальной грамотой от 1618 года вернул в посадское тягло всех тех их людей, которые вынуждены были «заложиться за монастыри» и поселиться в пригородных монастырских слободах, а посадские иных русских городов добились возвращения «заложившихся» лишь по Соборному уложению 1649 года. Угличане же в 1649 году били челом царю уже о другом: чтобы он велел приписать к Угличскому посаду все расположенные возле него слободы, никогда раньше ему не принадлежавшие и заселенные крестьянами и бобылями, живущими, однако, не сельским хозяйством, а торговлей и ремеслом. Население прочих городов Московского государства требовать этого тогда еще не решалось. Когда в 1767 году «Комиссия для сочинения проекта нового Уложения» обсуждала крестьянский вопрос, то первым в защиту крепостных выступил депутат от Углича — канцелярист Сухопрудский, зая-

вив, что прежде чем принимать законы против беглых крепостных, нужно выяснить, почему крестьяне бегут от своих помещиков.

Высокая духовная, в частности творческая, и исследовательская культура угличан тоже проявилась уже много столетий тому назад. Дошедшие до нас рукописные книги древнего Углича: Соборное евангелие XIII—XIV веков (отрывок), Шарапова псалтирь 1485 года, Паисиево евангелие, книга Григория Богослова XV века и другие более поздние (XVII—XVIII вв.) — позволяют предполагать, что в Угличе в свое время сложилась и процветала собственная школа книжного рукописного мастерства.

Интерес к углической истории вполне правомерен. Однако многое в ней неясно и не изучено из-за гибели памятников углической письменности во времена татаро-монгольского ига, нередких пожаров и, особенно, польско-литовской интервенции начала XVII века. Поэтому вполне понятно стремление ученых раскрыть древнюю углическую историю на основании косвенных свидетельств и, в частности, анализируя название города Углича.

Попытки этимологизировать наименование *Углич* делались уже в XVIII веке. В списках Супоневской летописи сказано, что *Углич* — производное от названия славянского племени *углы*, которое жило по реке Угол (приток Днепра), потом воеводой Свенельдом было переселено на Волгу и здесь основало свой город. Из Серебренниковской летописи можно понять, что *Углич* связывали и со словом *угол*, обозначающим одну из деталей верхневолжского ландшафта: «Город, Углич именуемый, построен... правая стороны углом Волги». В дальнейшем ко второму мнению присоединились историки Ф. Х. Киссель («История г. Углича. Ярославль, 1844»), И. А. Тихомиров («Раскопки в Угличском кремле». Тверь, 1906) и С. Н. Рейпольский («Углич». Ярославль, 1939), не сходясь между собою лишь по вопросу, какой именно угол на местности надо иметь в виду. На второе объяснение *Углич* ссылается в своем Этимологическом словаре русского языка и М. Фасмер. Кроме того, в среде угличан бытует еще дилетантское мнение, будто Углич получил свое название потому, что на его месте раньше жгли уголь.

Во всех этих толкованиях учтен лишь корень слова *Углич*, а суффикс во внимание не принят и взято на веру, что название с корнем *Угл-* для Углича изначальное.

Ранние обозначения Углича с корнем *Угл-* в древнерусской письменности чаще всего двухсловные — *Угличе Поле* или *Углече Поле*, «Преставися князь Андрѣи Володимеричъ на Оугличи Поли» (Лаврентьевская летопись под 1261 г.); «Они же пришедше... много градов избиша... Москву, Можайск, Волок, Дмитров, Углечо Поле, — а всех градов взяша 14» (Московский летописный свод под 1293 г.); «Даю ему город Углече Поле с волостями» (Духовная

грамота Ивана III, около 1504 г.), «На княженъи сѣде... князь Александръ Костянтинович на Угличи Поле» (Вологодско-Пермская летопись под 1294).

Вместе с тем наименование *Угличе (Углече) поле* (а иногда просто *Поле*) вплоть до XVII века служило и для обозначения обширного поля (почти безлесного пространства), которое до сих пор составляет не одну сотню квадратных километров возле Углича: «На Угличе Поле даль есмь княгине своей село Богородцкое со всеми деревнями, и съ луги, и с лѣсом» (Духовная грамота князя Владимира Андреевича, около 1401—1402 гг.); «Город Углеч и все поле, с волостьми, и с путми, и с селы, и с Холопьем, что торг на Мологе» (Духовная грамота Ивана Грозного. 1572). Оба эти сообщения в какой-то мере позволяют судить об обширности Углича (Углеча) Поля в древности: село Богородское находится километрах в 40 на запад от Углича, а Холопье было километрах в 80 на север от Углича.

Отсюда приходится заключить, что название *Угличе (Углече) Поле* первоначально не относилось к Угличу и лишь со временем метонимически стало применяться к нему. Но это привело к постепенному изменению смысла и формы названия: сначала к опущению *Поле* и субстантивации *Угличе (Углече)*, а потом к ассоциации его с существительным *город*, к утрате значения переносности и к употреблению уже не в среднем, а в мужском роде. Указанная последовательность подтверждается памятниками письменности. Самый ранний из известных случаев без *Поле* — «до Оуглеца» — в новгородской берестяной грамоте № 69 от XII—XIII веков (с отражением цоканья). Но до второй половины XV века все факты этого типа — только формы среднего рода: «Дал был князь великий Оуглече с волостьми» (Перемирная грамота Василия Темного. 1461—1462). Формы мужского рода окончательно утвердились лишь на протяжении XVI века. Вот некоторые наиболее древние написания: «Поидохъ на Углечь» (Афанасий Никитин. Хождение за три моря. 1466—1472); «Побѣжалъ на Углечь» (Московский летописный свод под 1433 г.); «Послаша... по князя Дмитрея Шемяку на Углечь» (Иоасафовская летопись под 1442 г.); «Выведоша немецъ... иныхъ в Углиць» (3-я Псковская летопись под 1565 г.); «Город Угличь» (Духовная грамота Ивана Грозного. 1572). Причем в это время иногда формы мужского рода сочетали с *Поле*: «Князь Михаило... взял... Углечь Полѣ» (Владимирская летопись под 1371 г.); «Посла на Углеч Поле князя Василия» (Устюжский летописный свод под 1492 г.).

Угличе (Углече) Поле лишь со временем стало обозначать не поле, а город. Но против этого можно возразить: поле, на котором возник Углич, могло получить определение *Угличе (Углече) по*

имени города. Но если так, то необъяснимо, почему сам город был назван полем.

Итак, анализ слова *Углич* ведет не ко времени основания Углича, а к Угличу (Угличу) Полю — одному из тех нескольких древних полей Волго-Клязьминского междуречья, память о которых хранят также топонимы *Юрьев-Польский*, *Переславль-Залесский*, *Залесское ополье*. Почему же одно из этих полей получило ставшее непонятным наименование *Угличе* (*Угличе*)? В нем есть основания выделять ударный корень *Угл-*, заударный суффикс *-ич-* или *-еч-* и окончание *-е*. Объяснения требуют корень и суффикс. Корень можно возвести как к *жгъл'-угол'*, так и к *Угл'-уголь'*, но значение слова зависит не только от корня, а и от суффикса. А в нем прежде всего обращает на себя внимание вариативность: то *-ич-*, то *-еч-*.

Если считать, что здесь первичен *-еч-*, то *-ич-* надо объяснить йканьем (произношением неударного *е* близко к *и* или как *и*: *м'ин'á* — меня, *плáч'ит* — плачет). Однако этому противоречит написание производного *углицане* в новгородской берестяной грамоте № 69 от XII—XIII веков: ведь древние новгородцы не *йкали*. Кроме того, если исходить из первичности *-еч-*, то его надо возвести к *-ъч-* и реставрировать все слово до падения редуцированных как *жгълъче* или *Угълъче*. Но в этом случае оно после падения редуцированных превратилось бы в *Угол'че* или *Угл'че* > *Укче*, а косвенные падежи слова *Углич* в живой речи угличан теперь звучали бы как *Угол'ча*, *Угол'чу* или *Укча*, *Укчу* и т. п. Однако ни в памятниках древней письменности, ни в современном произношении нет и намеков на эти результаты.

Если же исходить из первичности *-ич-*, то *-еч-* вполне можно объяснить уподоблением *и* > *е* (произношением типа *вѣн'ел* — выпил, *л'естбк* — листок), обычным (хотя и нерегулярным) с древних времен для многих северно- и среднерусских, в том числе — и угличских, диалектов, а также для белорусского и польского языков. Поэтому надо признать, что вариант *-ич-* первичен.

Значит, его можно возвести к *-ик-* + *-ј-* (так как хорошо известно, что в праславянское время сочетание *кј* превращалось в *ч*, о чем до сих пор свидетельствуют чередования *к* — *ч* в таких случаях, как *крик* — *кричу* [из* *krĭkjom*], *секу* — *сеча* [из* *sĕkja*]). Вероятно, прилагательное *Угличе*, определяющее *Поле* в названии *Угличе Поле*, имеет притяжательный смысл, сообщаемый суффиксом *-ј-* (этот суффикс в древности для образования притяжательных прилагательных использовался славянами широко), и появилось для обозначения принадлежности Поля кому-то. Этого обладателя в таком случае звали *жгълѣкъ* > *Углік* или *Углікъ* > *Углик* — с суффиксом *-ик-*, выполнявшим не оценочную, а какую-то иную

функцию и довольно распространенным в древних восточнославянских как языческих, так и христианских именах: *Голук*, *Меньшик*, *Новик*, *Павлик*, *Фирсик* в официальных документах XV—XVII веков. Но возможно и то, что прилагательное *Угличе* восходит не к собственному имени обладателя, а к его отчеству или к иному обозначению по происхождению — к *Жгъличь* > *Углич* или к *Угличь* > *Углич* с суффиксом *-ич-*, как в *Ильич*, *Фомич*, или как в *кляжич*, или как в польских и сербских фамилиях, вроде *Белич*, *Сенкевич*, или как в *москвич*, *пскович*. Тогда прилагательное *Угличе* в названии *Угличе Поле* все равно служило для выражения притяжательности, а предка обладателя Поля звали *Жгъль* или *Угъль*. Наконец, не исключено, что *Жгъликъ*, *Угликъ* или *Жгъличь*, *Угличь* древними восточными славянами Верхневолжья было ложно осмыслено как производное от *Жгъль* или *Угъль* с суффиксом *-ик-* или *-ич-*, а на самом деле представляет собою какое-то заимствование из языка того неславянского населения, которое в Верхневолжье было ассимилировано славянами. Сравните для примера: русские в прошлом осмыслили и произносили как *Стекольна* и *Выбор* названия шведских городов *Stockholm* и *Viborg*.

Кем был в действительности обладатель Углича (Углича) Поля, конечно, остается лишь догадываться. Возможно, он был реальным человеком. Ведь известно, что у восточных (в том числе и угличских) славян даже в первой половине XVII века по традиции, сохранявшейся с дохристианских времен, были в ходу личные имена, вроде *Гвоздь*, *Смага*, *Шило*, *Щель*, употреблявшиеся в быту вместо официально-церковных и аналогичные *Жгъль* > *Угол* и *Угъль* > *Угол* (производными от которых надо считать *Углик* и *Углич*). Не менее допустимо, что хозяин Углича (Углича) Поля был мифическим существом, олицетворяемым неживым предметом. Об этом свидетельствует широкая распространенность топонимов с корнем *Угл-* или *Угол-* в Верхневолжье, Поднепровье и Приильменье: деревня *Углицково* возле города Углича, река *Угла* — приток Шексны, урочище *Угловатец* (оно же — *Угловас*, *Угловасец*) и *Угловарская* дорога возле Переславля-Залесского (по документам XV в.), *Угловское* болото около города Владимира, река *Угла* (она же — Орель) — приток Днепра, местность *Угол* в древней Новгородской земле (по грамотам XV в.) и др. Прямо связывать *Угличе* с обозначением какого-либо территориального угла нельзя.

Н. Д. РУСИНОВ

Горький

Рисунок Ю. Космынина



ИЗ ИСТОРИИ
СЛОВ
И ВЫРАЖЕНИЙ

На Маланьину свадьбу

В 1822 году на страницах журнала «День» печатались «Заметки о жизни донских казаков». Их автор, некто Н. Семитараторец, описывал нравы и обычаи казаков, толкуя некоторые местные выражения. Вот как герой этих «Заметок», 70-летний казак, по характеру напоминающий лермонтовского Максима Максимыча, рассказывает о происхождении одного из них.

«А вот што, бывало, как порасскажут про атамана Данилу Ефремовича да про супругу его Маланью Карповну,— начал опять Иван Мосеич,— такие-то они были простые да хлебосольные. Бывало, поедет казак в город да повезет Маланье Карповне в гостинец крут [масляные лепешки], севрюжины, икры свежей — все принимала, не гнушалася. И угостит, бывало, всякого и наградит. Ажно таперь по народу гуторют: „наварила-де на Маланьину свадьбу“» («День», 1822, № 49). Эту легенду, без ссылки на Н. Семитараторца, повторяло позднее немало авторов. В свой сборник «Русская мысль и речь» (СПб., 1902—1903) включил ее и М. И. Михельсон. Выходит, «пословичная» Маланья — реальное

лицо, тароватая черкасская казачка Маланья Карповна. Свадьба ее с С. Д. Ефремовым, как точно известно, была в 1795 году. Об этом пунктуально сообщает «Опыт областного словаря», изданный в 1885 году. Историк фразеологии, однако, привык с недоверием относиться к таким «правдоподобным» объяснениям. Ему нужны языковые факты. Посмотрим, подтверждают ли они рассказ Ивана Мосевича.

В Библиотеке АН СССР в Ленинграде хранится рукописный сборник пословиц («свиток»), принадлежавший Петру I. Его датируют XVII веком. В этом свитке мы находим и нашу Маланью: «Наряжается, как Маланья на свадьбу». В другом рукописном сборнике XVII века также встречается пословица: «Онанья плачет, а Маланья скачет» (Л. А. Дмитриев. — «Рукописное наследие древней Руси». Л., 1972). Выходит, что пословицная Маланья не может быть Маланьей Карповной, вышедшей замуж в 1795 году.

Языковая летопись свидетельствует и против казачьего колорита Маланьиной свадьбы. Выражение *наготовить, как на Маланьину свадьбу* широко известно и в севернорусских, среднерусских и сибирских говорах. В последних, например, мы уже встречаем такие варианты этой поговорки, как *расклала, как Маланья с ящиком* — ‘о том, кто разложил свои малоценные вещи напоказ, мешая этим другим’, *носитя как Маланья с ящиком* — ‘о человеке, который носитя с ничтожной вещью и даже гордится ею’ (Н. Т. Бухарева, А. И. Федоров. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Новосибирск, 1972). А в карельском Беломорье поговорку *как на Маланьину свадьбу* объясняют на своей, «поморской», почве: «Маланья у нас была богата, много настряпала» (деревня Сумский посад, 1972).

Где же искать первоначальный смысл этой поговорки? Оказывается, в старинных народных обычаях, связанных с празднованием кануна Нового года.

В церковном календаре есть день Мелании Римлянины, «имянины» которой приходится как раз на 31 декабря. Вечер этого дня до сих пор во многих христианских странах называют «щедрым». И на Руси когда-то «на Маланку», то есть в день святой Мелании, ряженая, по-маскарадному переодетая молодежь ходила по домам, угощаясь блинами, оладьями, пампушками и прочими «щедротами», которыми оделяли ее добрые хозяйки. В этот день даже злые должны были быть добрыми. За щедрость молодежь расплачивалась шуточными песнями и представлениями. На Украине, например, разыгрывали шуточную свадьбу Васыля и Меланки. Имя Маланьиного жениха тоже не случайно:

день святого Василия Кессарийского приходится на 1 января, поэтому и крещенские морозы называли в народе Васильичами.

Маланьина свадьба, следовательно,— это нечто вроде символической встречи Старого и Нового года, выражение *наготовить*, как на *Маланьину свадьбу* первоначально значило 'заготовить столько еды, сколько готовит хорошая хозяйка в канун Нового года.'

К такому выводу пришел один из тончайших знатоков русской речи В. Н. Чернышев (Особо темные выражения) и Т. Н. Кондратьева, автор работ о фразеологии с именами собственными (Сб. «Вопросы грамматики и лексикологии русского языка». Казань, 1964). Факт, что ученые независимо друг от друга отвергли псевдоисторическую версию о Малании Карповне и пришли примерно к одному выводу, уже сам по себе свидетельствует об объективности их гипотезы. Ее можно подтвердить и активностью модели употребления имен святых в подобном временном значении: «Наварила, напекла Акулина на Петра» [на день святого Петра — 29 июня]; «Пришел Евсей [24 апреля] — овсы сей»; «Не отселялся до Бориса [2 мая] — с Бориса сам боронися [запрягайся в борону], а не то как и на Афанаса [18 января], не поешь хлеба на Спаса [1 августа]»; «Кто сеет после Вита [святого Вита — 15 июня], тот прост бывает жита»; «На святого Пуда [15 апреля] вынимай пчел из-под спуда» и т. д.

Древняя мотивировка оборота как на *Маланьину свадьбу*, однако, бесследно растворилась в его современном употреблении, где он стал обозначением чрезмерно большого количества приготовленной пищи.

В. М. МОКИЕНКО

Ленинград

Рисунок В. Толстоногова

СЛОВА- ТЕРМИНЫ

Перед нами слова: *дерево, древесина, куст, кустарник, ствол, стебель, ветка, лепесток*. Каких-нибудь 200 лет назад, в XVIII веке, значения этих слов были иными, не такими четкими и определенными, как сейчас. В их судьбе большую роль сыграли русские естествоиспытатели XVIII века, который вошел в историю русской науки как век создания нашей национальной научной терминологии,

в том числе и ботанической. Во второй половине столетия возрастает интерес к естественным наукам, а учрежденная еще Петром I Академия наук организует серию экспедиций в разные области необъятной России с целью изучения трех царств природы: животных, растений и минералов. В это время издается множество книг, и переводных и оригинальных, научного, учебного, прикладного характера по систематике растений, описанию флоры различных областей Российской империи, по вопросам агрономии, сельского хозяйства, садоводства, огородничества.

Собранный в результате экспедиций богатый материал в значительной степени был обобщен, описан и систематизирован в опубликованных сочинениях: «Описание земли Камчатки» Степана Крашенинникова (1755), «Путешествие по разным провинциям Российской империи» П. С. Палласа (1773—1788), «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства» И. И. Лепехина (1771—1805), «Физическое описание Таврической области» К. И. Габлица (1785).

В 1786 году выходит школьный учебник «Начертания естественной истории» Василия Зуева, получивший высокую оценку выдающегося естествоиспытателя того времени П. С. Палласа, который отозвался о нем как о лучшем учебнике такого рода во всей мировой литературе.

С 1791 по 1794 годы предпринимается издание семитомного переводного сочинения «Начальные основания естественной истории». Издание включало три тома «Царства произрастений», представлявших собой перевод с французского учебника ботаники. Перевод был осуществлен известным ученым того времени Василием Севергиным.

В 1795—1796 годах появляются две части учебника «Первоначальные основания ботаники, руководствующие к познанию растений» врача и ученого ботаника Н. М. Максимовича-Амбодика. Первая часть представляла собой перевод «Философии ботаники» К. Линнея, а вторая была самостоятельным оригинальным исследованием.

Выходившая в то время многочисленная литература по агрономии, садоводству, медицине, а также ботанические словари и справочники содержали значительный материал по флоре России, включали многие специальные ботанические термины (А. Мейер. Ботанический подробный словарь или травник. 1781; Н. Иванов. Подробный словарь увеселительного, ботанического и хозяйственного садоводства. 1792; И. М. Комов. О земледелии. 1788; Н. М. Максимович-Амбодик. Врачебное веществословие. 1783—1789).

Эти книги, а также статьи по вопросам агрономии и сельского хозяйства, печатавшиеся в журналах «Сельский житель» (1778—

1779), «Экономический магазин» (1780—1789), были адресованы широкому кругу читателей: учащимся, любителям природы, практикам-агрономам. По этим книгам сейчас мы можем воссоздать довольно сложную картину жизни слов, словосочетаний в системе ботанической номенклатуры и терминологии, в обозначении частей и органов растений, или, как их тогда называли, «прозябаемых».

История нашей естественнонаучной терминологии связана с именами выдающихся русских ученых-естествоиспытателей XVIII века, учеников и последователей М. В. Ломоносова: Степана Крашенинникова, Василия Зуева, Василия Севергина и других. Внося неопределимый вклад в создание русской естественнонаучной терминологии, эти ученые оказали большое влияние на процесс формирования языка русской науки.

Если в первой половине XVIII века языком ботаники был латинский язык, то с середины XVIII века и особенно с его второй половины усилилось стремление русских ботаников выражаться только по-русски, а каждый латинский и греческий термин передать русским словом.

Известный советский исследователь истории ботаники Н. А. Комарницкий писал об этом периоде конца XVIII — начала XIX века: «Выработке русской научной терминологии придавалось большое значение; каждый латинский термин старались передать русским словом, постепенно изменяя и совершенствуя их. В этом отношении позднее, во второй половине XIX и особенно в XX веке, утратилось это стремление старых ботаников выражаться только по-русски, и в наш научный язык стали вводить большое количество иностранных терминов, нередко без достаточного на то основания» («Очерки по истории русской ботаники». М., 1947). Дело это было новое и нелегкое, к нему не было «на природном языке путеводителей», как писал ученый медик и ботаник XVIII века Н. М. Максимович-Амбодик.

Широким потоком в научный ботанический язык вливаются общепотребительные слова, обозначающие части растений, а также слова, обозначающие предметы, не имеющие отношения к ботанике, но на которые похожи — по форме, цвету, функции — части и органы растений.

Несмотря на обилие терминов, номенклатурную пестроту, подвижность терминологических границ, слова общепотребительные в пределах терминологической системы приспобтали смысловую четкость и определенность, часто меняя свое значение. В новом качестве, терминологически осмысленные, они вновь входили в общее употребление. Многочисленные учебники, пособия и руководства по агрономии и сельскому хозяйству делали их доступными для чита-

теля, влияли на закрепление в сознании носителей языка новых смысловых границ общеизвестного слова.

Слово *дерево* в древнерусском языке служило для обозначения материала, а древесные растения назывались словом *древо* — церковнославянским неполногласным вариантом. В словарях XVIII века и *дерево* и *древо* не имели четкого смыслового отличия и нередко употреблялись параллельно.

В специальной ботанической литературе XVIII века прослеживается тенденция разграничить значения этих вариантов. В переводах Василия Зуева, Василия Севергина *древо* часто служит для обозначения древесного растения, а *дерево* — внутренней части ствола, идущей за корой и лубом: «древо большое, прямое, но паче приметное в общежитии красным своим деревом; ствол имеет благовонное дерево; древо средственной величины, кора белая, дерево губчатое и нежное; красивое дерево булавного древа». Однако в работах конца XVIII — начала XIX века русский полногласный вариант закрепляется в обоих значениях, а церковнославянизм *древо* почти исчезает как термин.

Слово *дерево* в ботанике конца XVIII века служило для обозначения древесных растений, а также части дерева, идущей за корой и лубом. За право выражения последнего значения на страницах ботанической литературы того времени боролись также слова *древесность* и *древесина*, не распространенные, судя по словарям, в общем употреблении. Слово *древесность* выпало из терминологии, а *дерево* и *древесина* употреблялись параллельно в отмеченном нами втором значении — «плотная твердая часть дерева, находящаяся под корой». Сейчас оба слова употребляются в речи для обозначения лесоматериала.

В научной ботанической терминологии часть дерева за корой и лубом устойчиво называется *древесина*.

Словарями XVIII века отмечалось различие в значении слов *куст* и *кустарник*. Первое — это растение, имеющее кустообразный стебель, второе — место, заросшее кустами. Новое значение слова *кустарник* «древесное растение, имеющее многочисленные стебли» сформировалось в специальной ботанической литературе. *Куст* и *кустарник* старыми ботаниками часто использовались параллельно в этом значении, хотя слово *куст* было более широким по значению и обозначало также травянистые растения с многочисленными стеблями.

В XIX веке *куст* и *кустарник* употреблялись в одном значении — «деревянистое растение, растущее кустом». В современном литературном языке словом *куст* называют и древесные и травянистые растения. Словом *кустарник* — только древесные. В современ-

ной ботанической терминологии как термин употребляется только слово *кустарник*.

Ботаническая литература XVIII века способствовала дифференциации и стабилизации значений слов *ствол* и *стебель*, *ветвь* и *стебель*. Слово *ствол* в XVIII веке обозначало, во-первых, 'насос, трубу', во-вторых, 'орган тела растений' (синоним — *стебель*).

В ботанической терминологии первоначально *ствол* служил названием пустых, полых стеблей, возможно, по аналогии с другим значением этого слова 'труба'. (В ботанике их называли также *дудка*, *трубка*, *будыль*).

Однако во многих ботанических сочинениях *ствол* начинает употребляться или для обозначения стебля растений вообще или стебля только древесных растений. В этом последнем значении ботаниками XVIII века использовался целый ряд синонимов: *бревно*, *пень*, *колода*, *комль*, *дерево*. Слово *ствол* оказалось наиболее жизнеспособным членом этого синонимического ряда. За ним постепенно закрепляется в ботанике значение 'стебель древесных растений'. Термин *стебель* использовался: 1) в широком значении: орган тела древесных и травянистых растений (некоторые натуралисты, например А. Мейер, иногда использовали в этом значении слово *прут*), 2) в узком: орган тела травянистых растений, 3) в еще более узком: орган тела только «пашенных, хлебных растений».

В настоящее время в общем употреблении различаются слова *ствол* (в применении к древесным растениям) и *стебель* (в применении к травянистым растениям). В современной ботанической терминологии слово *стебель* имеет широкое значение — 'орган тела высших растений'. При описании древесных растений употребляется термин *ствол*.

Материалы словарей XVIII века свидетельствуют о недостаточной четкой и определенной предметной соотнесенности в языке того времени слова *стебель*. Оно нередко понималось как 'отрасль, ветка, сук' и вставало с последними в один синонимический ряд. В ботанических трудах того времени слово *стебель*, отграниченное от слов *ветвь*, *ветка*, получило достаточную смысловую четкость, определившую современное значение этого слова.

Интересна история слова *лепесток*. В XVIII веке оно осознавалось как уменьшительное к слову *лепест* и в общем употреблении было равнозначно слову *лоскут* 'клочок ткани'. Ботанической терминологией того времени были заимствованы оба слова: и *лепесток* и *лоскут*. Они обозначали 'листочек венчика цветка' (в этом же значении некоторые ученые, например Г. Ф. Соболевский, использовали термин *блестка*) или просто 'вырезы по краю листка венчика': «Цвет однолисточный, на две губки наподобие рыльца разрезанный, нижняя загибается назад, трехчастная, лоскутья копьевид-

ные» (А. Мейер. Ботанический подробный словарь или травник); «Однолистный цветок, разрезанный на пять лепестков» (В. Севергин. Царство произрастений). Однако судьба этих слов разошлась: слово *лоскут* не удержалось в терминологии и уступило место слову *лепесток*, а слово *лепесток*, исчезнув из общего употребления в значении 'клочок ткани', закрепилось в ботанической терминологии. Затем в новом значении, ботаническом, оно вновь вошло в общее употребление. В последнем значении оно известно нам и сейчас.

Г. Н. ТАРКО

СЛОВА С РЕДКИМИ СУФФИКСАМИ

Даже при беглом сравнении лексического состава русского языка с лексикой других славянских языков можно сразу обнаружить, что одно и то же слово присутствует во многих, а иногда и во всех славянских языках, например *вода*, *жена*, *нос*. Такое «внешнее», фонетическое совпадение вполне объяснимо, так как славянские языки являются генетически родственными и содержат материально общие слова, а также общие морфологические части слов (приставки, корни, суффиксы), которые называются общеславянскими морфемами. Так, общеславянскими являются суффиксы *-арь* и *-ач*, которые служат для образования существительных со значением действующего лица (реже предмета). Мы сопоставим ряд слов, присутствующих в нескольких славянских языках и содержащих эти суффиксы.

Очень часто совпадает значение общеславянских слов, стилистическая принадлежность и степень их употребительности. Слово *писарь* (и его соответствия) в белорусском, украинском, чешском, болгарском языках имеет одно общее значение: 'канцелярский служащий, занимающийся составлением, перепиской и ведением бумаг'. «Итак, мы пока запишем, что Вы отвергаете взводимое на Вас обвинение радикально,— внушительно проговорил Николай

Парфенович и, повернувшись к писарю, вполголоса продиктовал ему, что надо записать» (Достоевский. Братья Карамазовы). Причем в этом значении данное слово является устаревшим во всех славянских языках и принадлежит к книжному стилю.

Но возможны и другие отношения между словами, внешне совпадающими в разных славянских языках. Они могут различаться по значению, по экспрессивно-стилистической окраске, по степени устарелости, наконец, по месту слова в системе современного языка. Если мы сравним слова *винарь*, *лекарь*, *рыбарь*, устаревшие для современного русского языка (особенно *винарь* 'винодел'), с их славянскими соответствиями, то увидим интересную картину «совпадений» и «расхождений» этих слов.

Существительное *винарь* 'винодел' находим только в «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского («Рече же къ винареви»); а также в Толковом словаре В. Даля. В украинском, белорусском, польском, болгарском языках оно не считается архаизмом, а в польском слово *winarz* обозначает также 'торговца вином'.

Устаревшими для современного русского языка выступают слова *лекарь* 'врач' и *рыбарь* 'рыбак'. Встречаем их в литературе XIX века: «Осторожно перенесли мы раненую к Печорину и послали за лекарем» (Лермонтов. Герой нашего времени); «Здесь вижу двух озер лазурные равнины, где парус рыбака белеет иногда» (Пушкин. Деревня). В других славянских языках эти слова относятся к активному запасу лексики, а в болгарском и польском языках имеют еще дополнительные значения: болгарское *рибар* 'продавец рыбы', польское *gubiarz* 'любитель рыбы'.

Возвращаясь к слову *писарь*, отметим в польском языке второе значение этого слова *pisarz* — 'писатель' и принадлежность его к нейтральной лексике.

Но не только по степени архаизации различаются «одинаковые» слова в славянских языках. Разной бывает территориальная или профессиональная употребительность слова даже в одно и то же время.

Малоупотребительно в русском литературном языке областное слово *кухарь* 'повар'. В Толковом словаре В. Даля оно отмечено как диалектизм юга Калужской и Нижегородской губерний: «Он кучер, он и кухарь, и косарь и маляр». Слово *кухарь* употреблялось в литературе XIX века: «Именитые люди... отравляли друг друга отравками на разных пирах через подкуп кухарей» (Лесков. Скомоорох Памфолан). В других же славянских языках: белорусском, украинском (*кухар*), польском (*kucharz*), чешском (*kuhář*) — это слово общенародно, диалектно не ограничено, имеет значение 'повар'.

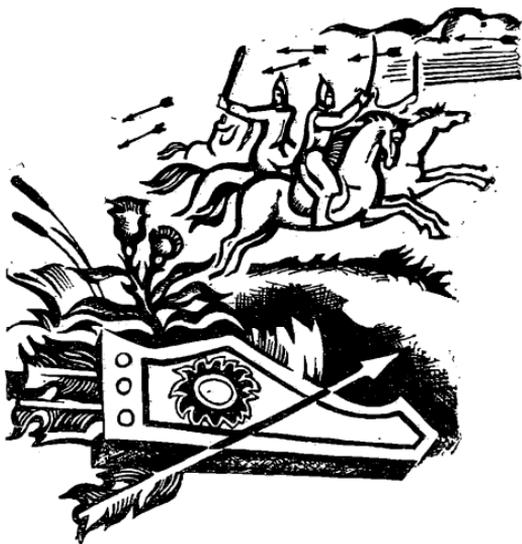
Известно лишь небольшому кругу специалистов русское существительное *слухач*. Оно имеет три значения, из которых два зафиксированы в толковых словарях современного русского языка, но эти значения сугубо профессиональны и понятны далеко не всем носителям русского языка: 1) работник связи, принимающий сигналы по радио. «Вечером на радиостанции Каспийского пароходства дежурил радист Тарумов. Ему было 20 лет, но его считали лучшим слухачом по бассейну» (Крымов. Танкер «Дербент»); 2) (военное) работник на специальных аппаратах — звукоулавливателях. «Стоит запустить мотор — финские слухачи радируют немцам: русские в воздухе» (Рудный. Гангутцы); 3) (музыкальное арг) музыкант, хорошо играющий «на слух». Как видим, это слово в русском языке во всех значениях выступает в качестве термина. В украинском, белорусском и польском (*śluchacz*) языках оно имеет значение 'слушатель' и употребительно в любых стилях речи.

Более сложные причины несовпадения значений слова в славянских языках наблюдаются при сопоставлении русского существительного *секач* с его инославянскими соответствиями. Оно профессионально ограничено и имеет в русском языке несколько значений: 1) рабочий, занимающийся резкой торфа, 2) тяжелый острый молоток, которым перерубают железо; 3) самец у зверей (областное); 4) механизм для разрезывания торфа. По значению и стилистической принадлежности оно совпадает во всех восточнославянских языках. Это слово встречается также в чешском (*siekač*) и в болгарском (*секач*), где оно имеет другие значения и выходит за пределы профессиональной лексики. В чешском языке *siekač* значит 'косарь', в болгарском *секач* — 'лесоруб, дровосек'.

Образованное во всех славянских языках от одного общеславянского глагола **sěkti* при помощи суффикса *-ач* (*-аč*), это существительное разошлось по своему значению в некоторых из них, потому что многозначен сам исходный глагол-основа. В восточнославянских языках в данном примере *сечь* — 'резать что-либо', в чешском *siec* — 'косить траву', в болгарском *сека* — 'рубить деревья'. Поэтому исторически, в процессе словообразования, в пределах отдельных славянских языков появились одинаковые производные имена существительные, но имеющие разные значения.

Если сопоставить в семантическом, стилистическом и историческом плане слова, формально совпадающие в различных славянских языках, можно обнаружить интересные и сложные отношения, которые, в свою очередь, связаны со сложностью, многослойностью и подвижностью всей лексической системы языка в целом.

Н. П. КАБАНОВА



КОЛЧАН

Русское наименование футляра, сумки для стрел — *колчѣн* (известно также устаревшее акающее написание *калчѣн*) встречается в памятниках русской письменности с 1589 года (по И. И. Срезневскому). Считаются русизмами белорусское *калчѣн*, польское *kołczan* (с 1604 г.) и болгарское *колчѣн*, о заимствованном характере которых говорит их полное тождество с русским источником, какое не было бы столь разительным в случае исконного родства.

В «Этимологическом словаре славянских языков» Фр. Миклошича приведена также украинская форма *kołczan*, давшая начало для указаний на соответствующее украинское слово. Однако обращение к указанному у Фр. Миклошича источнику (Хрестоматія староруска для высшихъ клясъ гимназіяльныхъ О. Огоновского. Львов, 1881) позволяет обнаружить, что «малорусское» *kołczan* извлечено Фр. Миклошичем из толкования книжного слова «*туль*: сагайдакъ, ковчѣнъ для стрѣль» в известном «Лек си-коне славеноросском» Памвы Берынды и к совр еменному живому украинскому языку отношения не имеет. В «Славянском этимологическом словаре» Э. Бернекера приводится украинская форма *kołczan*, воспроизведенная почти в таком же виде и в этимологических словарях русского языка А. Г. Преображенского (ковчанъ) и М. Фасмера (ковчан), однако современные украинские словари существование такой формы не подтверждают, хотя русизм *колчан* есть в новейшем «Словнике української мови».

В связи с этими соображениями при установлении этимологии указанных выше славянских форм фактически речь может идти лишь о русской форме *колчан* — *калчан*, которая получила распространение также в других славянских языках без особых изменений.

Вероятно, первой попыткой этимологизации указанных славянских форм было глухое указание на восточное происхождение польского *kołczan*, которое содержится в словаре польских тюркизов графа Адама К. Чарторыйского (1732—1824 гг.), опубликованном после смерти автора в 1828 году в первом томе львовского журнала «*Czasopism Naukowy Księgozbiogu Publicznego imienia Ossolińskich*». Еще в рукописи словариком А. К. Чарторыйского пользовался автор популярного шеститомного словаря польского языка С. Б. Линде, который указал на «татарское» происхождение слова *kołczan*. Такая же глухая помета (*tatar.*) содержится и в русском этимологическом словаре Ф. И. Рейфа, из которого слово *колчан* было окончательно внесено в список тюркизов русского языка, хотя конкретный источник заимствования обычно не указывался вплоть до появления в 1858 году книги о восточных словах в польском языке профессора Петербургского университета тюрколога А. О. Мухлинского, по мнению которого польское *kołczan* и русское *колчан* восходят к «татарскому» *kułdžan, kułczan* «*śajdak, pochwa na strzały*».

Хотя в тюркских словарях подобное слово в качестве обозначения футляра для стрел неизвестно, предложенная А. К. Чарторыйским тюркская этимология для русского *колчан* и польского *kołczan* без всякой проверки воспроизводится современными этимологическими словарями из-за весьма большой правдоподобности. Действительно, многие европейские народы названия принадлежности для стрельбы из лука (в том числе и наименования колчана) часто заимствовали у кочевых народов, особенно у тюркско-монгольских. Несмотря на то, что обычно указываемый источник для русского *колчан* и польского *kołczan* оказывается сомнительным, восточный характер многих терминов, относящихся к стрельбе из лука, по-прежнему заставляет искать происхождение термина на тюркской почве.

Учитывая внутритюркские соответствия *a—e, лч—ш* между чувашско-булгарским и прочими тюркскими языками, можно предположить, что русское *колчан* восходит к болгарской форме **калчан*, соответствующей названию колчана *кеш* в других тюркских языках: древнетюркское *кеш* (енисейские рунические памятники и Словарь Махмуда Кашгарского) — ‘колчан’, возможно также ‘пояс’; в тюркско-хотанском (-сакском) словаре IX—X веков *кеш* (в письме брахми при латинской транслитерации *kyešä*). В. В. Радлов в «Опыте

словаря тюркских наречий» (СПб., 1899) приводит караимское название колчана *käs* (Луцк.), *käsh* (Луцк., Троки). Тофаларское (карагасское) *h'eš* 'колчан' имеет параллель у тувинцев-тоджинцев *xesh* 'колчан'. Якутский язык знает только уменьшительную по происхождению форму *käsäx* 'колчан, колчан со стрелами' (наряду с монголизмом *саадах*, *саатах* и, возможно, под его влиянием). Отмеченное В. В. Радловым в «Опыте словаря тюркских наречий» киргизское *кеш* 'пояс' отражает семантику, перекликающуюся со значением соответствующего слова в енисейских памятниках (см.: С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952; *кеш* 'пояс, колчан'), правда, современному киргизскому языку это слово неизвестно: его заменила форма *кешене* 'кушак' с бывшими уменьшительными суффиксами *-ен-е*, которые утратили свое первоначальное значение.

Весьма архаическое значение у древнего тюркского *кеш* сохранил литературный тувинский язык, где соответствующее слово обозначает материал, из которого изготовлялись пояса и колчаны — 'кожа, шкура' (сходное развитие значения было у русского *мбхъ*, *мбшькъ*: от материала до вместилца). Поэтому следует согласиться с М. Рясняном, который в своем «Опыте этимологического словаря тюркских языков» включил тувинское *кеш* 'кожа, шкура' в один список с названиями колчана.

Рассматриваемое слово представлено так же как заимствование за пределами тюркских языков. Здесь прежде всего следует назвать персидское *киш*, *keš* 'колчан', которое раньше считали источником тюркских слов типа *кеш* 'колчан', но известный французский востоковед П. Пельо убедительно определил его как тюркское заимствование, с чем согласился немецкий языковед Г. Дёрфер, специально занимавшийся изучением тюркских заимствованных слов в персидском языке.

Считаются тюркскими заимствованиями монгольское *кесенег* 'сумка вроде ведра для стрел, носимая на спине' (по Словарю К. Голстунского; в Словаре под редакцией Ф. Лессинга: *keseneg*, *xэснэг*), бурятское *хёһёһёк* 'стрелохранилище, играющее важную роль в свадебном обряде бурят'.

Переходя теперь к установлению генетических связей между тюркским названием колчана *кеш* и русским *колчан*, следует также учесть впервые привлеченное для анализа венгерской монголистой К. У. — Кёхальми караимское название кармана *käshänä*, которое вместе с современным киргизским названием кушака *кешене* представляет собой утратившее уменьшительность образование от *кеш* 'колчан' с двумя старыми уменьшительными аффиксами *-ен = + -е*. Караимское *käshänä* обнаруживает тот же сдвиг значения *колчан* > *карман* (при общности значения 'вместилце').

Это слово отражено в славянских языках как название кармана *кишень*, *кишеня*.

Ударение восточнославянских форм *кишёня*, *кишёнь* указывает на тюркский первоисточник **кешен* с одним лишь уменьшительным суффиксом.

Русское *карман* — *корман*, по мнению Г. Дёрфера, вероятно также испытало сходное развитие, восходя к тюркскому названию налучника *курман*, отмеченному уже в Словаре Махмуда Кашгарского (в языке кыпчаков и огузов).

Этой огузско-кыпчакской форме **кешен* на болгарской почве должны соответствовать вероятные формы **калан*, **калЧан*.

В основу русского *колчан*, *калчан* могла лечь именно болгарско-чувакская форма **калЧан*, в самом чувашском языке как будто не сохранившаяся.

Во всяком случае из-за недостаточной изученности хронологии фонетических изменений на чувашско-болгарской почве пока приходится довольствоваться лишь хронологией заимствования на основании данных русской письменности, фиксирующей слово лишь с XVI века. Правда, форма *ковчанъ* в Лексиконе П. Беринды, отражающая переход *л* и *в*, происходивший на западе и юге восточнославянской территории в XIV—XV веках, позволяет видеть в слове *колчанъ* — *ковчанъ* заимствование до этого времени или в это время. С другой стороны, заимствование имело место явно после XI века, когда сочетание *-ал-* в положении между согласными уже не преобразовывалось в полногласие *-оло-*.

Итак, русское *колчан* — *калчан* представляет собою старое болгарско-чувакское заимствование, исходная форма которого не сохранилась в современном чувашском языке, но реконструируется на основании материала других тюркских языков и на основании его отражений в заимствованном фонде нетюркских языков. В современных чувашских, мордовских (эрзянских и мокшанских) и удмуртских словарях отмечается в русском написании слово *колчан*, весьма похожее на русизм, хотя за этой орфографией могут быть скрыты также и древние болгарские формы, несколько отличающиеся фактически от русского *колчан*, *калчан*.

В заметке Н. А. Баскакова «О происхождении слова *колчан*» большое значение придается предварительной датировке названия *колчан* по материалам лишь частично обследованных памятников письменности и не учитывается фонетическая история слова *колчанъ* на восточнославянской почве — превращение его в XIV—XV веках в западнорусскую форму *ковчанъ*. Изолированно стоящее башкирское название колчана *Калъян*, как и татарское *калчан*, восходят также к болгарско-чувакской реконструированной форме *калЧан* с полувзвонким *-Ч-*, которое татары, как и русские,

передали глухим -ч-, а башкиры, восприняв как звонкое -дж-, заменили его впоследствии звуком -й-: *Калъян* (qaljan). Н. А. Баскаков эту башкирскую форму оставляет без объяснения. Реконструированное у Н. А. Баскакова (и теоретически вполне возможное) тюркское *qalɕan 'набедренник, набедренное приспособление' реально нигде не представлено и обозначало бы все-таки не *к о л ч а н*, поэтому гипотеза Н. А. Баскакова требует дополнительного обоснования, в моем же разыскании всего лишь восстанавливается утраченное чувашским языком болгарско-тюркское название *к о л ч а н а* на основании фонетических соответствий и древнетюркского названия *колчана кеш*.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

О происхождении слова КОЛЧАН

Предложенная И. Г. Добродомовым этимология русского слова *колчан* как заимствования из тюркских языков через старый болгарский, несмотря на довольно тщательные фонетические обоснования, все же вызывает некоторые сомнения и требует дискуссионного обсуждения.

Если *колчан*, как утверждает И. Г. Добродомов, происходит из реконструированного им болгарского **калчан*, соответствующего названию *кеш* в других тюркских языках, то почему это слово *колчан* известно в русском языке только с 1589 года (Срезневский), то есть после покорения Казанского ханства. Булгарские заимствования в русском языке относятся к более ранней эпохе, чем другие тюркизмы, и логически И. Г. Добродомову было бы естественнее предположить, что слово *колчан* начало бытовать в русском языке ранее 1589 года, а слово *кеш* в том же значении позже. Вместе с тем в русском языке так же, как и в некоторых других славянских языках, слово *кеш* в модификациях (русское *кишень*, польское *kieśzeń* и прочее) имеется в значении 'карман', но нет слова *кеш* в значении 'колчан'.

По всей вероятности, слово *колчан* было заимствовано не из болгарского, а из более поздних кыпчакских или огузских языков.

Слово *колчан* (украинское *коучан* ~ *ковчан*, польское *kołczan*), как указывал А. О. Мухлинский, восходит к тюрко-татарскому *koldžan* ~ *kałdžan*, *kolczan* ~ *kałczan* 'мешок для стрел, колчан' (в других тюркских языках, например башкирском, *qaljan* [кальян] соответствует татарскому *qalčan* ~ *qaldžan*). Правда, А. О. Мухлинский не привел ссылку на источник или на язык, наречие или диалект, в котором бы встречалось данное слово в значении 'колчан'.

Следует отметить, что и современные имеющиеся диалектные словари по тюркским языкам также не дают прямого указания на происхождение этого слова, хотя в татарском языке это слово встречается в форме *qalčan*.

Однако, привлекая названия всей системы воинского снаряжения тюркского (кыпчакского) воина, можно предположить, что если название кольчужных наручников происходит от слова *qol* 'рука' + аффикс-*čaq* > *qolčaq*, а название кольчужных наколенников из *qon*, 'нога' + аффикс-*čaq* > *qončaq* (турецкое *qonç* 'голенище'), то 'футляр или чехол для стрел скорее всего происходит из турецкого *kałça* 'бедро, бок' ~ *qaldža* ~ *qalča* 'бедро, лядвья' (Л. Будагов) + аффикс-*n* (> *qaldža* ~ *qalča* + *n* > *qalčan*), образующий название соответствующей части снаряжения, то есть 'набедренник, набедренное приспособление' > > *qolčan* по аналогии с производной основой *quduγuγ* 'хвост' + *n* > *quduγun* 'подхвостник' (часть сбруи лошади).

Итак, представляется более вероятной догадка о том, что слово *колчан* < *qalčan* было заимствовано не из болгарского, а из более поздних огузо-кыпчакских языков, с которыми контакты русского языка были более длительными и действенными.

Н. А. БАСКАКОВ

Редакция журнала «Русская речь» благодарит всех читателей, которые прислали ответы на вопросы, помещенные в № 1 за 1974 год (стр. 97). Многие предложения и критические замечания, высказанные в письмах читателей, представляют большой интерес, и редакция постарается учесть их в своей дальнейшей работе.



древнерусской тайнописи

Не все читатели современных детективных романов знают, что шифрованная переписка героев этих произведений имеет длительную традицию. В древних русских рукописях можно встретить слова, а иногда и целые фразы, не понятные грамотному читателю. Написаны они особым письмом, цель которого — затруднить прочтение, сделать смысл написанного недоступным. Если автор хотел, чтобы его понял только тот, к кому он обращался, и чтобы для всех других читателей смысл написанного был непонятен, он применял тайнопись. Многие древнерусские рукописные книги содержат записи, сделанные с помощью секретного кода. Некоторые из них не разгаданы и до сих пор.

Известно множество разнообразных систем тайнописи. В них используются и иноязычные алфавиты (русские слова пишутся латинскими или греческими буквами), и глаголица (древняя славянская азбука). В тех случаях, когда в этих алфавитах не имелось соответствующей буквы, ее оставляли в русском начертании или придумывали для нее специальный значок. Использование глаголицы для тайнописания объясняется тем, что в XV—XVI веках она уже вышла из употребления, уступив место кириллице. Глаголические буквы отличались от букв кириллицы замысловатостью.

Тайнопись, использующая иноязычные алфавиты и глаголицу, не представляет собой особо сложной системы шифра, читателю достаточно было знать греческий, латинский или глаголический алфавит, чтобы понять зашифрованную запись. В Прологе 1431—1434 годов, хранящемся

в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, имеется следующая запись, сделанная греческими буквами: $\acute{\alpha}$ ρ ο δ ι σ α λ ρ ο τ γ α υ ρ ι λ ω ρο ζ ε σ τ υ ε υ η ι (а подписал поп Гаврило Рожествен[ск]-ий...) и т. д.

*Запись, сделанная
глаголицей,
в одной
из древнерусских
рукописей:
Михалъ писалъ
Миколѣ.*



Одна из берестяных грамот, найденных в Новгороде, относящаяся к XIV веку, донесла до нас школьную шутку, написанную при помощи нехитрого шифра, по-видимому, учеником, разыгравшим своего товарища. В грамоте всего две строчки, а конец ее оборван:

н в ж п с н д м к з а т с ц т ...
е е я н а е у а а а х о е н а ...

Если прочесть по вертикали сначала первую букву верхней строки, затем первую же букву нижней строки и так всю запись, то получится следующий текст: «Невежа писа не дума каза а хто се цита...» — оборванный конец, по всей вероятности, содержал нелестный отзыв о читателе этой записи.

Иногда для тайнописи специально видоизменялись буквы алфавита. Это один из наиболее трудных видов тайнописи. Записи, сделанные специально изобретенным письмом, встречаются уже в XIV веке. Основой таких тайных алфавитов в большинстве случаев служила кириллица (азбука, которой написаны древнерусские книги и которая в основном дошла до нас), к буквам которой либо прибавлялись какие-то элементы, либо, наоборот, буквы не дописывались. Усложнялся этот вид тайнописи еще и тем, что в него включались буквы других алфавитов (например, греческого) и придуманные начертания для отдельных букв.

Наиболее распространенной считается тайнопись, основанная на системе замен одних букв алфавита другими. В старинных книгах встречаются разнообразные варианты таких замен в небольших приписках писцов, обыкновенно

в конце книги. Одни буквы алфавита заменяются другими буквами этого же алфавита на основании их места в общем ряду. Составляется определенный ключ, знание которого дает возможность восстановить замененную букву. В русской письменности система тайнописи, основанная на замене одних букв алфавита другими, носила название *литореи*. В. Н. Щепкин, выдающийся знаток древнерусской книги, считал, что слово *литорея* происходит от искаженного греческого слова *ритор* и может быть переведено как *риторская азбука*, то есть «письмо ученых книжников».



Ключ к тайной азбуке XVII века. Отдельные буквы взяты из древнеславянских алфавитов — кириллицы и глаголицы.

Литорея могла быть простой и мудрой.

Способ замены букв в простой литорее, или тарабарской азбуке, как ее еще называли, состоял в том, что согласные буквы алфавита делились на две равные части — по десять букв в каждом ряду. В верхнем ряду буквы располагались в порядке алфавита слева направо, в нижнем — справа налево. Пишущий заменял согласные буквы одного ряда согласными другого. Гласные буквы не изменены. Ключ этой системы тайнописи выглядит так:

б в г д ж з к л м н
щ ш ч ц х ф т е р и

Этот вид тайнописи, не представляющий особой трудности для расшифровки написанного, довольно часто

встречается в письменных источниках XVI—XVIII веков. Старейший образец этой системы тайнописи относят к XIII веку. Это пятистрочная запись в Шенкурском Прологе, датированном 1229 годом. Правда, мнения специалистов расходятся — современна ли эта запись, сделанная простой литореей, самой рукописи или является позднейшей припиской. В настоящее время решить этот вопрос невозможно, так как рукопись сгорела во время пожара 1812 года и известна лишь в копии начала XIX века.

В рукописных книгах XIV—XVI веков тоже содержится достаточное количество образцов употребления этого вида тайнописи. Распространенность ее, по-видимому, объясняется прежде всего ее несложностью. Многие владельцы древних книг делали в них записи, подобные следующей: «А лА тпича нѣкмувъна ишашеша лыпа ноноша», что в переводе значит: «А съ книга пѣтрушъка иванева сына попова» — эта запись датируется XVI веком, она сделана в книге «Диоптра» (или «Зерцало», как она еще называлась) — переводе с греческого языка сочинения, приписываемого Филиппу Пустыннику, написанного им в XI веке. В этом сочинении содержались, наряду с богословскими понятиями о правилах христианской веры, сведения об устройстве вселенной и человека.

В мудрой литорее система замены букв была более сложной, в некоторых ее видах заменялись не только согласные, но и гласные буквы.

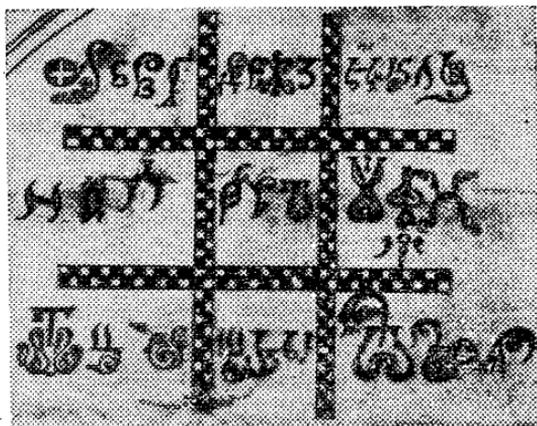
Существовала еще с четная, или цифровая, система тайнописи. Она основывалась на том, что почти все буквы древнерусского алфавита имели значение цифр. Не имели цифрового значения в кириллице буквы б, ж, ш, ц, ъ, ѝ, ы, ѿ, ю, я. Остальные буквы обозначали следующие цифры:

а — 1	аі — 11	к — 20	р — 100
в — 2	ві — 12	л — 30	с — 200
г — 3	гі — 13	м — 40	т — 300
д — 4	ді — 14	н — 50	оу — 400
е — 5	еі — 15	ξ — 60	ф — 500
ѕ — 6	ѕі — 16	о — 70	х — 600
з — 7	зі — 17	п — 80	ψ — 700
и — 8	іі — 18	ч — 90	ω — 800
е — 9	еі — 19		ц — 900
і — 10			

Тысячи обозначались теми же цифрами, что и единицы, с прибавлением знака ≠ перед буквой.

земные государства, обязаны были заучивать секретный шифр наизусть, и с его помощью составлять свои донесения в Россию. Можно привести и многие другие примеры использования дипломатической тайнописи.

Необходимость скрывать от других людей свои мысли, планы, намерения, возникала не только в связи с государ-



Ключ к тайнописи, употреблявшейся в XVII веке. Буквы, расположенные в клетках, заменялись знаками с одной, двумя или тремя точками.

ственными и посольскими делами. Нередко она была продиктована стремлением предотвратить грозящую переписывающимся опасность или желанием утаить от случайного читателя интимные чувства. Например, среди частных писем XVII века сохранились зашифрованные корреспонденции, написанные царевной Софьей князю В. В. Голицыну, находившемуся в азовском походе. Шифр некоторых из этих писем настолько сложен, что они не прочитаны и до сих пор.

В рукописном отделе Института русского языка АН СССР, в фонде Киреевских, хранится частное письмо и записка конца XVII — начала XVIII века (они опубликованы в книге С. И. Коткова, Н. П. Панкратовой «Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века». М., 1964). И то и другое написано при помощи литорей. Писали их простые люди. Прежде чем привести их текст и перевод, необходимо сделать несколько общих замечаний.

Письмо и записка написаны скорописью — видом письма, употреблявшимся в XV—XVIII столетиях. Текст, писавшийся скорописью, не разделялся на слова и не имел знаков препинания. Кроме того, в нем были выносные бук-

вы, то есть буквы, написанные над строкой. При чтении следует иметь в виду, что согласные буквы *т, л, н, р* и некоторые другие, вынесенные над строкой, обозначают как твердые, так и мягкие звуки. Предлагаемый вниманию читателей скорописный сплошной текст разделен на слова, имена собственные, не выделяемые в тексте, даны с прописной буквы.

Письмо Д. И. Киреевскому от брата Ивана

Чалуцамя роеру шьраку Црикмею Ищапощигю шмак кѣщой
Ищабта гесор шьек ецмашлкщѣи часуцам шмакед па рючия
сека и е чалуцамипею роєю лелькмидею Цорпою Ищапощпоу
а нмо чалуцамя роещо шакюбта щецакъ и чалуцам рои шакюбта
па лсухъшѣ щеситоща чалуцама релета чешомя но гекщемкая
гилсо цас щочъ ецомаща и А нми рисолки шакюбтипо ебе киш
ниби чалуцам шмакедъ то рне нмо лщоѣ рьпчосекное ецомощье
и нмо чалуцамипею рою селкъмиду нмо Цорпу Ищапощьпу ца ще-
пора б чалуцам шьмакед гиню кешѣ но утаеу щеситоща чалуцама
нолысаюкъ лнаспитощъ щъ чомощъ цъся пецомолсеи щесепе выши-
мак щъ моикамъ и кы чалуцам шьмакедъ ноець ть шакюбту иси
ноец ть Ролтъще цсА коцо гкош кешА пе шееи лыббити ца
окниби чалуцам шьмакед шущек лар пе ноецеб нмо омсощълтая
цесо шакюбту ко щьлещо пухїея о кор лтомшикъ и шосикъ щиче
ко гко щьнмет пелрогно а лер кешѣ чалуцамя лщоеру шьмаку
рьпчо рпoxelкьшоръ гесор шью

На обороте листа

Пожаловат отдад ся грамотка въ Козелескъ россылъшику
Савелю Лукьянову а ему пожаловат сослат в село Далбино гсдрю
моему брату Дмитрею Ивановичю Киреѣвскому

Перевод

Гасударю моему бѣрату Дмитрею Ивановичю брат тьвоі
Ивашка челом бьет здравствѣуі гасудар братаец на многія лета
и з гасударинею моею сестрицею Домною Ивановною а про гасу-
даря моево батюшка ведать и гасудар мои батюшка на службѣ
великова гасударА месеца генворя по четвертая число дал богъ
здорова и А при милости батюшкино еще жив пиши гасудар бра-
тець ко мне про своѣ многолетное здорвье и про гасудариню
мою сестрицу про Домну Ивановъну да ведомо ш гасудар бѣратец
чиню тебѣ по указу великова гасударА посылають спалиниковъ
въ городъ дѣля недорослеи велено выбирать въ роитарь и ты гасудар
бѣратецъ поедь къ батюшку или поедь къ Москове длА тово чтоб
тебА не взели сыщщики да отпиши гасудар бѣратецъ будет сам не
поедеш про орловская дело батюшку то въсево нужнея о том
скорбитъ и болить виде то что въпрет несмочно а сем тебѣ гасударю
своему бѣрату мноого множествомъ челом бю

Первые строки письма написаны по принятым в XVII — начале XVIII века правилам составления писем и не содержат в себе ничего такого, что необходимо было бы скрывать: сначала в письме идет челобитье автора, то есть поклон, затем сообщение о здоровье и службе отца пишущего и его самого, после чего следует просьба сообщить в ответ о здоровье адресата и его сестры. Далее следует



Надпись, сделанная «ввязью», принадлежит перу каллиграфа XVI века Матвея Десятого: Величить душа моя господа възрадовася духъ мой о бозе спасе моемъ.

текст, ради которого, вероятно, письмо и было зашифровано: брат тайно предупреждает брата о грозящей ему опасности — наборе в рейтары. Далее дается совет поехать к батюшке или в Москву, чтобы не взяли сыщики. После этого следует упоминание о каком-то орловском деле, которое автор письма тоже не хотел бы предавать гласности. Это письмо скорее всего написано на рубеже XVIII века. Оно отражает внутренний протест помещенного дворянства по отношению к петровским нововведениям, созданию им обучаемых регулярных войск, в которые набирались недоросли.

Сравнив текст и перевод, нетрудно найти ошибки в замене букв: часто вместо *щ-в* пишется *ш-б*. Второй вид ошибок — непоследовательное соблюдение замен: в слове одна, а иногда и две буквы оставлены без изменения.

Записка Ивану Федоровичу от неустановленного лица

Ишап Зедомошич кы не орапи хепа кшоя не обьрапъ шпред от коша гаек цораш а жогекъ рира коша ушникъ шошра не льхи цалкъ коше шоч шмед мхи

Перевод

Иван Федорович ты не омани жена твоя не обьманъ впред от тебя чает домав а хочеть мима тебя убить бобра не льжи дасть тебе бог впред ржи

Записка написана при помощи того же шифра, что и письмо. На ее обороте, тем же почерком, что и сама записка, дан ключ для ее расшифровки:

б в г д ж з к л р н
ш щ ч ц х о т е м п

Писавший записку хотел облегчить адресату ее прочтение. Однако смысл записки понятен только посвященным, так как в ней помимо шифра заключено иносказание: «Жена... хочет мимо тебя убить бобра». Иносказательны и последние, рифмующиеся строки: «Не лжи — дасть тебе бог вперед ржи». В маленькой записке, состоящей всего из четырех строк, допущено много ошибок, они такого же характера, что и ошибки, встретившиеся в приведенном выше письме. Вероятно, автор записки был не слишком опытен в такого рода писаниях или очень торопился.

В истории нашего языка древнерусская тайнопись — интересная страница. Она, вероятно, привлечет внимание не только специалистов, но и широкого круга читателей.

Н. П. ПАНКРАТОВА

Уроки русского языка передает дважды в неделю радиотелекорпорация «Эн-Эйч-Кэй». Большую роль в подготовке преподавателей русского языка играет Институт русского языка при обществе «Япония — СССР». «Скоро 700 наших студентов снова сядут за парты, — сказал корреспонденту ТАСС управляющий делами института Цутому Сайто. — Начнутся за-

ятия и в кружках русского языка, организованных отделениями общества в Саппоро, Нагое, Киото, Осаке и других городах...

«Потребность в знающих русский язык, а также интерес к его изучению, — подчеркнул Ц. Сайто, — будут расти с каждым годом».

«Баку» (вечерний выпуск),
2 октября 1973



В 1973 году Бюро международного молодежного туризма СССР «Спутник» получило от молодежи США, ФРГ и Франции рекордное количество писем, содержащих просьбу о приеме на курсы русского языка.

Уже в 1974 году «Спутник» примет на курсы русского язы-

ка 2 200 зарубежных гостей. Стажеры из Италии, Швейцарии, Западного Берлина, Финляндии и Скандинавских стран будут обучаться на месячных курсах в Москве, молодые французы — в Ростове-на-Дону, немцы ФРГ — в Волгограде.

«Молодежь Азербайджана»,
12 января 1974

СОЧИНЕНИЕ НА «СВОБОДНУЮ» ТЕМУ

Каждый преподаватель согласится с тем, что обычно первым вопросом абитуриента бывает: «А будет ли на вступительных экзаменах „свободная“ тема?». Причем абитуриентов интересует буквально все: как формулируется тема, какой материал целесообразнее использовать в сочинении, нужно ли использовать материал литературных произведений, наконец, как оцениваются подобные работы. Мы далеки от мысли, что такие вопросы задают лишь те абитуриенты, которые по каким-то причинам не смогли с достаточной полнотой повторить курс литературы и теперь возлагают все свои надежды на «свободную» тему. Беседы на экзамене показывают, что некоторые абитуриенты ищут «спасения» в таких темах по другим причинам: «Боялась, что не раскрою литературную тему», «Мало знаю наизусть, а там нужны цитаты» и т. д. Легко заметить, что многие «страхи» перед сочинением на литературную тему вызваны непониманием того, что любое сочинение — это изложение в письменной форме своих мыслей, суждений о теме сочинения. Таким образом, от сочинения как определенного вида письменного высказывания требуется известная доля самостоятельности в изложении фактов, их осмыслении, без чего «не может быть и сочинения».

При выборе темы необходимо исходить не из соображения «хорошо знаю — слабо знаю», а, учитывая свои склонности, симпатии и антипатии, следует взять ту тему, которая ближе, роднее, соответствует знаниям и сложившимся убеждениям. В этом случае личность отразится в работе полно и ярко. Если же тема не затрагивает, не вол-

нует, то некоторые положения, высказанные в сочинении, могут оказаться неубедительными, личность же пишущего останется непонятной читателю, а иногда предстанет в неверном освещении. Об этом особенно нужно помнить на вступительных экзаменах, где фактически единственным источником суждений преподавателя об абитуриенте является его сочинение.

Вот почему в заглавии статьи слово «свободную» мы взяли в кавычки: по сути дела, свободных тем нет, ибо пишущий не свободен в изложении материала от знания жизни, от своих убеждений, наконец, от требований логики и особенностей жанра сочинения.

С особой ответственностью нужно подходить к «свободным» сочинениям.

Они строятся на основе убеждений об определенных общественных явлениях, о людях, их поступках и т. д. Без твердых убеждений нет и не может быть правильного рассуждения. М. Горький в одной из своих статей писал: «Есть кочка зрения и точка зрения. Это надобно различать. Известно, что кочки — особенность болота и что они остаются на месте осушаемых болот. С высоты кочки не много увидишь. Точка зрения нечто иное: она образуется в результате наблюдения, сравнения, изучения литературой разнообразных явлений жизни» (Горький. О кочке и о точке).

Помимо идейной убежденности, знания жизни, пишущий должен четко сформулировать ведущий тезис сочинения, обоснованно отобрать аргументы, продумать построение работы, потому что нарушение логической последовательности в рассуждении снижает уровень сочинения, доводы автора становятся менее убедительными.

Следует помнить также и о том, что для таких сочинений характерен публицистический стиль речи, поэтому языковые средства должны быть рассчитаны на логическое доказательство, на особое эмоциональное воздействие. Качество сочинения, естественно, будет во многом зависеть от продуманной работы над словом: каждый случай употребления того или иного слова, словосочетания и предложения должен быть оправдан с точки зрения и темы сочинения, и авторской позиции.

По своему построению сочинения на свободные темы делятся на индуктивные (автор идет от освещения частных, конкретных фактов к общему заключению) и дедуктивные (путь от общего положения, умозаключе-

чения к анализу частных фактов). В практике чаще всего встречаются сочинения, построенные как индуктивно-дедуктивные рассуждения.

Иногда подобные сочинения можно строить и как рассуждения - утверждения (доказывается истинность выдвинутого положения), и как рассуждения - опровержения (доказывается ложность выдвинутого основного положения). Для утверждения того или иного положения пишущему предоставляется право использовать не только прямые факты, а иногда и доказательства от противного. В качестве аргументов следует опираться на личный опыт, на литературные примеры, публицистические статьи.

В зависимости от темы сочинения автор может дать в работе непосредственный ответ на поставленный в сочинении вопрос (Как я понимаю слова М. Горького «В жизни всегда есть место подвигам...»); высказать свою точку зрения на дискуссионный вопрос (Возможен ли человек типа Ионыча в наше время?); раскрыть значение того понятия, которое заключено в формулировке темы сочинения («Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя...»).

Для того чтобы сочинение на свободную тему получилось завершенным, необходимо, чтобы основной тезис, выдвигаемый для обсуждения, соответствовал теме сочинения; чтобы отобранные доказательства были убедительными; все части сочинения были тесно связанными между собой, выводы — четко сформулированными. Многие из того, о чем говорилось выше, имеет непосредственное отношение и к сочинениям на литературную тему.

Мы выделяем эти положения потому, что в сочинениях на свободную тему нарушение этих требований ощущается наиболее остро, так как сама тема, отбор материала требуют от пишущего идейной целеустремленности, сосредоточенности, строгого подчинения каждого компонента работы авторской установке.

К сожалению, это удается немногим. Внимательно вчитаемся в одно из сочинений и посмотрим, как удалось автору реализовать общие положения, о которых мы говорили.

Тема сочинения — «Мои мысли об учителе».

Учитель... Было время, когда я не задумывалась над этим словом. Училась в школе, мечтала быть врачом, потом архитектором...

Да и кем мы не были тогда в своих мечтах?! После школы работала на заводе. Когда товарищи узнали, что я решила поступать в педагогический институт, отговаривали: «Сейчас с детьми работать трудно...» — Трудно? Но ведь «ничего не делается само собой, без усилия и воли, без жертв и труда», — говорил А. И. Герцен. Вновь вспоминала свои мечты, но уже понимала, что там я не смогу работать, отдавая себя целиком делу. А работать без души мне не хотелось. Думая о профессии, невольно вспоминала школу, учителей. Как и у каждого ученика, у меня был свой самый любимый учитель. Он преподавал в школе не первый год, имел за плечами солидный стаж. На его уроках всегда было интересно. Я часто думала: «Почему на уроках этого учителя мне всегда интересно, хотя предмет, преподаваемый им, не был моим любимым предметом?».

Прежде всего, думала я, дело в знаниях. Но почему же нет этого на уроках других преподавателей, хотя большинство из них — это люди с богатыми знаниями? И я пришла к выводу: немаловажную роль играет и то, как учитель относится к детям. Знала я учителей, которые прекрасно владели предметом, но у них не было той любви к нам, которая так отличала этого учителя.

Он умел с нами и пошутить, но никогда не забывал и о деле. Он учил нас видеть жизнь такой, какой она есть, помогал нам бороться с недостатками, искривлять их. Учил он нас и учиться. На его уроках было все: и работа с текстами, и доклады, и собеседования. Так я пришла к важному для себя выводу: чтобы быть учителем, надо обладать педагогическим талантом. Есть ли он у меня? Пока сказать трудно...

Велика роль учителя. Сейчас ты — герой труда, но первые шаги по жизни ты сделал с помощью учителя. Ты — пионер космоса, но вывел тебя на эту дорогу опять-таки учитель...

Учитель, как садовник, заботливо и внимательно выращивает детей. Он всегда думает: «Мой ученик станет лучше, талантливее, он смело пойдет по жизни!». Так всегда думает настоящая учитель, и я хочу стать именно таким учителем.

Несколько сократив работу, мы сохранили полностью стиль этого сочинения. На наш взгляд, такой подход к теме следует признать удачным. Автор, используя свой жизненный опыт, свои наблюдения, сумел правильно отобрать материал, расположить его в определенной логической последовательности. Приемлем и индуктивно-дедуктивный путь построения сочинения. Хорошее впечатление оставляет и языковое оформление: автор сумел избежать

риторичности, в то же время в работе удачно используются вопросы, восклицания, которые помогают автору привлечь внимание читателей к изложению материала, подружески поделиться с ним своими мыслями, сомнениями. Все это, повторяем, дает нам право считать такой подход к раскрытию темы обоснованным.

А вот другое сочинение, написанное абитуриентом уже на ином материале. Автор взял тему «Только вперед, только на линию огня...» (Н. Островский). Сочинение дается с небольшим сокращением.

Казалось бы, речь должна пойти сейчас о бессмертном подвиге Николая Островского. Прав ли я буду, избрав такой путь? На мой взгляд, нет... Ведь в нашей жизни идет непрерывная борьба, борьба за нового человека, борьба за его место в обществе. Это неотъемлемая часть существования человеческого общества: пока будет существовать человечество, всегда будет наблюдаться эта борьба, борьба противоположных сил, противоположных идей, взглядов. Эта борьба — неиссякаемый источник развития и становления всего нового, прогрессивного.

Наша литература всегда была тесно связана с жизнью, с освободительной борьбой своего народа, поэтому творчество многих советских писателей — яркий пример борьбы за нового человека, за утверждение его мировоззрения, нравственности.

Немаловажную роль в этом отношении сыграла острая сатира Владимира Маяковского, «оружия любимейшего род». Он боролся против «дряни», подхалимства, мещанства, высмеивая все, что мешало утверждению новой жизни, нового человека.

Когда мы говорим о Николае Островском, непроизвольно в памяти встает образ Павки Корчагина, молодого коммуниста, целеустремленного, с сильным характером, который сложился в постоянной борьбе с самим собой, в борьбе за утверждение идеалов нового общества. Это его девиз — «Только вперед, только на линию огня...».

Корчагин всегда там, где труднее всего; он всегда стремился туда, где, как казалось ему, совершались самые важные события.

А рядом с ним шел Кожух, человек с железной волей, негибаемым характером. Настоящий коммунист, вооруженный опытом революционной борьбы, он был примером для своих товарищей. Вслед за героем Серафимовича в ряды борцов вставал Левинсон, герой романа А. Фадеева «Разгром». Именно они были впереди, на «линии огня», среди тех, кто боролся за социалистические идеалы, рожденные Октябрем.

А разве можно забыть героев Отечественной войны? Молодогвардейцы и сам Фадеев, герои Симонова и сам Симонов, Василий Теркин и сам Твардовский рука об руку сражались на «линии огня», отстаивали идеалы гуманизма, справедливости в борьбе с «коричневой чумой».

После войны прошел немалый срок... Многое изменилось: и условия жизни, и люди, и, наконец, само время. Но одно осталось неизменным: идет борьба за человека, за идеалы добра и справедливости. Неизменным для наших людей остается и девиз Н. Островского: «Только вперед, только на линию огня...».

В связи с этим мне еще хочется остановиться на романе Даниила Гранина «Иду на грозу». Герои романа Тулин, Крылов, Ричард увлечены дерзкой мечтой — покорить молнию, заставить ее служить человеку. Я очень люблю Крылова, молодого ученого, умного, талантливого человека, человека кристальной честности и большого мужества. Это один из тех людей, которые «умеют уступать», но «не умеют отступать от намеченной цели».

Он один не складывает оружия и ведет борьбу до конца, верит в успех этой сложной работы.

Меня восхищают его воля, настойчивость, огромное мужество. Хочется привести слова, сказанные им Тулину. Это и будет своеобразным заключением в моем сочинении: «Я не знаю, какой смысл быть хорошим? А какой смысл быть человеком? Раз уж ты живешь, то живи человеком, а не гусеницей; не знаю, может быть, для себя надо быть хорошим, может, для других. Я не отказываюсь бороться, только я буду бороться честью, а если я сам буду подлость применять, тогда мне уже не с подлыми бороться, а за свое местечко среди них».

Автор этого сочинения попытался показать, в чем сила советского человека, раскрыть свое понимание борьбы за нового человека в произведениях советской литературы. Такой подход правомерен, и автор в силу своих возможностей отбирает необходимый материал, анализирует его.

Подобная тема сложна для школьника, так как его жизненный багаж еще невелик. Поэтому автор стремится подкрепить свои выводы примерами из литературы, из тех произведений, с которыми он познакомился в школе. На наш взгляд, абитуриент избрал правильный путь. Тем не менее, многое в работе выглядит еще фрагментарным, изложенным без должной глубины.

По характеру изложения, отбора материала к этой теме примыкают и такие, как «Мой любимый поэт», «Что мне дорого в поэзии В. Маяковского?» и другие.

«Субъективное» начало заложено уже в формулировке темы, поэтому в таких работах должна преобладать личная точка зрения на творчество писателя в целом или на его отдельное художественное произведение.

Заканчивая статью, хотелось бы еще раз напомнить, что сочинение на свободную тему — сложный вид творческой работы. За свободную тему должны браться хорошо подготовленные, эрудированные учащиеся.

П. С. ПУСТОВАЛОВ

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПОДУМАЙТЕ И ОТВЕЬТЕ!

1. На основании каких признаков существительное *краснота* и прилагательное *красный*, обозначающие цвета, существительное *бег* и глагол *бежать* отнесены к разным частям речи?

2. Чем объясняется, что в одних существительных творительного падежа мы пишем окончание *-ым* (Лермонтовым, Тургеневым), а в других — *-ом* (Дарвином)?

3. Какова разница в значении и составе словосочетаний *костюм для спорта* и *спортивный костюм*?

4. На основании каких грамматических признаков слова *пять* и *пятерка* отнесены к разным частям речи?

5. Чем интересен глагол *оперировать* в предложениях: *Врач оперировал больных; Врач сразу оперировал больного*?

6. Почему можно допустить ошибку в определении спряжения глагола *мел...шь*? Какие особенности этого глагола могут привести к возникновению такой ошибки?

7. К. Чуковский в книге «Живой как жизнь» пишет: «Всякий образованный человек отшатнется, как от дикаря и невежды, от субъекта, который скажет в нашем присутствии: „одевь перчатки“ или „я кушаю“...». Объясните причину.

8. Древнее русское слово *ведать* уступило место слову *знать*. Но слово *ведать* не исчезло совсем. Оно живет в словах: *ведомость, краевед, неведомый, природоведение, разведчик, товаровед, уведомить, языковед*. О чем свидетельствуют эти факты?

9. Великий русский ученый М. В. Ломоносов писал в «Российской грамматике»: «Сии глагольные имена служат к сокращению человеческого слова, заключая в себе имени и глагола силу...». О каких «глагольных именах» говорил великий ученый? В каких случаях употребляются эти «глагольные имена»?

10. Сделайте выводы из следующего факта, описанного К. Чуковским в книге «Живой как жизнь»: «Вот уже лет тридцать в просторечии утвердилось словечко *обратно* с безумным значением ‘опять’. Помню, когда я впервые услышал из уст молодой домработницы, что вчера вечером пес Бармалей „обратно лаял на Марину и Тату“, я подумал, будто Марина и Тата первые залаяли на пса».

Т. В. Напольнова

Ответы в следующем номере



ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕЧЬ В ВОСПРИЯТИИ ЧИТАТЕЛЕЙ- ШКОЛЬНИКОВ

Каждый человеческий возраст связан со своим представлением о поэзии А. С. Пушкина. «Пушкин кажется понятным, как в кристально-прозрачной воде кажется близким дно на безмерной глубине» (В. Я. Брюсов. Мой Пушкин). Именно эта «бездонность» поэзии Пушкина дает возможность увидеть своеобразную многоступенчатость вхождения юного читателя в ее содержание и форму.

С целью изучения восприятия поэтической речи старшими школьниками был проведен опыт в восьмых классах.

Для опыта мы взяли стихотворение Пушкина «Коварность», написанное им в Михайловском 18 сентября 1824 года. Заметим, что почти все стихотворения, созданные поэтом осенью того года в Михайловском, в той или иной степени являются воспоминаниями о юге: в них по-разному нашли отражение переживания, связанные с удалением поэта из Одессы, его конфликтом с графом М. С. Воронцовым и разлукой с Е. К. Воронцовой, разочарованием в некоторых друзьях.

Исследователи творчества Пушкина связывают стихотворение «Коварность» с отношениями Пушкина и А. Н. Раевского в те дни, когда над головой поэта сгустились тучи. «Вероятно, в те же тревожные дни ему раскрылась коварная роль его друга, А. Н. Раевского, который „цепь ему накинул и сонного врагу предал со смехом“» (Н. Л. Бродский. А. С. Пушкин. М., 1937).

Мотив верности и благородства в дружбе проходит через все творчество Пушкина. С этим мерилom подходит Пушкин и к теме коварства, особенно опасного в дружбе.

Во взаимодействии лирических персонажей стихотворения «Коварность» («ты» и «он») находит свое образное выражение нравственная антитеза: «прямодушие и коварство», «верность и измена», «благородство и предательство». В стихотворении дается противопоставление двух человеческих характеров, двух типов людей, которых связывает дружба-вражда, острая конфликтная ситуация. Однако содержание стихотворения не сводится к этой антитезе. Авторское обращение к лирическому персонажу «ты» и вместе с ним к читателю является, с одной стороны, осуждением коварства и предательства; с другой, — утверждением дружбы и человечности.

В стихотворении нет формального лирического «я». Автор обнаруживает себя в сложной системе отношений и к персонажу «ты», и к персонажу «он», их конфликту, сложным взаимоотношениям. Его позиция заявлена прямо в ораторской обвинительной интонации, в романтических эмоциональных сравнениях, «непредметных» оценочных эпитетах, в риторических вопросах, повторах, в синтаксических анафорах («Когда твой друг...»; «Когда свою»; «Не говори... Не говори...»; «Но если ты..., Но если сам...» и др.).

Именно в этой основной тональности обвинения и проявляется динамика лирического переживания, его развитие и его разрешение.

Несмотря на кажущуюся «простоту» конфликта, раскрытого поэтом в заглавии стихотворения, образ лирического переживания сложен. Короткий монолог поэта, сам по себе глубоко субъективный, вбирает много объективного материала (ссора друзей, их поведение, их характеры).

Ситуация размолвки и разрыва друзей, «возведенная в степень» лирического переживания, неизмеримо вырастает в своей значительности, превращаясь в глубокое поэтическое обобщение.

Цельность личности поэта, чистота и сила его голоса превращают стихотворение «Коварность» в страстную проповедь гуманности и благородства.

Избрав именно это стихотворение для опыта в средней школе, мы предполагали, что тема его будет близка старшим подросткам, а структура текста поможет выявить различные уровни его восприятия. С этой целью учащим-

ся были предложены следующие вопросы: Как раскрывается личность поэта в отношении к обоим друзьям и их размолвке? Как вы понимаете восемь последних строк стихотворения «Но если сам презренной клеветы...» и до конца?

Ответы на первый вопрос должны были показать степень постижения школьниками обобщающего смысла стихотворения, уровень читательского обобщения; второй вопрос предполагал непосредственную проверку восприятия учащимися метафорического смысла кульминационной части стихотворения. Заметим, что, получив вопросы, учащиеся имели возможность пользоваться текстом стихотворения.

Половина учащихся, как показал опыт, не смогла глубоко разобраться в содержании стихотворения.

Вчитаемся в ответы учащихся (ответы даются в сокращении и без литературной правки):

Пушкин встает перед нами как человек, осуждающий предательство, насмешливость по отношению к другу. «Но если цепь ему накинул ты и сонного врагу предал со смехом». Ему мерзки такие черты, он не может равнодушно думать и говорить о пренебрежительности, трусости товарища: «Не говори: „он болен, он дитя, он мучится безумною тоскою“». Такой товарищ «дружбы не достоин».

Отвечая на второй вопрос, ученица пишет:

Пушкин рассказывает, что если и ты для друга ничего не сделал, даже более того (!), предал, то тебе уже пощады от него (!) не будет: «Тогда ступай, не трать пустых речей — ты осужден последним приговором».

Легко убедиться, что ученица не разобралась в отношениях друзей («лирических персонажей»). Ссора друзей и позиция поэта предстали перед ней доподлинной жизненной ситуацией, возможно, одним из конкретных случаев из жизни Пушкина. Поэт не был воспринят как субъект лирического переживания, как лирический характер.

Для большинства ответов этого уровня характерно неверное восприятие текста и непонимание метафор, сложных «отношений» между обоими лирическими персонажами и поэтом.

Буквальное понимание тропов свидетельствует о неумении понимать переносное значение слова и, таким образом, воспринимать метафору, являющуюся для поэтиче-

ского изображения жизни одним из могущественнейших средств художественного познания мира.

Метафора, которая входит в последнее восьмистишие, не представляет собой сложности, она безусловно точна, однако именно она вызвала наивные, прямолинейные толкования:

И тогда один товарищ накинул на другого, когда он спал,
цепь и предал его врагам. И тогда, в самую последнюю минуту,
пленник узнал, что его товарищ предатель.

В этих последних восьми строках рассказывается о предателе, который предает дружбу и никому не нужен, хоть он и рыдает, и умоляет народ, но ему никто не прощает.

Лаконизм языка лирики содержит для неподготовленного читателя серьезные трудности в воссоздании психологической ситуации конфликта, в «расстановке сил», понимании взаимоотношений друзей, характера их действий, поведения. Предельно «сжатый» язык лирики только сигнализирует о том, что происходит между друзьями, не развертывая при этом объективных картин жизни.

Очень важно иметь в виду, что многообразные сопоставления и противопоставления, осуществляемые в прозаическом тексте с помощью обычных синтаксических форм, находят в стихотворении свое выражение в ритмическом ряду, выявляются ритмическими фигурами. «Отсюда особые черты поэтической грамматики (прежде всего синтаксиса), в которой логические средства со- и противопоставления отесняются или компенсируются ритмическим параллелизмом» (Е. Г. Эткинд. Ритм словесно-художественного произведения как фактор содержания).

В стихотворении «Коварность» привычные логические формы выступают в преобразованном виде, входя в систему поэтического выражения.

Когда твой друг на глас твоих речей
Ответствует язвительным молчаньем,
Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем;
Как на тебя взор острый пригвоздя;
Качает он с презреньем головою;
Не говори: «он болен, он дитя...» и т. д.

В системе этих условных придаточных характеризуются действия второго друга, которые вызваны коварностью первого, о которой речь идет только во второй части стихотворения. Во временном отношении первая и вторая

части стихотворения должны находиться в обратной зависимости. Однако все дело в том, что реальное время обоих лирических персонажей (время их отношений и ссоры) не определяет последовательности и характера развития лирического переживания. У этого развития свои законы, не совпадающие в конкретном случае с объективными законами событийных связей.

Во второй части стихотворения включение логических форм синтаксиса в систему ритмического параллелизма выступает еще явственнее. Здесь опять анафорически повторяются условные конструкции с союзом *но*, которые ведут мысль читателя к разрешению лирического переживания:

Но если ты святую дружбы власть...
Но если ты затейливо язвил,
Но если сам презренной клеветы...
Но если цепь ему накинул ты...
Тогда ступай...

Таким образом, условно-временные и условные синтаксические конструкции в стихотворении «Коварность» не разъясняют отношений поссорившихся друзей, а введенные в ритмический ряд, многократно повторяясь, создают особый интонационный ритм.

Неподготовленные к чтению лирики читатели, пытаясь опереться на внешне привычные конструкции прозаического синтаксиса, не могут, однако, постигнуть отношений двух лирических персонажей, не говоря уже об отношении к ним обоим поэта.

Примерно четверть учащихся обнаружила в своих ответах достаточно высокий уровень восприятия. В их ответах не было прямых свидетельств буквального восприятия метафор и метафорических эпитетов, непонимания отношений друзей, самого поэта к ним и к их разрыву. И все-таки личность поэта оказалась раскрыта скупо, только по «внешним» вехам лирического сюжета, как лицо, которое «рассказывает», «говорит», «пишет».

В стихотворении «Коварность» раскрывается личность Пушкина, его отношение к дружбе. Пушкин говорит о том, что настоящий друг не бросает товарища в беде, а направит его на верный путь. Пушкин говорит, что оклеветать человека легче, чем помочь ему выбраться из своих заблуждений, а предатель не достоин дружбы.

В последних восьми строках он говорит, что люди, которые предают дружбу, никому не нужны, что они никогда не получат прощения, что они «осуждены последним приговором».

Все ответы этого уровня похожи друг на друга, так как по своей сути они являются пересказом, рационалистическим переложением поэзии на язык прозы. В ответах высшего уровня (их было тоже около четверти) восьмиклассники обнаруживают понимание поэта как субъекта лирического переживания, выражают личное отношение к содержанию прочитанного.

В стихотворении «Коварность» Пушкин раскрывает тему дружбы, в этом стихотворении он показывает свое отношение к дружбе, каким должен быть настоящий друг. Он говорит, что не надо сразу резко обвинять друга, нужно сначала разобраться и, может быть, помочь и простить его.

Не поняв своего друга, нельзя говорить: «он болен, он дитя, он мучится безумною тоскою, неблагодарен он, он слаб и зол, он дружбы не достоин».

Этими словами можно убить друга. И Пушкин резко обвиняет такого человека, он высказывает презрение к нему. Такой человек подобен убийце, только он убивает не физически, а морально.

А вот что пишет другой ученик:

Мне кажется, что Пушкин отразил в этом стихотворении свое одиночество. У него мало настоящих друзей в «свете». Большинство же из них рады сыграть на популярности поэта:

Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом...

Отравленный ядом постоянных сплетен, унижения, гонения, поэт сурово судит бывшего друга:

Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

В этом ответе поэт явно отождествляется со вторым другом, обманутым и гонимым, который обращается к первому как бы от лица второго, а не «от себя». Хотя здесь и обнаруживается известная ограниченность восприятия, ход мыслей юного читателя вполне естествен: в биографии Пушкина он ищет подтверждения подлинности той ситуации, в которой находится страдающий друг.

Интонация гневного осуждения отделяет поэта от оклеветанного и униженного второго друга. В живом, непосредственном восприятии в известные моменты развития

лирического переживания личность поэта как бы растворяется в образе лирического персонажа.

Правильное и довольно глубокое понимание обнаружили учащиеся этой группы, говоря и о кульминации стихотворения.

В последних восьми строках Пушкин пишет о самом низком поступке человека — предательстве. Последний приговор, в понимании поэта, — это приговор собственной совести:

Но если цепь ему накинута ты
И сонного врагу предал со смехом...
... Тогда ступай, не трать пустых речей —
Ты осужден последним приговором.

Осуждение предательства звучит и в читательском обобщении, которое выросло на основе восприятия нравственной концепции поэта и слияния с нею переживаний подростка.

Из ответов учащихся восьмого класса вытекает вывод о явной пестроте картины восприятия стихотворения Пушкина, лирику которого они изучили в этом учебном году по программе и были в образовательном отношении подготовлены к анализу стихотворения «Коварность». Во всяком случае по учебной подготовленности учащиеся восьмого класса были все в равных условиях, однако уровень их литературного развития оказался настолько различным, что возникает необходимость говорить об особом месте восьмого года обучения в общем процессе литературного развития школьников.

Ответы, полученные от учащихся девятого класса на те же вопросы, в массе своей заметно отличаются от ответов восьмиклассников.

Нет проявлений наивно-реалистического восприятия стихотворения, буквального понимания метафор, которое встречалось в ответах почти половины учащихся восьмого класса. Для девятиклассников характерно более глубокое проникновение в существо лирического переживания, значительно более конкретные и верные представления и соответственно образные обобщения более высокого уровня. Большинство учащихся девятого класса хорошо ощущают движение переживания, сам «лирический ход», понимают его напряженный драматизм, могут судить о композиции стихотворения и о некоторых ее элементах, проявляют умение применять историко-литературные знания в самостоятельной интерпретации текста.

Это наблюдение приводит к выводу о необходимости специальной работы над стихотворной речью в восьмом классе для того, чтобы облегчить восьмиклассникам проникновение в мир поэта, в мир образов, созданных его воображением. Когда речь идет о Пушкине, это особенно важно, так как прикосновение юной души к творениям великого поэта должно быть как можно более полным, глубоким, оставляющим след на всю последующую жизнь.

Н. Д. МОЛДАВСКАЯ

Впервые на филологическом факультете Ленинградского университета к семестровым занятиям по совершенствованию в русском языке приступила группа студентов Свободного университета Западного Берлина. До сих пор питомцы этого высшего учебного заведения, связанного с Ленинградским университетом соглашением о сотрудничестве, приезжали в наш город лишь в летние месяцы на краткосрочную стажировку.

Нынешний «визит», организованный по линии Бюро международного молодежного туризма «Спутник», рассчитан на четыре с половиной месяца.

Одновременно на кафедре русского языка для иностранцев филологического факультета к занятиям приступила большая группа студентов американских университетов.

«Ленинградская правда»,
16 февраля 1974

Русский язык получает с каждым годом все более широкое распространение на всех континентах. Владение русским языком становится необходимым элементом школьного и университетского образования во многих странах мира. В 1972/73 учебном году русский язык преподавался в школах 36 и вузах 62 стран, а с учетом всевозможных курсов (в том числе радио- и телевизионных) — в 87 странах. Общее число изучающих русский язык за пределами СССР оценивается в 16,5 млн. человек.

Резко увеличилось число изучающих русский язык в мире после запуска в нашей стране первого искусственного спут-

ника Земли. Тенденция роста интереса к изучению русского языка в разных странах мира может быть проиллюстрирована на следующих примерах: в Англии в 1957 году русский язык преподавался в 40 учебных заведениях, а в 1972 году — в 40 вузах и 802 школах; в США в 1957 году — лишь в 10 средних школах, а в настоящее время — более чем в 600 школах; в ФРГ за последние 10 лет количество изучающих русский язык увеличилось вдвое, достигнув 40 000 человек. Примерно такая же ситуация складывается в других западноевропейских странах.

«Вечерний Минск»,
20 ноября 1973

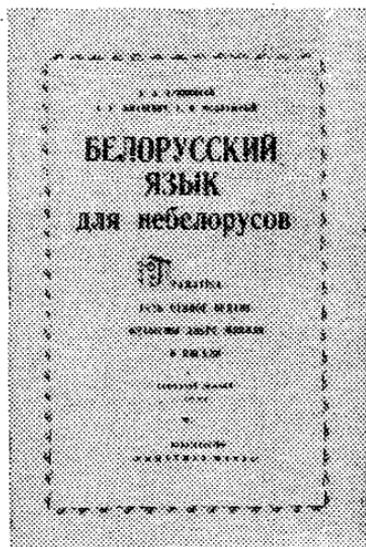
ПОЛЕЗНАЯ КНИГА

Русский, украинский и белорусский языки являются близкородственными и составляют одну семью восточнославянских языков. Человек, владеющий одним из названных языков, понимает того, кто говорит, поет, читает на другом восточнославянском языке. Но такое понимание не всегда бывает полным, ясным.

Вот почему мы считаем необходимым обратить внимание наших читателей на вышедшую недавно книгу А. А. Кривицкого, А. Е. Михневича, А. И. Подлужного «Белорусский язык для небелорусов» (Минск, 1973).

Эта книга знакомит с языком, который считают родным более семи миллионов человек, с языком, на котором созданы произведения Янки Купалы, Якуба Коласа и других писателей.

В интересном, популярно написанном «Введении» даны сведения по истории белорусского языка в связи с историей белорусского народа. Дальше следуют «Фонетика и произношение», «Морфология», «Синтаксис» и «Хрестоматия», содержащая образцы современной белорусской художественно-публицистической речи. Читению помещенных образцов, их пониманию поможет краткий русско-белорусский словарь, основное назна-



чение которого — обратить внимание читателя, знающего русский язык, на специфику белорусского языка.

Как отмечают авторы, «в словаре даются слова, „похожие“ на русские, но отличающиеся от них ударением, звучанием, формобразованием, сочетаемостью, семантикой и т. д.».

Возбудит интерес читателя и краткий русско-белорусский разговорник с разделами: «Язык», «Встреча, прощание», «Чувство, поздравление, извинение», «Обращение, просьба, приглашение, благодарность», «Согласие», «Отказ».

В книге дана «Избранная библиография по белорусистике», помещены две географические карты.

Выпустило это полезное, нужное пособие, привлекающее и своим внешним видом, четким, ясным шрифтом, издательство «Вышэйшая школа», к сожалению, весьма скромным тиражом — 2000 экземпляров.

В. Б.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРАВИЛЬНОСТЬ РУССКОЙ РЕЧИ

Начало см.: «Русская речь», 1973, № 4—6, 1974,
№ 1—3

СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ — СМОЛЕНЩИНА. Появление параллельных форм наименования областей [словосочетания и существительные с суффиксом *-щина (-чина)*] следует рассматривать как результат очень активного в современном русском языке процесса включения. Процессы включения в лексике и словообразовании современного русского языка вызваны потребностью «упрощать описательные выражения (словосочетания) цельного значения и частого употребления» (Н. А. Янко-Триницкая. Процессы включения в лексике и словообразовании. — «Развитие грамматики и лексики современного русского языка». М., 1964). Наименования *Рязанщина, Смоленщина, Орловщина* для областей и некоторых других административно-территориальных районов прочно утвердились в языке газет и разного рода информационных сообщений: «Люди Брянщины ждут от писателей новых книг» («Литературная газета», 8 июля 1970); «В Тепликском районе на Винничине первые сотни гектаров обмолоченного гороха дали средний сбор в 25 центнеров» («Правда», 18 июля 1972). Традиционная нормативная характеристика суффиксальных образований на *-щина* как будто исключает возможность использования их в качестве стилистически нейтральных наименований. Однако распространены они в современном языке так широко, что сейчас уже нет оснований усматривать здесь нарушение литературной нормы. Стремление к предельной экономии при передаче сообщений информативного характера диктует выбор более короткого варианта.

В зависимости от фонетических условий вместо суффикса *-щина* выступает суффикс *-чина*. Русская языковая традиция требует, чтобы в образованиях от прилагательных с основой на

-д- и -т- последовательно выступал суффикс *-чина*: Вологодчина, Новгородчина. Тот же суффикс (в написании *-тчина*) должен быть в словах, мотивированных прилагательным на *-цкий*: Донецкая область — Донетчина, Винницкая область — Виннитчина. Во всех остальных случаях употребляется суффикс *-щина* (см.: В. В. Лопатин. Рождение слова. М., 1973). Практически однословные наименования рассматриваемого типа возможны от любого прилагательного, входящего в составное название области. В употреблении слов-стяжений ограничением служит только специфика определенных стилей речи. Так, *Брянщина* или *Кустанайщина*, вполне естественные и полноправные в газетно-публицистической и разговорной речи, неуместны в официально-деловом стиле. В документах любого характера названия областей должны воспроизводиться полностью.

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ — ПОДМОСКОВЬЕ. В языке газет 60-х годов, а также в информационных сообщениях разного рода (радио- и телеинформация) широко распространены в качестве наименований некоторых территорий и областей однословные приставочные образования на *-ье*. Суффикс этот продуктивен в префиксально-суффиксальных образованиях. Чаще всего это наименования районов, расположенных у водных бассейнов: Приморье, Задвинье, Забайкалье, Приазовье, Приобье, или названия горных массивов: Приэльбрусье, Прикарпатье, Предуралье. «С переходом на строительство домов повышенной этажности в Заполярье экономно расходуются участки с хорошим грунтом» («Известия», 10 декабря 1969); «...Единственный в стране район с муссонным климатом — Приморье» («Известия», 11 декабря 1969). Возможны варианты названий земельных массивов: район нечерноземья — район нечерноземной полосы, Дальний Восток — Дальневосточье. Встречаются единичные названия областей на *-ье* от бесприставочных основ: Оренбуржье, Ставрополье, Каргополье, Пинежье.

В ряде случаев однословные наименования или единственно возможные или существенно преобладают по сравнению с двусловными. Следует отметить, что не все приставочные образования на *-ье* могут рассматриваться как варианты двусловного. Так, *Задвинье*, *Приэльбрусье*, *Предуралье* не имеют варианта словосочетания, они не могут рассматриваться как включения, поскольку расшифровка их возможна только средствами описательными: район, расположенный за Двиной и т. п.

Продолжение в следующем номере



ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Читатель А. В. Домбровский из Ленинграда просит объяснить разницу между словами *специальность* и *профессия*, *ресурсы* и *резервы*.

● СПЕЦИАЛЬНОСТЬ И ПРОФЕССИЯ

Оба эти слова, по данным «Словаря синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, являются синонимами, словами очень сходными по значению. Они обозначают 'род занятий, трудовой деятельности': «Увлекаются иной раз пропагандой экзотических специальностей, не учитывают общественных потребностей в тех или иных профессиях» (Материалы Всесоюзного съезда учителей. 1968).

Обычно *специальность* в отличие от слова *профессия* указывает на род занятий, требующих специальных знаний, получаемых в учебном заведении или в результате обучения где-либо: «Надо хорошо понять и твердо помнить, что все гениальные люди — Галилей и Коперник, Леонардо да Винчи и Микельанджело, Шекспир и Ньютон... Пастер и Павлов — все они были смелыми новаторами и подлинными революционерами в своей специальности» (Юдин. Размышления хирурга); «Утром, не сказав ни слова родителям, он [Алеша] пошел искать „приличную должность“ и, к своему ужасу, убедился, что он ни на что не пригоден: городское училище не дало ему никакой специальности» (Пермитин. Первая любовь).

Слово *специальность* может употребляться и в таком значении: 'отдельная область науки, техники, искусства; сфера чьей-либо деятельности' (избрать своей специальностью телевидение; специальность этого лингвиста — фонетика; учителя разных специальностей). «К сожалению, я плохо разбираюсь в теме Анатолия, я по специальности химик, — сказала она отчужденно-официальным тоном» (Графин. Вариант второй).

Специальность встречается не только в официально-деловой, научной и научно-популярной литературе. Это слово широко употребительно в произведениях художественных и очень часто в диалогической и прямой речи. В современном языке рассматриваемое слово приобрело устойчивую сочетаемость с глаголами, прилагательными, предлогами и т. п.: выбрать (выбирать) специальность, узкая специальность, по специальности и т. п.

В художественной литературе, публицистике, в языке газет нередко встречаем примеры, в которых слова *профессия* и *специальность* взаимозаменяемы. «Расширить научную работу в области изучения профессии... особенно по массовым профессиям, методике изучения способностей, склонностей и интересов учащихся» («Учительская газета», 6 января 1970); «Для удара по врагу было сосредоточено 14 катеров — рекордная цифра за всю войну! Командовал ими... пионер катерной специальности на Севере капитан 3 ранга С. Г. Коршунович» (Платонов. Правофланговые).

Во многих случаях в современном употреблении слово *профессия* обозначает более общее понятие, а *специальность* подчинено ему: «Каждая профессия разветвляется на много — иной раз несколько десятков специальностей... Возьмем, к примеру, профессию металлиста-станочника. Она разделяется на такие специальности, как токарь, фрезеровщик, строгальщик, сверловщик, штамповщик и т. д.» (Азин. Я в рабоче пойдю).

Слово *профессия* обозначает род занятий, а *специальность* — сумму знаний, обычно получаемых в учебном заведении или в результате обучения где-либо. Люди одной профессии могут иметь разные специальности.

● РЕСУРС И РЕЗЕРВ

Слово *резерв*, по данным «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах, имеет семь значений (из них три с пометой «специальное»), слово *ресурс* — два. Приведем два основных значения слова *резерв* — 1) запас чего-либо, специально сохраняемый для использования при необходимости (продовольственные резервы; иметь в резерве), и оттенок к нему — возможности, средства, еще не использованные где-либо для осуществления чего-либо: «Так вот „старец“, „старик“ — обязательно старый годами — ... сочетался на Востоке с понятием учителя. Степень уважения к нему была очень высока. Это был учитель с богатейшим резервом знаний, резервом опыта за плечами» (Шагинян. Человек и время); 2) источник, откуда черпаются новые силы в помощь кому-либо: «А вы, хлопчики, — резерв рабочего класса, единственной силы, которая способна переделать мир по-новому» (Беляев. Старая крепость).

Как показывают материалы современных источников, это слово в рассматриваемых значениях употребляется главным образом в языке газет, в деловой и научной литературе, гораздо реже в художественной. Употребляясь на страницах газет, слово *резерв* (обычно во множественном числе — *резервы*) приобрело определенные клише, то есть привычные сочетания слов: неиспользованные резервы в чем-либо; вскрывать внутренние резервы; вскрыть резервы; выявление и использование резервов народного хозяйства и т. п. «Велики неиспользованные резервы и в сельском хозяйстве» («Правда», 26 января 1970); «Однако только вскрыть резервы мало, надо активно и настойчиво включать их в действие» («Известия», 24 марта 1970); «На отдельных предприятиях далеко не полностью вскрываются имеющиеся внутренние резервы — еще слабо внедряются новая техника и передовая технология» («Экономическая газета», 20 февраля 1972).

Слово *ресурс* имеет значение — ‘средство, возможность, к которым можно прибегнуть при какой-либо необходимости’, а во множественном числе *ресурсы* — ‘запасы, средства, имеющиеся в наличии для использования при необходимости’ (ресурсы сельскохозяйственного сырья; природные ресурсы; естественные ресурсы), оттенок для данного значения — ‘денежные средства, источник денежных доходов’ (скоро его ресурсы истощились).

Г. Поспелов на страницах журнала «Наука и жизнь» (1970, № 6) следующим образом определяет слово *ресурсы*: «Любая система располагает для проведения операции определенным количеством ресурсов. К ресурсам относятся денежные и материальные средства, энергия, оборудование, вооружение, оборотные фонды в промышленности, люди, время».

Широко употребляясь в современном языке, слово *ресурсы* сильно расширило семантическую, смысловую сочетаемость. Это мы можем наблюдать как в деловой и научной литературе, так и на страницах центральной прессы и в литературе других жанров: «В них [исследованиях] нет ни полного обследования тех языковых ресурсов, которыми пользуется писатель, ни глубокого исследования тех стилистических преобразований, которым подвергается разнообразный речевой материал в творчестве того или иного художника слова» (В. Виноградов. О языке художественной литературы); «Энергетические ресурсы рек Енисея и Ангары» (Соколиква. Саяны); «ресурсы развития личности» («Литературная газета», 1972, № 11); «значительные резервы трудовых ресурсов» («Комсомольская правда», 7 января 1973); «использование биологических ресурсов» («Известия», 13 декабря 1970).

В индивидуальном употреблении слово *ресурсы* может означать ‘технические возможности»: «Натужно тянет старенький мо-

тор: „По-2“ ресурсы вылетел давно уже. Но над землей сверкнет, как метеор» (Сычев. «По-2»). В специальной литературе у слова *ресурс* формируется новое значение — ‘запас прочности, практическая возможность’: «Время пребывания в открытом космосе зависит в основном от ресурса системы жизнеобеспечения» («Правда», 25 января 1969); «Длительный срок существования космической станции на орбите предъявляет исключительно высокие требования к ресурсу и надежности аппаратуры системы управления станции» (Б. Петров. Орбитальные станции).

А. И. Литвиненко

● ИНФОРМАТИКА, ДОКУМЕНТАЛИСТИКА

Группа корректоров издательства «Экономика» спрашивает, есть ли наука информатика, существует ли слово *документалистика* и в каких значениях оно употребляется?

Информатикой называется отрасль научных знаний, изучающая закономерности собирания, преобразования, хранения, поиска и распространения информации. По существу эта наука давняя. Она была связана с книговедением, библиографированием, архивным делом и как учебная дисциплина преподавалась в вузах под общим названием *источниковедение*. Но в пору научно-технической революции, когда объем информации стал лавинообразно нарастать, потребовались новые способы ее освоения с помощью электронно-вычислительных машин и других средств автоматизации и механизации. Поэтому в конце 40-х годов формируется качественно новая наука, быстро прогрессирующая и приносящая значительные практические результаты.

Любопытно отметить, что во втором издании Большой Советской Энциклопедии ничего не говорится об информатике, тогда как в третьем ей посвящена большая статья. Не лишне указать, что специалистов по информатике называют *информатиками*.

Сам термин *информатика* был предложен в 1966 году известным физиком и историком науки Я. Г. Дорфманом и получил широкое признание как у нас, так и за рубежом. Он создан на основе слов *информация* и *автоматика* и довольно удачно в краткой форме выражает суть новой научной отрасли.

До возникновения данного термина новая наука называлась по-иному. Сперва ее называли *документацией* (так был переведен на русский язык *documentation*, обозначающий в ряде зарубежных стран эту науку). Но такое название оказалось неудачным, ибо по-русски документацией называют и совокупность документов, и процесс оформления документов или придание чему-либо харак-

тера, вида документов. Поэтому в 1958 году математик В. А. Успенский предложил новый термин-название — *документалистика*, который получил известное распространение в научных кругах и даже до сегодняшнего дня является как бы синонимом *информатики*.

Но и этот термин тоже мало удачен. Он ориентирует внимание на документ как на основное содержание науки, а данная наука занимается не только документом как источником и средством информации. Это слово имеет другие устоявшиеся значения. Уже давно *документалистикой* называют документальную кинематографию. В художественной литературе так иногда именуют направление, занимающееся созданием произведений с опорой на подлинные события, факты. И наконец, *документалистикой* в шуточной форме зовут документы, документацию (наподобие *формалистика*, *ерундистика*). Таким образом, это слово не обладает необходимым для термина свойством — однозначностью. Впрочем, в последнее время *документалистикой* называют один из разделов информатики, связанный с обработкой именно документов.

Новую науку предлагали называть *документологией* и *документоведением*, *информационной наукой*, *информатологией*, *информалогией*, но из всех предложенных названий, пожалуй, наиболее удачным оказалось *информатика*.

В. П. Петушков

● ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

С. В. Соколовский из Риги интересуется происхождением словосочетания *выходной день*. «Мы говорим *выходной день*, — пишет читатель. — Казалось бы, здесь должно быть наоборот: *нерабочий* стало быть *невыходной*, так как мы в этот день не выходим на работу...».

«Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах в качестве одного из значений слова *выходной* указывает: «Отпускной, свободный. *Выходной день* — свободный от работы, занятый день для служащих, рабочих, учащихся и т. п.». В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова находим: «*Выходной день* — свободный от работы» с пометой «новое».

Первоначально словосочетание *выходной день* употреблялось для обозначения «дня отдыха для рабочих и служащих, не могущих воспользоваться общим для всех днем отдыха. Обычно выходные дни устанавливаются для тех рабочих и служащих, которые связаны с предприятием не только работой, но и проживанием при нем, как, например, домашние работники, батраки, сторожа и

т. д., или же несут определенные дежурства, выпадающие и на праздничные дни (больничный персонал, милиционеры и т. д.)» (БСЭ. I изд.).

В «Законодательстве о труде работников просвещения» (М., 1931) указано: «Лица, занимающие должности сненормированным рабочим днем, освобождаются на общих основаниях от работы в дни еженедельного отдыха, праздничные дни и особые дни отдыха. В случае привлечения упомянутых лиц к работе в эти дни им предоставляется взамен неиспользованных праздничных дней или дней отдыха другие выходные дни [разрядка наша.—С. Д.] в течение ближайшей недели...». Здесь слово *выходной* еще употребляется в своем основном значении — ‘связанное с выходом откуда-нибудь или служащее для выхода откуда-нибудь’: выходной день — день выхода с работы. Вот пример из большой Картотеки Словарного сектора Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР: «Сегодня выходной день, будет собрание» (Старая Ладога, Волховский р-н Ленинградской обл.). Воскресенье же считалось днем отдыха или нерабочим днем, общим для всех рабочих и служащих. «Согласно представлению ВЦСПС, Президиум Верховного Совета СССР постановляет: ... 2. Перевести во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях работу с шестидневки на семидневную рабочую неделю, считая седьмой день недели — воскресенье — днем отдыха» [разрядка наша.—С. Д.] (Из Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. Законодательство о труде медицинских работников. М., 1947).

По мере фразеологизации сочетание *выходной день* приобрело значение ‘свободный от работы, занятий день...’, которое распространилось на все еженедельные дни отдыха, включая и воскресенье: «Выходной день — день еженедельного отдыха трудящихся, как правило, воскресенье» (БСЭ. II изд.). Вот примеры из ленинградской Картотеки: «В загородных парках, на просеках и просто в поле — на целине можно встретить в выходные дни большие группы людей, совершающих лыжные переходы в деревню, в лес, на озеро» («Правда», 17 декабря 1943); «Мы не вышли на работу. Пурга — это выходной день на северной стройке» (Горбатов. Обыкновенная Арктика). В разговорной речи употребляется слово *выходной* в том же значении, что *выходной день*: «Мне он об этом ничего не сказал, а в первый же *выходной* взял в Сельде Фурманку, ученика того, перероска,— и в Княжево» (Быков. Обелиск).

С. Н. Дмитренко

● КАПИТАНА-ИНЖЕНЕРА ИЛИ КАПИТАН-ИНЖЕНЕРА?

А. Андреас из Тульской области и Н. Коржукова из Калининградской области спрашивают, как склоняются новые воинские звания *капитан-инженер*, *майор-инженер*, *полковник-инженер*.

В декабре 1971 года были введены новые составные воинские звания, в которых на первое место вынесено название офицерского чина, а на втором дается профессиональная квалификация: лейтенант-инженер, капитан-инженер, капитан-лейтенант-инженер, майор-инженер, капитан I ранга (II, III ранга)-инженер, подполковник-инженер, полковник-инженер, генерал-майор-инженер, контр-адмирал-инженер, генерал-лейтенант-инженер, вице-адмирал-инженер, генерал-полковник-инженер, адмирал-инженер. Группа составных наименований воинских чинов и званий и до нового указа была достаточно широкой: насчитывала не менее 30 обозначений.

Уже в XIX веке и в профессиональной речи военных, и в литературном языке сложились прочные традиции неизменяемости квалифицирующей первой части военных и других составных наименований в косвенных падежных формах: генерал- (-адмирала, -адъютанта, -аншефа, -губернатора, -директора, -лейтенанта, -майора, -полковника, -прокурора, -фельдмаршала); капитан-лейтенанта и т. д. «Плодом... усилий явился указ 27 апреля 1722 г. о должности генерал-прокурора. Здесь... определяется существо новой должности: „Сей чин яко око наше и стряпчий о делах государственных“» (Ключевский. Курс русской истории).

Несклоняемость первой части сложносоставных слов этого типа поддерживается в современном литературном языке очень широким кругом терминологических и обиходных наименований, в которых стабилизировалась норма неизменяемости первой части. Такова обширная группа сложносоставных наименований, в которых первое слово представляет собой недавнее заимствование, символ буквы или аббревиатуру: конференц-зал, вакуум-камера, икс-лучи, блок-карта, пресс-конференция, дизель-мотор и многие другие. Немало и таких наименований: плащ-палатка, роман-газета, план-карта, яхт-клуб, матч-турнир, матч-реванш.

Сюда же примыкают многие наименования лиц по их должности, профессии, занимаемому общественному положению, национальности: борт-механик, борт-проводник, приват-доцент, лорд-канцлер, лорд-лейтенант, премьер-министр, камер-юнкер, бурят-монгол и под.

Введение новых сложносоставных наименований в сущности не должно бы изменить сложившуюся грамматическую норму. Названия *инженер-капитан* и *капитан-инженер* грамматически тож-

дественны. Если мы говорим «отдать честь *капитан-лейтенанту, генерал-полковнику*», то почему мы не можем сказать точно так же, обращаясь к *капитан-инженеру*? Тем не менее в газете «Красная звезда» у некоторых новых наименований склоняются обе части: у подполковника-инженера, с майором-инженером, к лейтенанту-инженеру. «Широкая улыбка озаряет доброе лицо подполковника-инженера Старосты» («Красная звезда», 18 февраля 1972); «Успешно выполнена очередная учебная задача... Вновь отличилась смена капитан-лейтенанта-инженера Ю. Лебедева» («Красная звезда», 11 января 1972). Однако по-прежнему не склоняется первая часть в традиционных наименованиях: у капитан-лейтенанта, к генерал-полковнику, с генерал-майором. «Сосредоточено лицо капитан-дублера В. Балцука» («Комсомольская правда», 10 августа 1972); «Солдаты-музыканты разучивали к встрече генерал-губернатора свои марши» («Туряст», 1971, № 2).

Новые воинские звания встали в один ряд с многочисленными составными обозначениями профессиональной квалификации инженеров. Так, в производственной терминологии широко распространены названия: инженер-автомобилист, инженер-испытатель, инженер-исследователь, инженер-металлург, инженер-строитель, инженер-экономист и другие. У этих наименований принято склонять обе части: работать *инженером-электриком*, диплом *инженера-металлурга*. Правило склоняемости обеих частей подкрепляется еще и тем, что в широкой обиходной и публицистической речи очень многие составные наименования-«двойняшки», называющие лиц по должности, положению или по каким-либо другим качествам, в косвенных падежах требуют склонения обоих компонентов наименования. Есть множество таких примеров: *приезд министра-президента, работы женщины-скульптора, имя автора-иллюстратора, роль космонавта-дублера, создать космонавта-робота, быть редактором-консультантом, встреча композиторов-песенников*.

С введением новых воинских званий появилась необходимость регламентировать и нормы их употребления. Большую роль в этом отношении сыграла газета «Красная звезда». В своем письме в Институт русского языка АН СССР редакция сообщила список новых наименований и правила их употребления в профессиональной военной среде. Так, авторы письма пишут, что склоняются следующие звания: *лейтенанта-инженера, капитана I ранга-инженера, контр-адмирала-инженера* (но: генерал-полковника-инженера); звания *техник-лейтенант, техник-интендант*, которые теперь упразднены, в словарях должны иметь помету «устарелое»; желательно включить в словарь такие слова-термины: *генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник* — *генерал-майора* и под.; по тради-

ции *инженер-механик* следует склонять — *инженер-механика*; в званиях военных летчиков и штурманов: *летчик-инженер, штурман-инженер, механик-водитель* — склонять оба слова.

Учитывая новые тенденции в склонении воинских званий, можно допустить изменимость первой части у новых наименований, оставив при этом в силе правило несклоняемости у традиционных. Нет необходимости менять более чем столетнюю практику несклоняемости старых составных названий, которые используются в классической литературе, зарегистрированы в этой форме во всех нормативных справочниках и словарях и по сей день употребляются в неизменяемой форме.

Л. К. Граудина

● ВЛАГА

Газета «Ленинградская правда» (6 февраля 1973) поместила корреспонденцию под названием «Море в степи», в которой рассказано о затоплении водохранилища на Кубани и употребляется слово *влага* в следующем контексте: «На левобережье Кубани началось заполнение Крюковского водохранилища. Потoki горных рек устремились в огромную чашу степного моря. Водохранилище построено на землях новых рисосеющих районов — Абинского и Крымского. К началу массового полива риса оно вместит до 100 миллионов кубометров влаги». Читатель Ю. Е. Котов из Ленинградской области, ссылаясь на «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, считает, что слово *влага* в данной корреспонденции употреблено неправильно.

Действительно, одноклассный Словарь С. И. Ожегова определяет слово *влага* так: «Сырость, вода, содержащаяся в чем-н.» — и приводит пример: «Воздух, насыщенный влагой».

Однако во II томе 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» читаем другое: «Влага... Жидкость, вода». И среди множества иллюстраций находим такие: «Около родника зеленеет короткая, бархатная травка; солнечные лучи почти никогда не касаются его холодной серебристой влаги» (Тургенев. Малиновая вода); «Юноша! скромно пируй, и шумную Вахову влагу С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай» (Пушкин. Юноша! скромно пируй...); «На глазах выступила влага, и уже к горлу подступил ком» (Чехов. Старость).

17-томный Словарь в данном случае следует традиции словарей XIX века. Так, Словарь В. Даля определяет слово *влага* как «жидкость вообще // мокрота, сырость, вода», «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 года — «жидкость, мокрота, сырость». В задачи 17-томного Словаря входило описание словарного состава русского языка от Пушкина до наших дней.

Поэтому при определении слова для него было важно учесть материалы из лигатурных источников XIX века. Современные употребления также не противоречили такому определению значения слова, и они есть в словарной статье, например: «Благородный олень стоял в воде и время от времени в холодную темную влагу погружал свою морду» (Арсеньев. В горах Сихотэ-Алиня). Однако, уже судя по материалам этого Словаря и Картотеки Словарного сектора Института языкознания АН СССР, которую он использовал, в современном языке наметилась тенденция к сужению значения и стилистическому ограничению слова *влага*, что и нашло отражение в последних словарях. Употребления *влага* в значении 'вода', тем более 'жидкость вообще', стали редки. В этом смысле использует слово современная поэзия:

От пастбищ, высушенных жаром,
в отроги, к влаге и траве,
теснясь нестройно, пла отара
с козлом библейским во главе.

С м е л я к о в. Я г н е н о к

Или: «Влага соленых твоих морей» (Щипачев. Вьетнам),
«А круглые листья, где любят стрекозы
Над мирною влагой [в тени отдыхать]» (В. Рождественский. Кувшинки).

Слово *влага* как синоним слов *вода*, *жидкость* сохранилось также в устойчивых сочетаниях *живительная влага*, *драгоценная влага* и других, которые связаны с манерой или желанием выражаться высоким стилем, а также в сложных словах: *водоотталкивающая пропитка*, *лагоотталкивающая пропитка*, *водонепроницаемость*, *лагонепроницаемость*. В приведенном примере из «Ленинградской правды» слово *влага* употреблено вместо *вода*, очевидно, в стилистических целях.

Е. Н. Толикина

● САМБО

Е. В. Усенко из Киева спрашивает, к какому грамматическому роду относится слово *самбо*.

В 30-е годы в нашей стране получил широкое распространение новый вид спортивной борьбы, сложившийся на основе элементов национальной борьбы азербайджанского, грузинского, туркменского и других народов. Во многих городах Советского Союза стали проводиться соревнования по этому виду спорта, названному в дальнейшем борьбой самбо.

Самбо относится к разряду сложносокращенных слов смешанного типа. Составлено оно из первых трех букв слова *самооборона* и начальных букв — *без оружия*. Впервые слово *самбо* было вклю-

чено в 4-е издание «Словаря русского языка» под редакцией С. И. Ожегова (1960). В нем, а затем во всех последующих толковых и орфографических словарях оно отмечается как несклоняемое существительное среднего рода. Чем же объяснить такой выбор рода у слова *самбо*?

Многие сложносокращенные слова приобретают категорию рода основного существительного словосочетания, образующего данную аббревиатуру. Особенно характерно это для тех сложносокращенных слов, у которых внешняя звуковая форма соответствует роду стержневого слова словосочетания, например сокращения имеют форму мужского рода: комсомол — коммунистический союз молодежи; санбат — санитарный батальон; БелАЗ — Белорусский автомобильный завод.

Однако в процессе употребления род у определенных сложносокращенных слов может измениться. Так, очень многие аббревиатуры на твердый согласный, которые, судя по роду центрального слова сочетания, образующего эту аббревиатуру, должны быть отнесены к разряду существительных женского или среднего рода, приобретают форму мужского рода: вуз — высшее учебное заведение; дот — долговременная огневая точка; колхоз — коллективное хозяйство; нэп — новая экономическая политика.

Подобные изменения происходят и со сложносокращенными словами, оканчивающимися на гласный. В результате довольно часто употребления у этих слов может появиться свой род, соответствующий внешнему фонетическому облику слова-сокращения; горфо — городской финансовый отдел; районо — районный отдел народного образования; сельпо — сельское потребительское общество. Особенно часто подобные изменения отмечаются в случае забвения «расшифровки» аббревиатуры: горзо — городской земельный отдел; бумлитиз — бумажная литая изоляция; доризул — дорожное бюро изобретений и улучшений; или в случае заимствования: радар — радиолокатор, radar — radio detecting and ranging; НАТО — Организация Северо-атлантического договора, NATO — North Atlantic Treaty Organization; ДЕФА — киностудия ГДР, DEFA — Deutsche Film-atelier.

Именно к такому типу слов, родовая принадлежность которых определилась не по главному слову, а по внешней звуковой форме, и относится слово *самбо*. По ведущему слову словосочетания — *самооборона* — можно было ожидать, что в речевой практике *самбо* будет употребляться как существительное женского рода, но гласный *-о*, на который оканчивается данная аббревиатура, придавал ему внешнюю грамматическую форму среднего рода, и слово приобрело в употреблении именно эту форму: «В 1966 году на конгрессе Международной федерации борьбы (ФИЛА) самбо получило официаль-

ное признание» («Советский спорт», 24 ноября 1972); «За эти годы самбо впитывало в себя, как губка, все многообразие приемов из других видов борьбы» («Советский спорт», 28 ноября 1972).

Следует однако, заметить, что подобные употребления слова *самбо* без опорного существительного *борьба* не так уж часты. Это наблюдается обычно в тех случаях, когда рядом со словом *самбо* стоит глагол в форме инфинитива или существительное с предлогом и без него: заниматься самбо; чемпионат по самбо; увлечение самбо. «Секция самбо может быть организована в любом низовом коллективе физической культуры» (Харлампиев. Борьба самбо); «Сато — один из первых десяти победителей открытого чемпионата по самбо, проходившего в ноябре 1972 года в Риге» («Советский спорт», 24 ноября 1973); «Самбо — вид борьбы, где возможности еще полностью не раскрыты» («Советский спорт», 28 ноября 1972).

Чаще в письменных стилях встречаются сочетание *борьба самбо*: «Занятия борьбой самбо направлены на всестороннее физическое воспитание занимающихся в целях их подготовки к труду и защите Родины» (Харлампиев. Борьба самбо).

Слово *самбо* в современном русском литературном языке имеет сложившуюся форму среднего рода.

Н. В. Новикова

● УСУГУБИТЬ, УСУГУБИТЬСЯ

Ю. Груздев из Талды-Курганской области высказывает сомнения в правильности фразы «Положение усугублялось тем, что не было строительных материалов» («Москва», 1972, № 6, стр. 26). Не лучше ли сказать: «положение ухудшалось...»? — спрашивает читатель.

Глаголы *усугубить* и *усугубиться* в соответствии со своим значением 'усилить (-ся), увеличить (-ся)' употребляются по отношению к тому, что изменяется по силе проявления и количеству. Поэтому можно усугубить и может усугубиться — веселость, тоска, темнота, жара, волнение, обида, боль, опасность и т. д., нельзя усугубить и не может усугубиться — настроение, положение, отношения и под. Но если же такие существительные сочетаются с качественно-количественными определениями, образуя новые понятия, для которых изменение по силе проявления и количеству допустимо, становится возможным и соединение их с глаголами *усугубить* (-ся): может усугубиться — грустное настроение, трудное положение, неприязненное отношение и прочее.

Смысл сочетания *положение усугублялось* можно истолковать двояко. Во-первых, из широкого контекста обычно бывает ясно, что речь идет о трудном, тяжелом, неприятном и т. п. положении, хотя в самом сочетании это не обозначено. Данное сочетание употребляют без определения, какое положение, исходя из об-

щего смысла контекста (именно так оно употреблено в примере, на который ссылается читатель Ю. Груздев); это становится очевидным, если увеличить контекст: «Не простая штука — строить на пустом месте, да еще в зимних условиях казахстанской степи. Положение усугублялось тем, что не было строительных материалов» (Моргун. Хлеб и люди). Во-вторых, возможно, что в данном случае наметился сдвиг в значении самого глагола *усугубиться*. Здесь он имеет значение не ‘увеличиваться’, а ‘утяжелиться’: положение становилось более тяжелым (сдвиг допустимый и логически оправданный, потому что основной смысл значения — ‘увеличение, усиление’ сохраняется и здесь).

Перед нами новое, входящее в литературный язык употребление, которое, однако, еще не зарегистрировано в словарях и справочных пособиях. У нас нет оснований рассматривать это употребление как речевую ошибку.

И. Н. Шмелева

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь» обязательна*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, **В. П. ВОМПЕРСКИЙ**, **К. В. ГОРШКОВА**,
В. П. ДАНИЛЕНКО, **В. Я. ДЕРЯГИН**, **И. Г. ДОБРОДОМОВ**,
В. А. ЕРЕМИН, **Л. П. ЖУКОВСКАЯ**, **Л. М. ЛЕОНОВ**,
А. И. ОВЧАРЕНКО, **И. Ф. ПРОТЧЕНКО** (зам. главного редактора),
Л. И. СКВОРЦОВ, **Ю. С. СОРОКИН**, **Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ**,
Ф. П. ФИЛИН

Ответственный секретарь **О. А. ХАМИЦАЕВА**

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2

Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией *И. М. Беспалова*
Художественный редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *Н. М. Кузьмина*, *В. В. Беляев*

Сдано в набор 12/IV-1974 г. Подписано к печати 25/VI-1974 г. Т-12212
Тираж 75 000 экз. Формат бумаги 84×108¹/₃₂ Усл. печ. л. 8,4 Бум. л. 5

Уч.-изд. л. 10,2 Зак. 509

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 50 коп.

Индекс 70788

РУССКАЯ ФИЛИГРАНЬ



Публикуемый водяной знак принадлежит Ростовской фабрике Ивана Саввича Яковлева. Основана фабрика была в 1745—1750 годах князем Петром Ивановичем Репниным в селе Плещеево Холмской волости Ростовского уезда Ярославской губернии. В руках П. И. Репнина фабрика находилась до 1768 года. В этом же году он начал вести переговоры с купцом Саввой Яковлевичем Яковлевым о продаже фабрики. Купил ее в 1776 году Иван Иванович Матвеев за 150 000 рублей.

В 1780 году фабрика окончательно перешла в руки купца С. Я. Яковлева, после смерти которого (1784) владельцем стал его сын Иван. Объем выпуска бумаги разных сортов составлял в то время 20—25 тысяч стоп (мера бума-

ги, прежде равная 480 листам, а в метрической системе — 1 000 листам).

Воспроизводимый знак состоит из литер РФІЯ (Ростовская фабрика Ивана Яковлева). В левой половине листа дано изображение оленя (герб Ростовского уезда Ярославской губернии), стоящего на невысоком холме, поросшем травой, а внизу листа — год отлива бумаги. Данный знак существовал с 1787 по 1798 год. Фабрика в роду Яковлевых находилась до 1891 года, а затем она перешла во владение князей Гагариных.

(Продолжение следует)

РУССКАЯ
РЕЧЬ



ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»